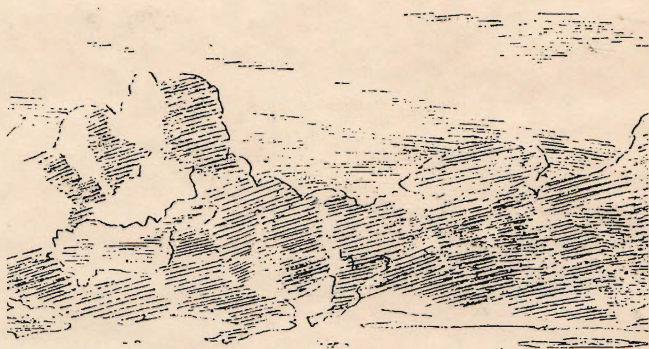

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

ПО СЕВЕРУ РОССИИ

ПУТЕШЕСТВИЯ

К. К. Случевский

ПО СЕВЕРУ РОССИИ

О Г И
МОСКВА
2009

УДК 94(47)
ББК 26.89
С49

Случевский К. К.

С49 По Северу России / К. К. Случевский. — М.: ОГИ, 2009. — 304 с.

ISBN 978-5-94282-536-2

Константин Константинович Случевский (1837–1904) — крупнейший русский поэт второй половины XIX в. Особое место в его творчестве занимают путевые очерки «По северу России» (1886–1888) и «По северо-западу России» (1897), появившиеся после поездки в свите великого князя Владимира Александровича (1847–1909) по северо-западным и северным губерниям европейской России. Написанные по горячим следам, очерки отразили динамичную и разнообразную жизнь русского Севера в царствование Александра III.

«Архангельск, несомненно, город будущего... К нему должны тянуться не только северные окраины, к нему должна тянуться Россия», — проникательно утверждает автор.

УДК 94(47)
ББК 26.89

ISBN 978-5-94282-536-2

© ОГИ, 2009

Подписано в печать 28.09.2008. Гарнитура Петербург.

Формат 84×108¹/₃₂. Объем 9,5 печ. л.

Бумага LUX CREAM. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 0825380.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Оглавление

<i>От редакции</i>	7
--------------------------	---

1884 год

Выезд	11
Грузино	16
Боровичи	26
Устюжна	34
Череповец	41
Кириллов	47
Белозерск	60
Вытегра	66
Онежское озеро	73
Петрозаводск	78
Поездка на Кивач	88
Охота на Климецком острове	99
Вознесенье. Лодейное Поле	106
Новая Ладога. Шлиссельбург	113

1885 год

Очерк пути	125
Город Остров	132
Святогорский монастырь	137
Новоржев	144

Холм	148
Демянск	154
Валдай	159
Вышний Волочок	167
Бежецк	175
Рыбинск	179
Волга от Рыбинска до Ярославля	188
Ярославль	195
Ростов Великий	204
Вологда	212
Река Сухона до Тотьмы. Тотьма	220
Устюг Великий	232
От Устюга до Сольвычегодска	243
Река Вычегда. Сольвычегодск	250
По древнему Заволочью	259
Холмогоры	267
Архангельск	280
<i>Таблица устаревших мер и весов</i>	<i>299</i>

От редакции

Константин Константинович Случевский (1837–1904), выдающийся русский поэт второй половины XIX в., родился 26 июля в С.-Петербурге, в семье сенатора. В 1855 г. он окончил кадетский корпус, служил в гвардейском Семеновском полку, в 1859 г. поступил в Академию Генерального штаба.

Первые его стихотворения и переводы, опубликованные в 1857 г., высоко оценили А. А. Григорьев и И. С. Тургенев, при содействии которого появились публикации в «Современнике» и «Отечественных записках». Однако молодой поэт подвергся осмеянию со стороны крайне левого сатирического еженедельника «Искра» и Н. А. Добролюбова, который опубликовал убийственную пародию «Мои желанья». Оскорбленный Случевский прекратил печататься, оставил военную службу и уехал учиться за границу.

Случевский посетил университеты Парижа и Берлина и в 1865 г. в Гейдельберге по окончании курса получил степень доктора философии. Вернувшись в Россию, в опубликованном в 1866–1867 гг. цикле из трех статей «Явления русской жизни под критикою эстетики» он подверг обличительной критике антихудожественные идеи П.-Ж. Прудона, Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева.

С начала 1870-х гг. Случевский снова возвращается к литературной деятельности как поэт, печатает стихи в коллективном сборнике «Складчина» и в некоторых журналах. Затем дебютирует как прозаик, публикует роман «От поцелуя к поцелую» (1872), сборники повестей и рассказов «Виртуозы» (1882), «Застрельщики» (1883), «Тридцать три рассказа» (1887), «Исторические кар-

тинки» (1894). Особую известность получил его философский роман «Профессор бессмертия» (1892).

Случевский сделал успешную карьеру на службе в министерстве внутренних дел, затем в департаменте государственных имуществ. С 1891 по 1902 г. он работал главным редактором «Правительственного вестника», дослужился до тайного советника, стал гофмейстером, членом совета Главного управления по делам печати.

В 1881–1890 гг. Случевский выпускает «Стихотворения» в 4 книжках; в 1898 г. публикуются «Сочинения К. К. Случевского» в 6 томах (по три тома стихов и прозы); в 1902 г. отдельной книгой выходят «Песни из уголка». Последними сочинениями поэта стали мистико-философские циклы стихотворений «Загробные песни» и «В том мире», опубликованные им незадолго до смерти в журнале «Русский вестник».

Особое место в творчестве Константина Случевского занимают книги путевых очерков «По северу России» (1886–1888) и «По северо-западу России» (1897), появившиеся в результате поездки в свите великого князя Владимира Александровича (1847–1909) по северо-западным и северным губерниям европейской России.

Великий князь Владимир Александрович получил блестящее и разностороннее образование, отличился в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в дальнейшем занимал ряд ключевых должностей в военной администрации, с 1884 по 1905 г. был командующим Гвардии и Петербургского военного округа. Пользуясь особым доверием своего брата императора Александра III, по его поручению великий князь совершил несколько инспекционных поездок, целью которых была проверка практического осуществления военных реформ 1870-х гг. и мобилизационной готовности транспортной системы северного региона России. Попутно великий князь посещал в разных городах и весях исторические и культурные достопримечательности.

Путевые очерки, написанные К. К. Случевским по горячим следам этих поездок, отразили динамичную и разнообразную жизнь северной России в конце XIX в.

Очерки публикуются в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации, но с сохранением своеобразия авторской речи по изданию: «По северу России», Т. 1. СПб., 1886. Несколько повторяющихся эпизодов, связанных с инспекционной деятельностью великого князя Владимира Александровича сокращено; места купюр отмечены угловыми скобками.

1884 год

Выезд

*Характеристика мест, которые предстояло посетить
в 1884 году.*

Назначенный для отъезда государя Великого Князя день, 6-го июня, начинался довольно пасмурно, и из-за легкого тумана, заволакивавшего вокзал Николаевской железной дороги, нельзя было предвидеть начало той долгой хорошей погоды, которая предстояла нам на все время путешествия.

В 8 часов утра Великий Князь выехал из Царского Села на станцию Николаевской железной дороги Колпино, откуда, немедленно по прибытии из Петербурга экстренного поезда, направился к станции Волховской. Свита Великого Князя была очень невелика, всего трое: начальник штаба войск гвардии и петербургского военного округа, адъютант Его Высочества и пишущий эти летучие заметки.

Путешествие Великого Князя должно было продлиться две недели. Его Высочество предполагал посетить только три губернии военного округа, Ему вверенного: Петербургскую, Новгородскую и Олонецкую. Во второй половине поездки Великого Князя должна была встретить в Вытегре Августейшая Супруга его, великая княгиня Мария Павловна, для дальнейшего следования вместе на Петрозаводск и обратно, в столицу.

Цель путешествия Его Высочества заключалась в подробном и всестороннем ознакомлении с современным состоянием войск, расположенных в городах, чрез которые Его Высочество проследует.

Согласно маршруту, назначалось сделать водою, жаленными и обыкновенными дорогами немного менее 2000 верст.

По весьма многим причинам места, которые намеревался посетить Великий Князь, представлялись чрезвычайно любопытными, хотя, может быть, нигде во всей России не исчезли исторические памятники былого с такою обидною последовательностью, как именно на нашем деревянном севере. Человеку, проезжающему этими местами, на первый взгляд легко может показаться, что ничего тут особенного не было, ничего замечательного не совершилось. Тихо, безмятежно лежат поля, леса, пустыри; скромны деревни; нечасто встречаются усадьбы; памятников, каменных и железных, свидетелей былого, гораздо меньше, чем было бы можно ожидать.

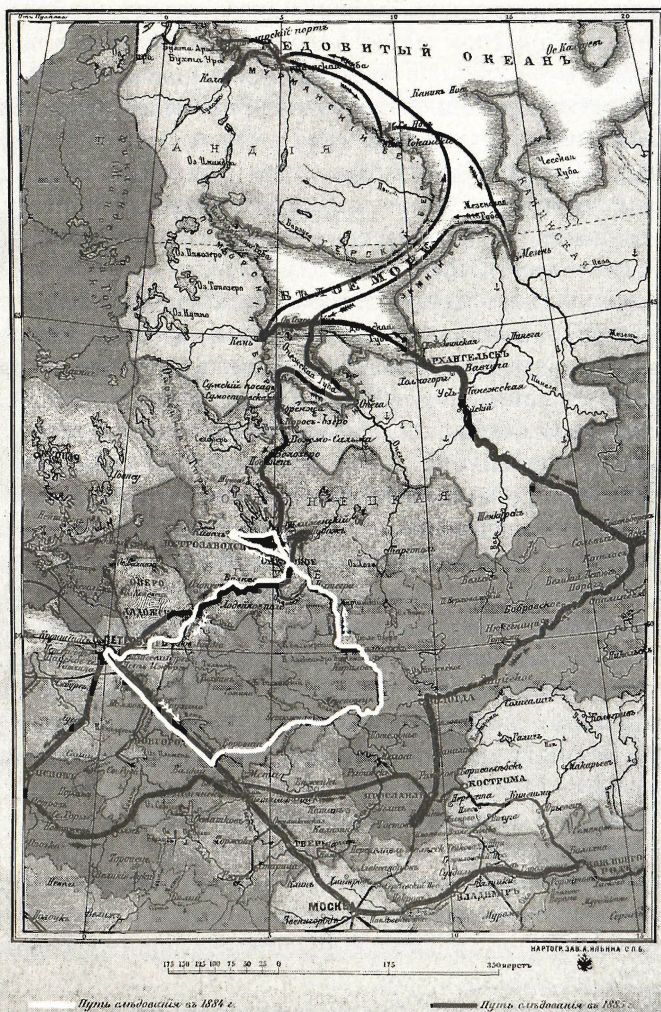
Но если коснуться истории, впечатление изменится: край населится удивительными картинами, дебри оживут, и воспоминания о самых отдаленных исторических событиях невольно восстанут в памяти путешественника. Белоозеро, Синеус, Рюрикова крепость, Княгиня Ольга, Великий Новгород — все это говорит о тех временах, когда Москвы не было еще и в помине, о десятом столетии, между тем берега Невы и Обонежской пятины были уже новгородскими землями и политы обильно русскою кровью. Но не одни только имена названных мест поднимают в памяти глубокую давность русского владения; во многих обычаях и поверьях Олонецкого края и пустынных местностей водораздела ладожских и волжских вод удерживаются до сих пор чисто языческие основы.

Раньше других лежит на нашем пути Грузино. Это центр бывших новгородских военных поселений. Намечен суровый, неприветливый облик Аракчеева.

От Грузина прямой путь Великого Князя идет на Боровичи. Там, в Грузине, искусственное насаждение мечты капризного, самолюбивого человека; тут — одна из вечно-клокочущих артерий народной самостоятельной жизни. И какая древность, какой ветхий, почтенный облик: «Иде Ольга к Новграду, — говорит Нестор, — и нача устанавливати по Мсте погосты и дани». Это десятый век; и тогда уже река Мста служила народной жизни, как служит она теперь и будет служить в будущем.

Затем следует Устюжна. Этот небольшой городок существовал еще в те годы, когда над Россией, не имевшей имени,

КАРТА
СѢВЕРНЫХЪ ГУБЕРНІЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ
 СЪ ОБОЗНАЧЕНІЕМЪ МАРШРУТА СЛѢДОВАНІЯ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ
 въ 1884 и 1885 годахъ.

Карта Северных губерний Европейской части России
 с обозначением маршрута путешествий 1884–1885 гг.

проходил ее железный век. Тут был центр металлического производства древней Руси; страна и до сих пор полна следами рудного дела, погасшими кузницами-домницами. Еще при Иоанне IV Устюжна служила чем-то вроде арсенала и принимала царские заказы на оружие. И недаром называли устюжан железными людьми: они доказали это в тяжелую годину междоусобицы, в знаменитую свою защиту, в 1608 году, от поляков и литвы, от наваждения «латинского крыжа»¹. Эта защита — одна из чудеснейших страничек нашей истории, к несчастью, слишком малоизвестная; ее нужно будет припомнить.

Далее на пути лежит Череповец: тут кипучая деятельность Мариинской² системы, перевозящей к Петербургу, в течение одной навигации, до 40 миллионов пудов груза.

За Череповцом идет Кириллов монастырь, эта почтенная святыня русского народа. На ее стенах, надгробных плитах, в тайниках и подземельях, на «мешках» в башнях, яркими красками живописана наша история: век Иоанна IV проступает особенно четко: Воротынские, Шереметевы, Сицкие, Бельские, Хабаровы, Морозовы — все они почивают тут целыми поколениями; многие из них в нетленной славе своих побед над литвою и татарами: другие — как слуги великого московского единения, стоявшего тогда на знамени. Над Кирилловым высятся памяти таких крупных подвижнических личностей, как Кирилл Белозерский и Нил Сорский, бывших не только руководителями иноков, но и носителями развития лежавшей в глубоком мраке великой страны.

Затем следуют реки Шексна и Вытегра. Начиная отсюда, вплоть до самого Петербурга, нас не покинет более имя Петра Великого; воспоминания о нем в этих местах весьма живы: здесь он собственноручно возил тачки с землею, тут лес тесал, тут паникадило работал, отсюда тот или другой указ послал Сенату...

Одна из самых любопытных местностей, лежащих на пути, — это Олонецкий край, с главным городом своим Петрозаводском. Город, подобно большинству наших губернских

¹ Католического креста (*Здесь и далее примеч. ред.*).

² Мариинская водная система соединяла бассейн Волги с Балтийским морем.

городов, имеет весьма скромный вид, но самый край представляет исключительную, полную разнообразного интереса страну. Геологически он любопытен как область озер, мраморов, болотной и озерной руды; этнографически — как страна карелов и финнов, как богатейший, исконный хранитель древних былин. Нет ни одного края в России, который поспорил бы с Олонецким в богатстве былин. Гитара и романс еще и поныне не проникли сюда и не заменили здешних сказителей и сказительниц, передающих из рода в род заповедные мотивы самобытной родной мысли. Богат край былинами, но еще богаче он воспоминаниями религиозной жизни. Нет другого угла в России, который представлял бы столько типичных подвижников христианства, такой плеяды проповедников слова Божия и насадителей образования; много их было на Руси, но тут они были сосредоточены видимо-невидимо. Сюда же убегал в давнее время раскол и произвел поразительные, быстро погибшие произрастания: Даниловский и Лексинский раскольничьи монастыри, так называемую Выгорецию. Олонецкий край отличается еще и тем, что это страна охоты на всякого зверя, на всякую птицу: половина населения живет охотою.

Обратный путь наш идет на Шлиссельбург: тут другие веянья, другие воспоминания. Мы посетим Лодейное Поле — родину нашего балтийского флота, Новую Ладугу, Шлиссельбург, древний Орешек, на одном из ворот которого, как рассказывают, и поныне красуется ключ «к Петербургу».

Путешествие должно было совершиться быстро, ввиду начала лагерного сбора войск под Красным Селом, и весь вопрос состоял только в том, чтобы поспевать и записывать.

Грузино

Достопримечательности. Собор и его памятники. Воспоминания о графе Аракчееве. Характеристика графа — «настоятеля Грузинской обители». Отношение его к императорам Павлу I, Александру I и Николаю I. Часы и памятник. Общее впечатление от Грузина.

Любань — первая станция Николаевской железной дороги в Новгородской губернии; тут представились Великому Князю начальник Новгородской губернии Мосолов, для следования по ней с Его Высочеством, и местные власти.

От станции Волхово назначено было сделать переезд пароходом до Грузина и обратно. В Волхове представился Его Высочеству, для сопровождения во все время путешествия, начальник 2-й местной бригады, генерал-майор Граве. День, казалось, установился хороший; вид на Волхов, широко выступивший из берегов на Соснинскую приставь, на Волховский мост, на берег, усеянный народом, и на стоявший подле пристани новейший пароход «Ильмень», ведомства Министерства путей сообщения, что было ясно по флагу с якорем и топором, развевававшемуся по ветру, по мундирам начальствующих лиц, был очарователен. Внизу, у пристани, Его Высочеству поднесли хлеб-соль соснинские крестьяне. Вслед затем пароход отошел, направляясь к Грузину.

От Волховской станции до Грузина, вниз по течению, всего три четверти часа пути. Но успели скрыться из виду Соснинская пристань под раскосами Волховского моста и церковь села с голубым куполом, усеянным звездами, как вдалеке показалось Грузино. Ярче всего выступала в блеске полуденного солнца казарма Петровского полка, окруженная целым морем зелени; из-за нее обрисовывались купол собора и шпиль колокольни. Но вот и пристань, усеянная народом; пароход дал круг, подходя к ней, и навстречу Великому Князю понесся радостный колокольный звон и раздалось «ура!». Грузи-

но ожило. В Грузине, как уже сказано, расположен Петровский полк, и Его Высочеству представились начальствующие над ним лица. В поданном экипаже, сопровождаемый толпами народа Великий Князь прибыл на молебен в собор.

Каменный пол не особенно большого храма, буквально загроможденного разными памятниками, медальонами, эмблемами и надписями, был усыпан цветами лиловой и белой сирени и полон сладким запахом их; пение хора из местных крестьян несло с клироса. Собор невелик. Как это ни странно, но первое впечатление, им производимое, какое-то не совсем христианское, чему больше всего способствуют два огромных, бронзовых зодиака, смотрящих со стен, справа и слева от алтаря. Чем-то языческим отдает также от богатой бронзовой гробницы Аракчеева с темным римским воином на ней. «Сердце чисто и дух прав» — значитися на гробнице. Так ли это?

По окончании богослужения Великий Князь осматривал достопримечательности церкви. Мы видели знаменитое Евангелие, в котором написано завещание покойного графа. В нем есть действительно остатки оторванных листов. Говорят, будто граф Клейнмихель, посланный на расследование известного убийства³, почел за нужное тогда же уничтожить их. Что на них было — неизвестно. Под голубым куполом собора бронза и медь памятников выдаются особенно рельефно. Против алтаря помещены крупные медальоны императоров Петра I, Александра I и Павла I. Темные очертания памятника убитым офицерам Аракчеевского полка вырисовываются мрачным воспоминанием поселенческого бунта; мы видели и известный образ в Алексеевском приделе с характерным выбором святых для изображений: Андрей, Алексей, Петр и Анастасия, над которыми в облаках парит апостол Павел, держащий в левой руке портрет императора Павла I в мундире гатчинских войск. В ризнице хранится портрет архимандрита

³ Речь идет об убийстве 25 сентября 1825 года фаворитки графа Аракчеева Настасьи Минкиной. По официальной версии следствия, дворовые, устав терпеть издевательства, скинулись и за 500 рублей подговорили повара Василия Антонова убить ненавистную фаворитку. Утром 10 сентября Василий забрался в барский дом и перерезал ей горло кухонным ножом.

Фотия⁴, черты лица которого так же мало симпатичны, как аракчеевские, и как бы родственны им по выражению. Все это, вместе взятое, целая эпопея, в значительной степени мертвая, грустная, вовсе не гармонизировавшая с зеленью весенних цветов, осыпавших церковь к нашему приезду.

По выходе из собора Великий Князь посетил казармы Петровского полка и оставшуюся от лагеря, для содержания караулов, сводную команду нестроевых и полковой лазарет, где в подробности выслушал доклад врача о положении каждого из больных в отдельности. Вслед затем Его Высочество направился в помещение офицерского собрания, где был подан завтрак.

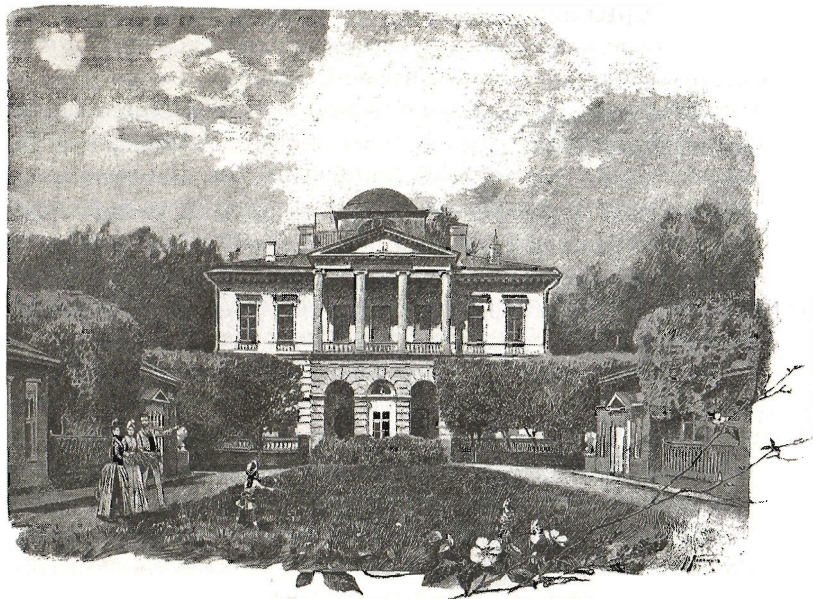
При взгляде на большие сооружения Грузина, которое мы обходили вслед затем, невольно вспоминается, как покойному его владельцу графу Аракчееву хотелось во что бы то ни стало оживить, населить его. Граф, как сообщают его современники, не любил между своими крепостными холостых и вдовых. К 1 января ему представлялись списки девушек, он делал смотрины и назначал свадьбы.

Аракчеев умер ровно пятьдесят лет тому назад, а между тем даже внешние очертания его, оклад и выражение лица для нас неясны, как бы подернуты туманом. Много есть людей в живых, видевших графа, есть его портреты, и, тем не менее, даже печатные сведения противоречат одно другому: «Русская Старина» объясняет, что он был очень некрасив и говорил гнусливо; «Древняя и Новая Россия» называет его даже красивым.

Сам себя Аракчеев называл «настоятелем Грузинской обители». Это насмешка, конечно, если вспомнить существующий в Грузии остров Мелиссино⁵. Надо заметить, впрочем,

⁴ Архимандрит Фотий (1792–1838) — настоятель Юрьевского новгородского монастыря, входил в религиозные круги, близкие к царю Александру I, влиял на царя и проводимую им политику.

⁵ Петр Иванович Мелиссино (1726–1797) — генерал от артиллерии, будучи директором артиллерийского и инженерного корпусов, протезировал юному кадету Аракчееву, а позднее рекомендовал его в качестве репетитора графу Н. И. Салтыкову, придворному цесаревича Павла Петровича, и таким образом определил всю его дальнейшую судьбу.

Грузино. Дом графа Аракчеева

что Аракчеев, всегда сумрачный, иногда смеялся, но тогда это выходило зло, обидно, грубо. Есть основание полагать, что далеким родоначальником Аракчеевых был татарин, и, глядя на портрет графа, эту черту подметить нетрудно.

«Не было ли в самой природе Аракчеева, — говорит один из исследователей, — той летаргии равнодушия к общему благу, близкой к фатализму, которою по преимуществу поражены люди государственные на востоке»? «Я учился по Часослову, — говорит граф, — читать по Псалтырю за упокой родителей». Но и это неправда: великое слово «родители» звучало для него как-то особенно. В письмах его к матери, которая его боготворила, множество нежных слов, но когда, умирающая, она звала его в недалекие Курганы, он не приехал ни при жизни ее, ни на похороны; позже сослал он в Курганы крестьян, провинившихся в Грузине; странное почитание памяти матери, не правда ли? Еще позже, но при жизни графа, «на гробах родителей его лежал провалившийся пол». И Грузино в настоящее время безмолвно и пусто. Размеры зданий, большой парк и зеленеющие пруды толь-

ко усиливают тяжелое впечатление, им производимое, особенно весною.

Для построек в Грузии, как известно, были снесены с мест целые деревни, уничтожены леса; при этом не были оставлены в покое даже кладбища. «Надо строить и строить, — писал граф Аракчеев Бухмейеру, — ибо строения после нашей смерти некоторое хотя время напоминают о нас; а без того со смертью нашею и самое имя наше пропадет». И Аракчеев действительно много строил и хотел, чтобы все им построенное говорило: от надписей на домах и стенах пестрит в глазах.

На амбаре, между прочим, читаются слова: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». На другом здании: «Без лести предан!» Злые языки немного переиначили эту надпись, изменив только две буквы⁶; на третьем памятнике читается ужасное, мстительное, слово тому, кто дерзнет коснуться этого памятника: «будь проклят тот, кто» и так далее — и это проклятие слышится из-за могилы! И зачем так страстно хотелось графу жить хотя бы в строениях и надписях? Отчего так удивительно ясно понимал он, что сгинет, непременно сгинет в памяти потомства? Недоверчивый, подозрительный, он даже тут прибегал к ухищрениям. Надпись могут стереть, думал он, и спрятал какие-то таинственные документы на колокольне собора; верх колокольной собора весь чугунный, и в колонны его, как гласит предание, под стеклянные колпаки положены неизвестные бумаги.

Мы сказали выше, что граф утверждал, будто он «без лести предан»; за то ему самому льстили бесконечно. Современный поэт А. Малиновский закончил одно из своих стихотворений так:

Устройство Грузина помещьям образец,
Должно б то всюду быть, помещик где отец!

Конечно, поэт волен писать что хочет; но когда лесть идет от лиц сильных, и в особенности от пастырей церковных, она становится совсем неприглядною. Мы не коснемся ни графа Сперанского, ни архимандрита Фотия, но

⁶ Бес, лести предан.

мы не можем не вспомнить грамоты митрополита Серафима. В грамоте этой сказано между прочим, что в церкви села Грузина, где Андрей Первозванный «водрузил» свой крест — отсюда имя села и причина мраморного памятника святого апостола, — на будущее время «совершать литургии при отверстых царских вратах во все продолжение оной, даже до причастного стиха, при начале коего должны оне, исключая Святой Пасхи, быть затворяемы для великой тайны Евхаристии». Так это делается и до сих пор. Но не единственный ли это храм в православном мире; и не для графа ли Аракчеева освящено отступление? В храме есть и французские знамена: воинские трофеи в церкви частного человека?

Грузино, как известно, было подарено императором Петром Алексеевичем Меншикову; позже император Павел I подарил его Аракчееву, и это сближение с историческим именем любимца Петрова чрезвычайно ему нравилось. Он делал эти сближения на все лады, точно будто думал вырасти в своих глазах и в мнении потомства.

Цесаревичу Павлу Петровичу, впоследствии императору, был обязан граф Аракчеев своим первым возвышением!.. Он же указал на Аракчеева наследнику престола Александру Павловичу. Нет никакого сомнения в том, что Аракчев был человеком чрезвычайно способным; стоит вспомнить и ознакомиться с его отличиями в корпусе, с его раннюю власть и значением в гатчинских войсках цесаревича Павла Петровича. 24-х лет он был уже капитаном, с правом ежедневных обедов за столом августейших владельцев Гатчины. Ко времени воцарения императора Павла I он был полковником артиллерии и первым ближайшим к нему лицом. При императоре Александре I, в 1815 году, как это видно из бумаг, хранящихся в Грузии, все важнейшие государственные дела, не исключая и дел подведомственных Святейшему Синоду, шли в доклады Аракчеева. «Приезжай ко мне, — писал графу Аракчееву император Александр I из Таганрога, после известного Грузинского убийства, расследованного графом Клейнмихелем, — у тебя нет друга, который бы тебя искренно любил». Но граф и тут, как при смерти своей матери, не поехал, и смело могут сказать потомки, что если было когда-либо любящее, благородное сердце вла-

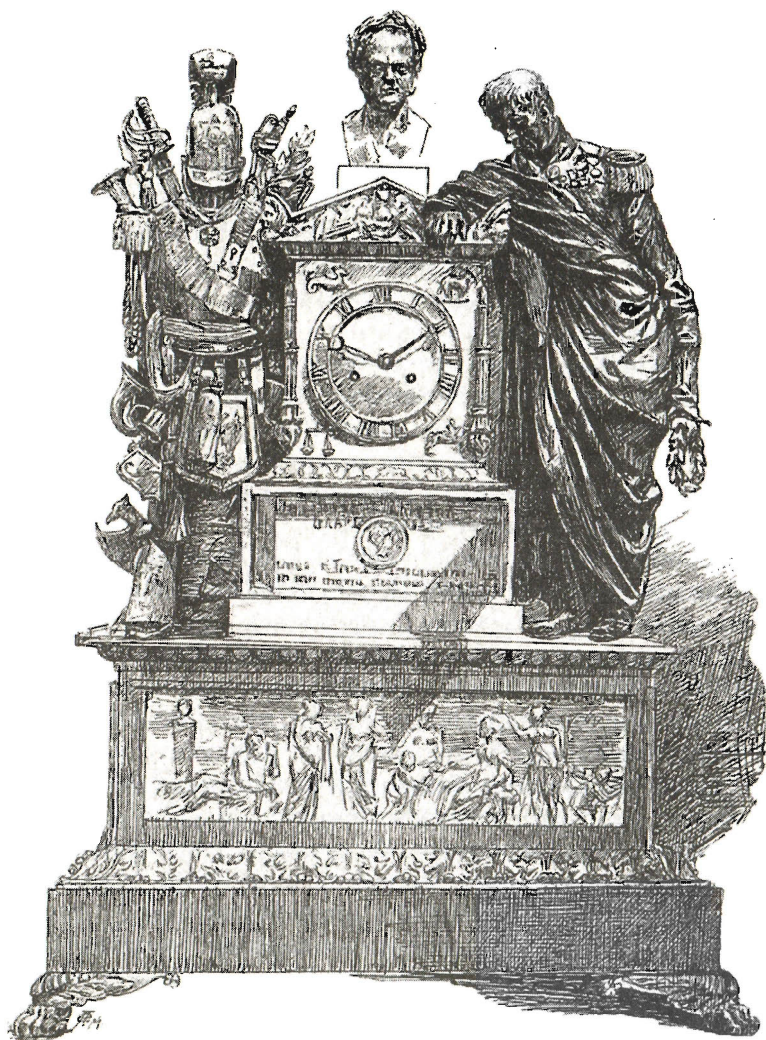
стителю, обращенное в долгую жизнь к лицу, недостойному этого великого счастья, так это сердце императора Александра I, любившее Аракчеева.

Обходя грузинский дом Аракчеева, отличающийся фронтоном и колоннадами и густо обросший вековой зеленью, по множеству надписей, по безделушкам можно видеть, где бывал, сидел, где почивал, где занимался император Александр Павлович во время своего пребывания в Грузии. В этом доме, как святыня, сохраняются немногие его вещи.

Великий Князь подробно осматривал их. В его присутствии заведены были и знаменитые часы. Они, по смерти императора, были заказаны Аракчеевым в Париже, за громадную по тому времени сумму — 29 000 руб. ассигнациями и должны были бить только один раз в сутки: в 10 часов 60 минут по полуночи — час кончины Государя. Когда их пустили при нас в ход, медленно открылся медальон императора Александра I и зазвучала грустная «вечная память». Уныло разносился звон часов по небольшой комнате, только не было на кушетке, стоящей подле, самого Аракчеева: говорят, во время боя часов он всегда сидел на ней. Небольшая, но мастерски исполненная бронзовая фигура его на часах была полна неописуемой грусти.

В центре Грузии высится памятник, полный аллегорий, воздвигнутый тоже Аракчеевым императору Александру I, стоивший около 30 000 руб. Капитал, положенный Аракчеевым⁷ для автора лучшей истории императора, возрастает

⁷ В 1833 году Аракчеев внес в государственный заемный банк 50 000 руб. ассигнациями с тем, чтобы эта сумма оставалась в банке девяносто три года неприкосновенною со всеми процентами: три четверти из этого капитала должны быть наградою тому, кто напишет к 1925 году (на русском языке) лучшую историю царствования императора Александра I, остальная четверть этого капитала предназначена на издержки по изданию этого труда, а также на вторую премию, и двум переводчикам по равной части, которые переведут с русского на немецкий и на французский языки удостоенную первой премии историю Александра I. Премия вручена так и не была.

Грузино. Часы в память смерти императора Александра I

к 1925 году до громадной цифры 1 918 000 руб., и все-таки Аракчеев не любил императора по той простой причине, что у него не было сердца.

За то не любил Аракчеева император Николай I. Когда 14 декабря генералы, находившиеся в Зимнем дворце, вышли за своим Государем на площадь, Аракчеев, бледный, испуганный, не последовал за ними. Этого император Николай I не забывал никогда.

Ни гроза, ни ливень, начавшиеся с той минуты, когда Великий Князь вошел в собор, и не перестававшие до самого отъезда из Грузина, не останавливали Его Высочество от подробного осмотра достопримечательностей этого исторического села. Молния была тут даже кстати, и глухие раскаты грома вторили настроению.

Великий Князь обходил густой парк; над зазеленевшими прудами его хлестали грузные капли дождя, ссыпаясь с деревьев. Густою зеленью зарос известный остров Мелиссино с его павильоном, служившим когда-то местом различных таинственных пирований и имевшим за зеркалами изображения, доступные только не всем.

До обхода парка, после завтрака, Его Высочество пожелал видеть одного из немногих, оставшихся в живых, людей, помнящих графа Аракчеева. Этот человек — старый причетник Ермолов, читавший над Аракчеевым Псалтырь. Он был вызван, и Великий Князь говорил с ним; память изменяла старику, и он сообщил очень немного, и без того известное; сухой облик его совершенно подходил к рассказу.

Осмотрев Грузино, Великий Князь отдыхал некоторое время в доме графа Аракчеева, беседуя с лицами, сопровождавшими его при осмотре. Он сидел на том самом кресле, которое было сделано по приказанию графа Аракчеева для императора Александра I, повредившего ногу. Вероятно, в то не очень далекое время деревянное кресло это считалось удобным и покойным. Затем, прибыв на пристань и милостиво простившись с толпами народа, Его Высочество вернулся к железной дороге. Гроза и ливень сопровождали паром; некоторые удары грома были чрезвычайно сильны, оглушали и раскатывались далеко кругом по обвешенной ливнем местности; молния обрисовывала облака.

На пути дальнейшего следования Великого Князя, после полуночи, поезд остановился в густом лесу на ночевку на полустанке Травково. Тишина воцарилась полная; от грозы, гудевшей целый день, не оставалось и следа, и оклики ночной птицы, раздававшиеся по сторонам безмолвствовавших вагонов и молчавшего локомотива, служили как бы продолжением впечатления только что посещенной нами «Грузинской обители».

Боровичи

Историческое в реке Мсте. Великая княгиня Ольга. Новгородские ушкуйники. Остатки языческих обычаев. Значение святой Параскевы-Пятницы. Свято-Духовский монастырь.

Выставка. Воспоминание о Суворове.

Великий Князь 7 июня в 9 часов утра был встречен на вокзале Боровичской железной дороги уездным предводителем дворянства и городским головою. Вокзал находится в весьма недалеком расстоянии от реки Мсты и от самого города Боровичи. Когда наши экипажи начали спускаться с довольно крутого спуска у Спаса Преображения, открылся вид на расцвеченный флагами город, раскинутый на другом, высоком берегу Мсты, и на громадную толпу народа, собравшегося навстречу Великому Князю. Дорога, по которой Его Высочество шел к парому, была густо усыпана зеленью и цветами. В блеске яркого утреннего солнца и при удивительной прозрачности воздуха картина пестрела всеми красками: глубокая, синевшая даль обрамляла ее богатою рамкою. На первом плане блистала быстрая Мста и, пользуясь весенним разгулом своих вод, поднимала гребни бесчисленных волн, будто взглядывая вершинками их на то, что делалось на берегу.

Мста в нынешнем году была чрезвычайно полноводна благодаря обилию дождей. Открыты были шлюзы озера Пирос, и река стремилась быстро, ярко, шумно. На другом берегу Великого Князя ожидали другие экипажи и еще большие толпы народа. Церкви звонили во все колокола. Как известно, эти места ровно 99 лет тому назад посетила императрица Екатерина II и затем, позже, император Александр I, так что Его Высочество являлся третьим из лиц Царствующего Дома, здесь бывших. Прежде всего Великий Князь посетил оба собора, причем в Троицком был отслужен молебен.

Город Боровичи, как уже сказано, очень красиво раскинут над рекою Мстою, которая берет свое начало из озера Мстино и открывает себе дорогу между двух значительных возвышенностей.

Там, у истока Мсты, на одной из возвышенностей стоит каменное здание, когда-то, во время процветания Вышневолоцкой системы, служившее жилищем для местных чиновников ведомства путей сообщения. Это здание было заброшено, и только недавно, благодаря вниманию Великого Князя, как Президента Императорской Академии Художеств, получило прекрасное назначение: оно уступлено Академии с целью дать возможность нашим художникам жить здесь в летнее время и работать. Это тем более важно, что река Мста одна из красивейших рек в России и представляет для художника чрезвычайно много разнообразных, живых мотивов. При том нужно заметить, что Мста живописна не только у истока, но сохраняет свою красоту почти по всему течению.

Так вот она, эта река Мста, древняя путина собирания даней великою княгинею Ольгою по погостам, ею учрежденным. Это было в X веке. В этих погостах, имена и места которых утеряны, великокняжеские ладьи нагружались собранными в дань произведениями и шли обратно к княжескому двору в Великий Новгород. Та же Мста, только позже, служила одним из путей для новгородских ушкуйников, которые ходили на север в Норвегию, а на юг добирались даже до Астрахани, грабя и разбойничая по пути.

Ушкуй — финское название косной лодки. Ездившие на ней назывались ушкуйниками. Новгородская вольница спустилась по Модогге в Волгу, чтобы, пользуясь быстротою хода на них под парусами и на веслах, нападать на суда, медленно тянувшиеся, и грабить их. В случае неудачи нападения можно было легко уйти. Дерзость ушкуйников в XIV веке доходила до того, что при Донском они взяли города Ярославль и Кострому наездом с Волги.

В 1340 году сожгли они Устюжну и разорили Белозерскую область. Новгородцы умывали руки в разбойничествах этих шаек, говоря, что они им позволения на грабежи не давали. Многие из князей ополчались на ушкуйников открытою силою, причем иногда даже терпели неудачу.

Нет сомнения в том, говорит местный исследователь, что Боровичи и их окрестности издавна были, так сказать, местом встречи московского и новгородского влияний. До сих пор к западу и югу от Боровичей преобладает наречие, близкое к московскому, к северу — новгородское. До каких именно мест поднимались по Мсте Ольгины ладьи — сказать трудно, но что Боровичи представляют собою очень древний погост, в этом нет никакого сомнения. Существует легенда на счет имени Боровичей: был в древности богатый князь и имел он усадьбу близ села Сушеней и подле, на горе, скотный двор, на другой горе — овечий бор; отсюда и так далее. Но в Боровичах этой легенды не признают и толкуют с большим, конечно, вероятием, что имя города идет от великого боровища, когда-то окружавшего погост, ставший городом.

Древнее место — древние и обычаи; остатки языческих обрядов нашли возможность удержаться тут и по сегодня. По пятницам, с девятой недели по Пасхе и до половины июля, к местным часовням приводят коней на окропление святою водою, бросают в колодцы деньги, как бросали при святом благоверном князе Константине Святославиче Муромском: «очная ради немощи в кладезях умывающееся и сребреницы в ня повергающее». Святочные глумления и воспевания коледы 24 декабря, купанья 23 июля, кувырканье при первом ударе весенней грозы, напоминающее поклонение Перуну, все это имеет здесь место и продолжает жить самую безыскусственную жизнь.

Но эти остатки языческих поверий нисколько не мешают безусловному значению христианской святыни. В Боровичах и окрестностях, далеко кругом, преобладает в народе почитание Параскевы-Пятницы. В самых Боровичах есть церковь ее имени; в двадцати верстах часовня Пятницы в головах; при церкви Никольского погоста во все пятницы, от девятой по Пасхе до Ильинской, бывает великое стечение народа. Все эти дни считаются в Боровичах народными праздниками. Наша церковь, как известно, говорит один из исследователей, празднует Параскеву 28 октября, но почему только в некоторых местах России посвящены ей особые дни, почему именно пятницы в мае, июне и июле и почему в чествовании особенно усердны женщины, это

остаётся неразгаданным и должно иметь свою связь с язычеством. Были, вероятно, какие-либо языческие ликования, а может быть, и бесчинства со стороны женщин. В Четьи-Минеех о святом Владимире говорится, что «мужья ликовали дома, а жены в полях»: Карамзин определяет время празднования Ладо между 25 мая и 25 июня, то есть, именно в те сроки, которые соответствуют боровичскому почитанию пятниц.

При окончательном утверждении христианства Параскева вытеснила празднование Ладо, но в боровичских песнях это языческое имя встречается часто. Тот же мотив слышится и в народной пословице: «Пятница-Прасковья, пошли жениха поскорее».

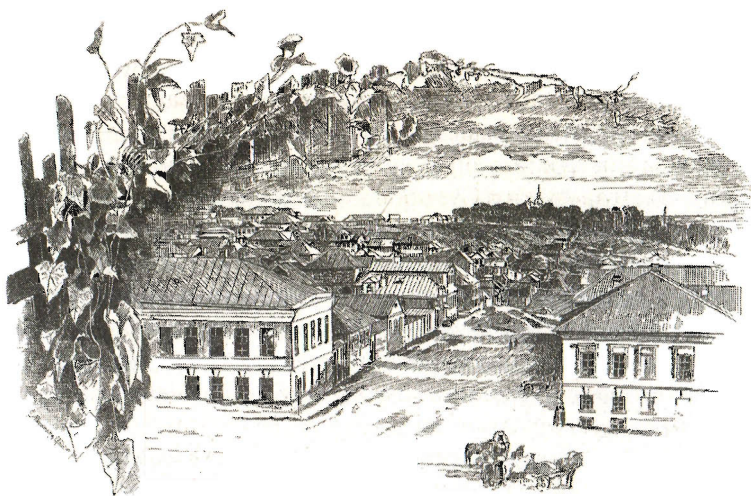
В одной из песен поется:

Ох, вы Ждани мои.
Вы Сушани мои:
А ты, Волгино село,
Ты пристанище мое.

К северу от Боровичей и по сегодня существуют те три селения, о которых в этой песне говорится. Толкуют, будто на Жданиях бес сражался некогда с Георгием Победоносцем, именно там, где последнему на берегу Мсты поставлена часовня; Георгий победил дьявола, иссушил его (Сушени), и он, иссушенный, переселился в Волгино. Объяснение словам песни может быть дано такое, что языческий идол, стоявший на холме у Жданей, после свержения был подхвачен водой и занесен вниз в село Волгино. Известно, что четыре года спустя после крещения Владимирова послан был в эти места Иоаким и он «требища разори и Перуна носече».

Но как же архидревни должны быть эти скромные три села, до сих пор существующие! На пространстве не более двадцати верст около Боровичей находится до двадцати чрезвычайно древних погостов с древними же храмами. Вообще можно сказать, что этот скромный, маленький уголок обширной России представляет неисчерпаемый материал для любителей и исследователей родной старины.

Главная святыня Боровичей — Святодухов монастырь, основан, как полагают, около 1327 года. Этот монастырь был

Боровичи. Часть площади. Дом купца Соколова

много раз «сжен, воеван от немецких людей и от русских воров». Он получает от казны ежегодно 85 руб. 71 коп. «милостынной дачи». К Свято-Духовскому монастырю на Пасху 1452 года приплыли на льдинах мощи св. Иакова; в 1657 году их перевезли в Иверскую обитель, где они и почивают. Изображение святого юноши на иконах резко выделяется в ряду других, представляющих, большею частью, бородатых старцев, ветхих деньми и испещренных морщинами.

Между остальными древними памятниками в Боровичах весьма замечательна еще церковь Параскевы-Пятницы, неизвестно кем, когда и по какому случаю построенная. К числу исторических достопримечательностей города необходимо отнести также дом, занимаемый духовным училищем. Когда императрица Екатерина II возвращалась из низовых губерний, купец Гутуев в два месяца построил для нее роскошный дворец. Впоследствии Гутуев, взяв откуп, содержал в этом доме свою контору; затем он лишился откупа, дворец опустел, разрушился, и только позже, признанный выморочным имуществом, был отдан под духовное училище.

Вместе с воспоминаем об императрице Екатерине Великой в Боровичах живет память о другом историческом лице — Суворове. Недалеко отсюда, к северо-востоку, находится знаменитое село Коншанское, в которое удалился Суворов по

кончине императрицы. Тут читал и пел он на клиросе, думал о своих прежних походах и тут же зорко следил за успехами Бонапарта. Отсюда же в 1799 году был он вызван императором Павлом I, чтобы еще раз блеснуть светом своего гения у Чертова моста и далее того. Говорят, еще недавно был цел домик, в котором жил Суворов.

Великий Князь остановился в доме купца Соколова. Здесь были представлены Его Высочеству чины местной администрации всех ведомств. В высшей степени ласково и приветливо приняв каждого из представлявшихся, Его Высочество направился в управление уездного воинского начальника. Поздоровавшись с людьми и заняв место за столом маленькой комнаты, чуть не в две квадратных сажени, Великий Князь потребовал призывные листы запасных; затем Его Высочество приказал воинскому начальнику представить поденный расчет времени прибытия призывных с минуты мобилизации и ознакомить его со всеми местными условиями, влияющими на быстроту исполнения этого чрезвычайно важного дела. Заметив некоторые упущения при составлении маршрутов, а также и недостаточность мер к обеспечению действий сборного пункта, и указав затем на необходимость составления обязательных для воинского начальника статистических данных, Его Высочество за состояние общего порядка выразил свое удовольствие.

Посетив вслед за тем Свято-Духовский монастырь и поклонившись святыне, Его Высочество направился в местный острог и земскую больницу. Оба эти учреждения были найдены в образцовом порядке. К приезду Его Высочества в Боровичах была устроена в помещении клуба выставка различных местных произведений, главным образом из знаменитой боровичской огнеупорной глины; здесь же были собраны образчики производства местных заводов — фосфорного и сухой перегонки дерева. Железный колчедан собирается вдоль Мсты в летние месяцы, когда она сильно мелеет. Это одно из любимых занятий ребятишек, но и взрослые не брезгают им; для живописца картинка искателей колчедана по крутым извивам Мсты дала бы много хороших мотивов.

В послеобеденное время Великий Князь отбыл по тракту на Устюжну. При выезде из города, Его Высочество

Усадьба барона Стромберга

остановился у казарм отдельного кадра 87-го запасного батальона и в подробности осмотрел помещение и хозяйственные учреждения. При осмотре людей, которые еще ранее видели Великого Князя, находясь в почетном карауле, выставленном к дому Соколова, Его Высочество нашел их внешний вид и строевую выправку в отличном состоянии. Оставшись вполне довольным и казарменную обстановкою кадра, Великий Князь, интересуясь состоянием нравственности и успехами грамотности между солдатами и признавая эти два отдела в местных войсках наиболее существенными, пожелал иметь цифровые данные как о наложенных за последние три года дисциплинарных, и по суду, взысканиях, так и о движении грамотности среди новобранцев.

Ободрив людей милостивым словом и поблагодарив начальство за порядок, Его Высочество продолжал путь на Устюжну. Далеко за город провожали Великого Князя толпы

народа; все деревни, лежащие на пути, были украшены флагами, и везде была выставлена хлеб-соль и звонили в колокола. По пути встречались усадьбы; миновали Боровское озеро, из которого от поры до времени неизвестно куда уходит будто бы щука; миновали довольно высокую Чувашову гору. Сделав 78 верст грунтовою дорогою, Великий Князь прибыл на ночлег в усадьбу барона Стромберга, расположенную на берегу тридцативерстного озера Меглино.

Усадьба очень красива; она каменная, в итальянском стиле, с башнями и верандами, с зимним садом; вся она потонула в роскошной зелени тенистого парка. Вечер был совершенно ясен, но довольно свеж. Множество соловьев щелкало над спавшими прудами по парку, и пение их слышалось и сквозь затворенные окна дома, в глубокой тишине медленно опускавшейся светлой, короткой июньской ночи.

Устюжна

Путь от Боровичей к Устюжне. Древние огненные производства. Городище. Легендарная рукопись о защите Устюжны в Лихолетье. Описание этой защиты. Скоморошки — родина Нижегородской ярмарки.

Между Боровичами и Устюжной дорога идет непрерывно-холмистою местностью, иногда чрезвычайно красивою. Самое большое озеро — Меглино — тянулось подле нашего пути во всю первую станцию после ночлега. Согласно маршруту, Его Высочество выехал из усадьбы барона Стромберга ровно в 8 часов утра; благодаря ясному солнечному дню роскошная зелень почти непрерывных лесов, бесконечные ковры ландышей и Ивана-да-Марьи, извивы речек Мегли, Ижины и других смотрели весело и приветливо. Лес во второй половине пути меняет свой характер, и чернолесье заменяется сосновым бором; затем, ближе к Устюжне, он исчезает почти совершенно; поля усеяны множеством валунов. Около деревни Устье нельзя не заметить стоящих у самой дороги замечательно острых, крутых курганов, которые величаются литовскими могилами.

Его Высочество завтракал в деревне Пестово, в крестьянской избе. После переправы через Мологу на пароме Великому Князю была поднесена хлеб-соль крестьянином Никифоровской волости, в настоящее время устюженским нотариусом; Его Высочество милостиво разговаривал с ним. Густые толпы народа, рассыпанные по берегу Мологи, придавали картине переправы пестрый, оживленный вид; с берега раздавался колокольный звон сельской церкви.

«Устюжна железна, люди камены» — гласит старинное присловье. Действительно, проезжая по уезду, вы и теперь можете видеть в лесах заросшие угольные ямы, на болотах — проймы, на открытых местах — так называемые осорки,

мусор, оставшийся после старых, погасших огненных производств. По исследованиям людей знающих, весь нынешний Устюженский уезд — если судить по ямам и осоркам — представлял из себя в глубокой древности богатый, почти сплошной пласт железной руды. Было время, что на обеих реках, на которых расположена Устюжна, — Ижина (отсюда Усть-Ижина, Устюжна) и Молога, — стояло до 800 кузниц, и постоянный грохот поднимался над местностью. Это было что-то вроде современной нам Тулы. Из грамот царя Иоанна Грозного видно, что в Устюжне был арсенал и сюда шли заказы царские на оружие.

От старого времени нет более и помину, хотя и до сих пор попадают в стране домницы и кричные фабрики крестьян, выделяющих железо, но «устюжане-кузнецы», «люди камены», перевелись почти совершенно. По-видимому, в значительной степени исчезла и местная одежда. Когда в 1823 году император Александр I проезжал Устюжну, он лично выразил городничему, что ему всего приятнее было то, «что дети и жены не переодеты в другое какое-либо платье, а были только в древней национальной одежде, которая тем более Его Величеству приятна». Нам довелось, однако, видеть богатый, златотканый костюм, душегрейку и острый кокошник, на представившейся Великому Князю вдове бывшего городского головы Иконникова, весьма бойкой и говорливой, несмотря на свои преклонные лета.

К Устюжне, расположенной на широкой, безлесной равнине, Его Высочество подъезжал в 6 часов вечера, встреченный огромными толпами народа, которые двумя бесконечными вереницами ярко пестрели по зелени широких, привольных городских выгонов. Звонили во все колокола древних и новых устюженских церквей. Въехав в город сквозь легкие, увитые зеленью ворота, с надписью: «Добро пожаловать», сделанную из гирлянд, Великий Князь направился прямо к собору. Духовенство, в золотых ризах, встретило Его Высочество на паперти; по окончании молебна Его Высочество приложился к местной святой иконе Смоленской Божьей Матери и проехал к дому городского головы Поздеева, при входе в который обошел ряды почетного караула, выставленного от местной команды.

Приняв в одной из зал представителей местных властей, Его Высочество отправился в помещение управления уездного воинского начальника, где, проверяя делопроизводство, обратил особенное внимание на все действия управления при последнем очередном призыве новобранцев. Отдав ряд указаний по упрощению и усовершенствованию отчетности, Его Высочество перешел на казарменный плац к собравшейся там команде. Поверив выправку и внешний вид людей, Великий Князь приказал нижним чинам начать гимнастику. Оставшись доволен ею и строевым обучением, обойдя казармы и огород, Его Высочество вошел в кухню и пекарню и отведал приготовленный на ужин суп из сметки, хлеба и кваса. На обратном пути к дому Поздеева Великий Князь заехал в помещение мужской прогимназии, где был собран весь персонал не только этой гимназии, но и женской. Приветствовал собравшихся воспитателей и детей и, приняв вытканное детьми полотенце, Его Высочество обошел весь дом. При встрече и проходах Великого Князя ученики и ученицы пели народный гимн и «Многая лета».

Чрезвычайно древним является в Устюжне так называемое Городище, находящееся около Дмитриевской церкви. Валы его круты, поросли травой и совершенно ясно определяют древние очертания. Тут же, на Стрелке, имели место знаменитые кулачные бои, столь любимые древнею Русью. Можно представить себе, что это было за зрелище, когда выходили один на другого устюжане, «люди каменные». Шли один на другого одиночки, выходили и «стенка на стенку», и взгляды красавиц ободряли их. Место это зовется и теперь «Буй на Бую». Вероятно, в Городище высылось в былое время капище Купалы. Особенно старательно чествовали этого идола женщины. По-видимому, купанье и обливание водою входило в его культ, и до сих пор в вешнее заговенье и в понедельник Петрова поста здесь практикуются некоторые характерные обычаи. С пяти часов берега Мологи наполняются толпами народа; в понедельник имеет место самое смешное и задорное: обливание водою на улицах. Тот же обычай существует и в Велье, только купанье происходит там в одном из омутов и кончается иногда трагически: омут втягивает в себя купальщиц.

На темном фоне неведомых исторических дней, пронесившихся над устюжевскою Стрелкою и Городищем, чрезвычайно ярко вырисовывается уже совершенно исторический факт знаменитой защиты устюжан и белозерцев от нашествия литвы и поляков в 1608 году.

В эти тяжелые годы Россию терзали самозванцы, и защита Устюжны прошла как бы незамеченною и мало оглашенною вследствие того, что в те дни, как известно, защищалась, как могла, вся Россия. Защита Устюжны касалась маленького, далекого от многострадальной Москвы города; кроме того, она совпала с событием большой важности — с отравлением Скопина-Шуйского. Ее, так сказать, промолчали. Все, что о ней известно, сохранялось в современной событию рукописи, и теперь существует она только в копии; подлинник, насколько известно, долго хранился в руках купца Д. Серебренникова и где-то затерян. Замечательно, что, когда указом Царя Петра положено было начало собиранию русской истории и археологии и повелено было представлять все хранившиеся в разных местах древние рукописи и государственные акты, устюженский соборный протопоп — на требование их воеводою — жаловался на церковного старосту Серебренникова, что «указа царского не слушается, хартии не выдает». Вероятно, в числе не виданных старостою древностей была и подлинная рукопись о защите Устюжны, дошедшая до нас в копии, в которой даты годов не подходят к подлинным фактам, что дает право заключить о позднейшем ее измышлении или переработке.

Следует напомнить, однако, эту яркую страничку русской истории, придерживаясь характера рукописи.

В царствование Василия Ивановича Шуйского, при патриархе Гермогене, после Отрепьева, явился самозванцем Петрик. Русскую землю вдоль и поперек расхищали поляки, литва, крымские татары, шведы и даже русские изменники.

7 декабря 1607 года белозерцы прислали устюжанам грамоту, предлагая им защищаться «до смерти» от пришельцев. Начальства в городе в то смутное время не было никакого; им управлял какой-то приказчик Суворов. Укреплений не было тоже никаких. Горожане собрались в монастырь и дали клят-

ву не сдаваться; при этом горожане избрали головою Солменя Отрепьева и дали ему в товарищи Богдана Перского, «да того же приказчика Суворова, да десять лучших граждан в придачу». Это назначение утверждено целым обществом. Годных к бою оказалось в городе всего 600 человек. Первым распоряжением выбранного начальства было разослать гонцов с просьбою о помощи в Углицкий и Бежецкий уезды; при этом брали людей волею-неволею. Весть о восстании Устюжны разнеслась далеко. Стояла глубокая, суровая зима, когда начались эти подвиги. Проведали о восстании и в обложенной отовсюду Москве, и приехал оттуда дворянин Ртищев, и сделан он в Устюжне главным воеводою. Прибыла к тому времени помощь и от белозерцев, четыреста человек с Фомой Подщипаевым.

Поляки давно точили зубы на Устюжну и двинулись к ней. Ртищев выступил против них к Дегтярне 5 января 1608 года, но устюжане были разбиты и бежали в город. Тогда обратились они за помощью не к кому иному, как к иконе Смоленской Божьей Матери, и поляки неведомо почему отошли. Вздохнули устюжане и стали готовиться к осаде. Составлен был план укреплений с башнями вдоль Мологи и Ворожи; день и ночь работали их, готовили пушки, пищали, самопалы, копья, ядра, дробь и «каракули»; дело спорилось потому, что устюжане знали это дело. Не сидели сложа руки ни женщины, ни дети.

А польская гроза продолжала надвигаться. Немногого не хватало устюжанам: пороховой казны, и решили они послать и бить челом в Новгород, к Скопину-Шуйскому. Дал им Скопин советы, дал порох и еще сам поставил сто человек. Через три недели после первой неудачи велел самозванец полковнику Касаковскому идти и взять Устюжну. Чрезвычайно грозною была его прокламация; опечалились устюжане, но сдаваться и не думали. Ртищев, умудренный советами Скопина, продолжал приготовления.

2 февраля, к полночи, прибыл ожидаемый порох, а к утру, чрез несколько часов времени, прискакали объездчики сказать, что идет Касаковский. Все повалило на стены. Чуть посветлело, в третьем часу, увидели со сторожек всадников и ударили всполох. Час спустя громили Дмитриевскую башню польские пушки, затрещали пищали и понеслась туча

стрел. С крепости дали ответ. Поляки наполовину спешили и подвезли к стенам стенобитные орудия; но Ртищев не дремал и сделал вылазку.

Кинулась на эту вылазку польская конница, но тут помогли «каракули». Разбросанные перед рвами, как тычки, якорьки, они вонзались в ноги коней. Поднялась великая сумятица, и лях побежал было к Подсосенью, но решили они вернуться, идти на приступ пешими и стали подвозить солому, серу, дерево, чтобы спалить. Не дремали и устюжане. Ждали они атаки к 9 февраля; просекли на Мологе лед, сами приосанились. На этот раз приступ повели от Никифорова села. Дневной приступ отбили, ждали ночного — его не было.

Наступило роковое 10 февраля. Церковная служба шла без звона. Поляки облегли город со всех сторон и метали горючие вещества и стрелы. В городе давно накопили довольно воды с навозом. Пошла свалка. Дрогнули были устюжане, но вынесли икону, и сказал хорошее слово Ртищев. От звона ратных колоколов, от стонов и воплей «якобы и земля поколебалась». Наваливали груды мертвых тел. Одно из захваченных польских знамен поставили на стену. Поляки думали, что их взяла, бросились опрометью, но тут приняли их как следует: варом варили, ножами кололи, мечами секли... Побежали поляки за Мологу, бросив весь свой богатый лагерь. Пошла за ними из всех ворот погоня, и гибли они тысячами в озерах Синеозерской пустыни, называемых и до сих пор Немецкими и Литовскими.

Велико было празднество устюжан, и тепла их молитва...

Приходили недобрые гости и позже; были тут, говорится в преданиях, но, конечно, подлежит сомнению, и Наливайко, и Заруций. Они искали наживы, рассчитывая также на то, что неподалеку от Устюжны находилось богатое имение Бориса Годунова — Долоцк, то самое имение, в котором была Скоморошская ярмарка, перешедшая потом в Холопье, а оттуда в Нижний Новгород. Жальник Скоморошки существует и поныне в 10 верстах от Устюжны. В языческие времена было там капище и сходились жрецы для служения какому-то очень большому богу.

Одна из старых копий легендарной рукописи, в которой рассказаны характерные дни устюженской защиты, была

поднесена Великому Князю местным жителем Яковом Серебrenниковым, потомки упорного в хранении хартии Д. Серебrenникова.

Обед состоялся у городского головы. Ночлег был назначен в селе Михайловском, в двух верстах от города, в усадьбе местного землевладельца Н. Н. Коковцева. Такая же тихая, светлая ночь, как и накануне, дала возможность успокоиться от трудного пути. Густой туман, опускавшийся на ближние поля и залегавшей по дорожкам сада, обещал нам хорошую погоду и на следующий день.

Череповец

Первое знакомство с Мариинской системою. Череповецкий уезд. Характерные судьбы Череповца в минувшее царствование. Техническое училище и выставка. Путь по Шексне. Туэр⁸ «Анна».

Его Высочество 9 июня к 8 часам вечера, выехав из Устюжны с утра и, сделав триста верст почтового дорогой, прибыл к селу Луковец, где стоял ожидавший Великого Князя пароход И. А. Милютина.

При громадном стечении народа и кликах «ура», доносившихся с обоих берегов Шексны, пароход двинулся к очень близкому Череповцу. Погода была вполне благоприятная, и после трех четвертей часа плавания пароход бросил причалы у Череповецкой пристани, где встретили Его Высочество местные власти и толпы народа, приветствовавшего Высокого Гостя. Влево на возвышенности раскидывался город, а по берегу, на лодках, барках, по крышам виднелись тысячи народа. При первом взгляде на них видно было, что это не местные люди, как в Боровичах и Устюжне, а в значительном большинстве народ пришлый, работники Мариинской водной системы, двигатели богатств России — все эти хозяева, крючники, рулевые, коноводы в своих обносившихся от труда и непогоды одеждах.

С пристани Его Высочество направился прямо в собор, а оттуда в дом городского головы И. А. Милютина. Вечер назначен был на отдых. От дома городского головы, стоящего довольно высоко, из молоденького сада, разведенного по скату, вид на Череповец и Шексню, богато иллюминированные, был очарователен. Со стороны недалекого техническо-

⁸ Речное судно, передвигающееся при помощи цепи, проложенной по дну реки или канала во всю их длину.

го училища, обрисовывавшегося во всю ширину и высоту рядами шкаликов, доносилось через овраг прекрасное хоровое пение учеников.

С приездом в Череповец, с западной стороны от Новгорода, впервые знакомишься со знаменитою Мариинскою системою, этой могучей артерией наших водных сообщений.

Череповец, задолго до образования города, был богатейшею волостью на Шексне, с пристанью и удобным местом для нагрузки и перегрузки. Это делало его известным, и патриархи московские присвоили из Новгородской митрополии в свое личное управление, ради доходности обители, Воскресенский монастырь в Череповце. Череповец, равно как и Кириллов, обязаны своим бытием, как города, императору Александру I, но Череповец, как торговый попутный центр, обозначился уже давно. Историческими воспоминаниями Череповец не богат; необходимо, однако, упомянуть о находящейся в 25 верстах от него Выксенской пустыни, в которой была пострижена последняя супруга Иоанна Грозного Мария Нагая; отсюда она и была вызвана самозванцем в Москву. Герб Череповецкого уезда имеет классического для Новгородской губернии медведя; из 11 уездов ее только 3 не имеют этого «лесного помещика» своим геральдическим украшением.

Череповецкий уезд раскинулся по Шексне на 160-верстном расстоянии и лежит на полпути между Рыбинском и Белозерском. Издавна в уезде около 12 000 семейств занимались кузнечным ремеслом. Выделка железа не была здесь настолько развита, как в соседней Устюжне, и местные ремесленники ограничивались только ковкою гвоздей, хотя имели кричные заведения. Кузницы по деревням видны и до сего дня десятками; в них и поныне производится до 300 000 пудов в год железных изделий. Крицы выделывают крестьяне из железных обточек и чешуи, за пуд которых они платят по 15–20 копеек. Главное изделие — гвозди. Выделка гвоздей играла здесь очень видную роль до самого освобождения крестьян; лесу тогда было еще много, заводская деятельность развивалась слабо, и конкуренции не существовало.

25 лет тому назад в Череповце было всего 2000 жителей; капитала в то время город имел 6000 руб. В настоящее

время, при 5500 жителях, город имеет 30 000 руб. долгу, но зато в нем существует, во-первых, городской банк с основным капиталом в 78 000 руб., и из чистых прибылей этого банка город получает в год от 4 до 6 тысяч руб., то есть столько же, сколько в прежнее время он имел капитала. Во-вторых, в городе находится несколько образовательных учреждений, в числе которых: учительская семинария, Александровское техническое училище, Марьинская женская гимназия и приготовительная школа. При устье реки Ягорбы построены казармы; затем в городе имеется Алексеевский сухой док, в котором могут вместиться 20 пароходов и одновременно с ними 60 судов. Пожарная часть в Череповце устроена прекрасно.

Для того чтобы не пестрить заметок цифрами, скажем только, что на все то, что сделано, поступило от разных ведомств и частных лиц 313 000 руб., собственно за счет города истрачено 126 800 руб., то есть всего 439 800 руб.. Если сравнить недавнее былое с настоящим, с тем временем, когда училищ еще не было и весь капитал города изображался суммою в 6000 руб., то затраты эти надо признать за приобретения, и в таком случае необходимо прибавить к ним 78 000 руб. основного капитала банка: тогда получится внушительная полумиллионная сумма.

Быстрое развитие Череповца дает поучительную картину. В письме городского головы Милютина к своим согражданам очень характерно выражено, что направление деятельности городской думы 25 лет назад было «посевное», теперь оно «сократительное»; предприимчивости нет, преобладает рутина.

Одним из замечательнейших учреждений в Череповце необходимо признать созданное здесь братьями И. и В. Милютиными Александровское техническое училище, названное так в честь благополучно царствующего Государя Императора, бывшего во время учреждения училища Наследником Цесаревичем.

Братья Милютины, имеющие большое судоходство по Волге, Шексне и Мариинской системе и впервые применившие к буксировке паровую силу, ближе других понимали нужды своего дела. С развитием пароходства существование местного механического и технического заведения ста-

ло настоятельную потребностью. Окрестное население, не имея более возможности пробавляться гвоздяным промыслом и мелким кричным производством, только и ожидало того, чтобы перейти от кузнечного дела к слесарному; но для всего этого был нужен центр, каким и явилось основанное, по мысли и на средства братьев Милютиных, Александровское техническое училище, открытое в 1869 году. В настоящее время училище настолько окрепло и развилось, что в него поступают ученики не из одного только уезда, а из семнадцати губерний. Училище перешло в ведение Министерства финансов. Цель училища — готовить мастеровых, машинистов и заводских чертежников с необходимым элементарным общим и техническим образованием. Смета училища достигает в настоящее время 50 000 руб. Плата за учеников 180 руб., с приходящих только 12. Всего в училище — 175 человек; из них бесплатных, на полном содержании — 38.

На другой день своего пребывания в Череповце, в воскресенье 10 июня, утром, Его Высочество направился в казармы местной команды. Коляске Великого Князя и следовавшим за нею другим экипажам было трудно ехать в густых, веселых толпах народа; с крыш, из окон, с заборов гудели возгласы; сиявшие радостью лица мелькали повсюду.

На казарменном плацу команда была выстроена развернутым фронтом. Громкое «ура» встретило августейшего начальника. Великий Князь обошел ряды видных и веселых солдат; их было немного — всего полурота; Его Высочество произвел ей взводное ученье, начавшееся с ружейных приемов и окончившееся перестроением разных уставных колонн. Затем Великий Князь обошел казарму, кухню, пекарню и карцера, где расспрашивал арестованных о совершенных ими проступках и сроках их заключения. Оставшись всем совершенно доволен, Его Высочество направился в управление уездного воинского начальника, где проверял делопроизводство, обратив особенное внимание на действия управления по пересыльной части и на подробности препровождения арестантов. Найдя управление в отличном порядке, Великий Князь посетил острог, причем в камерах опрашивал арестантов и выразил желание об улучшении помещения караула.

По выслушивании в соборе литургии, Его Высочество вернулся в дом городского головы, где принимал представителей административных и других учреждений; вслед за тем Великий Князь посетил реальное училище и обходил ботанический сад, при нем устроенный. Особенно долго оставался Великий Князь в техническом училище. Ученики были за работами: гремели наковальни, гудели и трещали разнообразные станки. По спискам, имеющимся в училище налицо, значится, где и как по далекой России и бесконечной Сибири разошлись отсюда на работы всякие машинисты, механики, техники, в свои лучшие молодые годы снабженные честным куском хлеба на всю жизнь. Во время осмотра ученических работ хор училища, звучный, полный и мастерски обученный, исполнил несколько песен. В столовой училища к приезду Великого Князя была устроена выставка местных произведений уезда и города, начиная от гвоздей, валенок до поярковых шляп, ценою в 15–20 копеек; здесь же красовались гармоники «черепанки», пользующиеся в народе большою известностью. Тут же были выставлены и сыры местного производства. 15 лет назад уезд производил 1500 пудов сыра, а в настоящее время количество производимого сыра переходит за 20 000 пудов.

После осмотра училища Его Высочество направился в дом городского головы, откуда, по окончании обеда, простившись с представителями властей и города, выехал из Череповца на пароходе «Казань» и отправился до Чайки.

Уже два часа времени шел пароход, а по берегу Шексны мелькали справа и слева толпы стоявшего и бежавшего народа и неумолчно гудело «ура». «Казань» задержала ход подле туэра «Анна», который Великому Князю было угодно подробно осмотреть; могучий туэр продолжал свою работу, тянул на нескольких тихвинках 120 000 пудов груза и, кроме того, державшийся за него наш пароход «Казань». На туэре к Его Высочеству обратились с просьбой о позволении назвать туэр его именем, на что и последовало согласие Великого Князя.

Путешествие по Шексне, после осмотра туэра, продолжалось до деревни Звоз, где нам предстоял ночлег, с тем, чтобы в 7 часов утра быть у Горицкого монастыря. По Шексне выдаются очень красивые места, например, Ирма, с церко-

вью Бориса и Глеба на левом берегу и церковь села Ирма на правом. Недалеко от Ирмы начинаются бесконечные вологодские леса, тянущиеся Бог весть куда; в них и по настоящий день обретаются таинственные скиты и спасается много беглых. Недалеко в стороне существует Божья речка, на которой живут старушки старообрядки, но попадают между ними и молодые. Пароходы по Шексне ходят вообще не особенно быстро; по объяснению местных людей, они двигаются на 3 версты в час медленнее, чем по Волге, благодаря особенной густоте воды.

Тишина ночи и сравнительный недостаток судов на Шексне, уже успевших втиснуться в каналы, отклоняли мысль от уверенности в том, что мы плывем по главной артерии Мариинской системы. Будто отвечая на иллюминационные огни, кое-где мелькавшие по берегам, пароход наш от поры до времени разбрасывал искры, и совершенное отсутствие ветра обуславливало осыпание белой палубы значительными массами пепла. За ночь должны мы были миновать печальной памяти Ниловицы, центральный пункт свирепствовавшей здесь когда-то сибирской язвы.

Совершенно стемнело, когда с парохода нашего брошены были причалы у деревни Звоз, в получасе хода от Горницкого монастыря. Наутро предстояло посещение знаменитой Кирилловой обители.

Кириллов

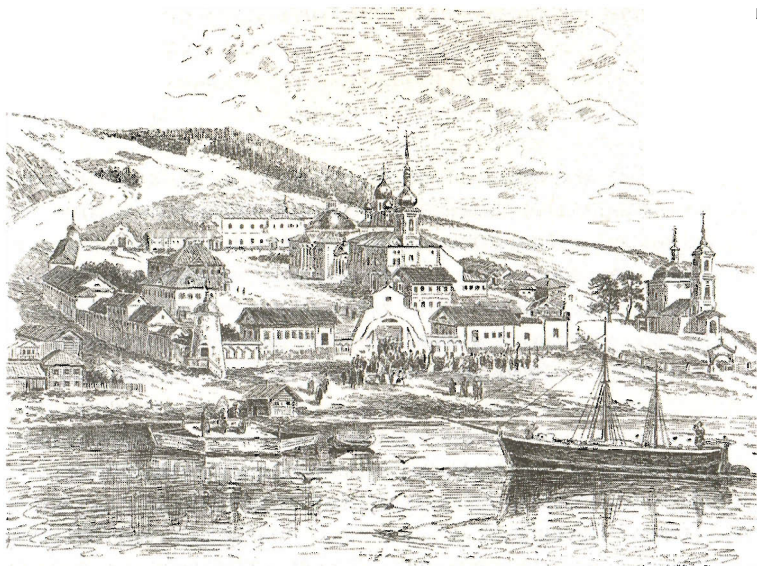
Горицкий монастырь. Кириллов монастырь. Историческое о местности. Замечания Шевырева. Жизнеописание святого Кирилла. Монастырские памятники: церкви, гробницы, ризница. Страничка из жизни Шереметьева Большого, постриженника монастырского. Знаменитое послание Иоанна Грозного. Воспоминание о Святом Ниле Сорском. Сопоставление его с Иосифом Волоколамским. Вход в Белозерский канал.

Когда пароход наш после ночевки тронулся по направлению к Горицкому монастырю, утро было яркое, безоблачное.

Перед Горицами Шексна образует крутую луку, и с нее открывается красивый вид на монастырь, окруженный белою стеною, со многими зелеными куполами церквей и красными крышами служб. Это место получило свое название Горицы от слова «гора», как девица — от слова «дева». Монастырь основан в 1544 году. Сюда в 1608 году была заточена прекрасная Ксения Годунова, до перевода ее во Владимирский Девичий монастырь. Тут же была пострижена Агафья, сестра Шереметева Большого, бывшая замужем за внуком астраханского царя Муртаза — Алием Кайбуловичем, в крещении Михаилом, упоминаемым в завещании Грозного в 1578 году. Ксения и Агафья были в монастыре одновременно. Теперь в нем около 500 монахинь.

При кликах «ура» и звоне колоколов сошел Великий Князь на берега и поехал в высившийся над самою рекою монастырь, где, прослушав многолетие, осматривал церкви.

Главная церковь — Воскресенская; в церкви св. Дмитрия Царевича, очень древнем иконостасе в церкви Троицы археологически любопытны эмпории на столбах под тяжелыми круглыми сводами. Память Иоанна Грозного до сих пор живет там в легендарных рассказах о сестрах Улиании и Алене, «истребленных» им. Имеются и мощи одной из «истребленных», но они под спудом. Неширокие дворы монастырские были вплотную залиты пестрыми толпами людей, между которыми очень картинно выделялись монахини, все в чер-

Горицкий монастырь

ном, торопившиеся увидеть Великого Князя, отъезжавшего в Кириллов монастырь. До святыни Кириллова монастыря отсюда всего 7 верст хорошей, красивой дороги.

Немного в стороне от кипучей стремнины Мариинской системы, в сознательной вековой неподвижности своего великого призвания высится Кириллов монастырь.

«Европа, — говорит Шевырев, — полна следов сопротивления разных элементов единого государства; у нас их нет: наши князья жили в городах и вотчинах, наши замки — монастыри». И начинались-то твердыни эти с землянки, с брусняной церковки, с деревянной кельи; владетелями их, «вечными» владетелями, были отшельники в овчинных тулупах и худых ризах, а не в стальных рыцарских доспехах с широкими перьями на шлемах и по плечам.

Таковыми твердынями оказались: Троицкая для центра, для Москвы, Киев — для юга, Кириллов и Олонецкое пустынно-жительство с Соловками — для севера.

Преподобный Кирилл Белозерский — XIV век! Но это новейшая история того уголка земли Русской, который мы посетили. На Белоозере сидел Синеус, Рюрик брата.

Существует тут и по сегодня Синеусов курган и при нем красивая легенда: вздумали люди курган копать, до кла-да дорыться, принялись за дело, но — выехал солдат на коне и помешал. На кургане попадаетея зачастую рыба шелуха; если принести ее домой, она обращается в деньги. Вот богатство! Тем не менее наш север, как справедливо говорит Буслаев, далеко отстал в своем развитии от юга России. «В то время, когда по Волге, на Шексне и на Белоозере кудесники творили разные чудеса, а в Новгороде волхв собирал около себя народ против князя и епископа, Баян, наш южно-русский певец, был уже другом князей и не только прославлял их подвиги, но и осуждал усобицы». Не раздавались на севере сладкозвучные струны Баяновы, но непроходимые дебри ожидали святых и умных людей, нарождавшихся во времени; таковы были Кирилл Белозерский и Нил Сорский.

Выход Шексны из Белоозера — место очень ранней цивилизации, засвидетельствованной с первых строк начала летописи основанием здесь в XIII веке самостоятельного удела, развившегося в первые десятилетия ига татарского. После службы в Орде князь Глеб Васильевич основал свое местопребывание при самом истоке Шексны, на южном ее берегу, и соорудил храм святого Василия в 1½ верстах от Карголома, против Крохина. Ручей или речка, впадающая в Шексну, называется и сегодня Васильевскою. Легенда об основании древнейшего Белозерска указывает, что место сооружения храма святого Василия было под капищем финских инородцев, пожертвовавших им при обращении в христианство, когда нашли тут неведомо откуда явившийся образ святого Василия, а подле образа — теплую просфору. Это послужило поводом основания церкви и при ней монастыря святого Василия при начале Белозерска. Через двести с лишним лет существования Белозерска, уже в 1459 году, город перенесен на Карголом, а оттуда, в 1612 году, разоренный шайкою вольницы, поставлен на настоящее, третье, место.

Когда подъезжаешь от Гориц к Кириллову монастырю, перед нами возникает он на берегу озера настояею, внушительною твердынею в двух своих оградах со множеством куполов. Таких град нынче не делают: цели нет. Внутренняя

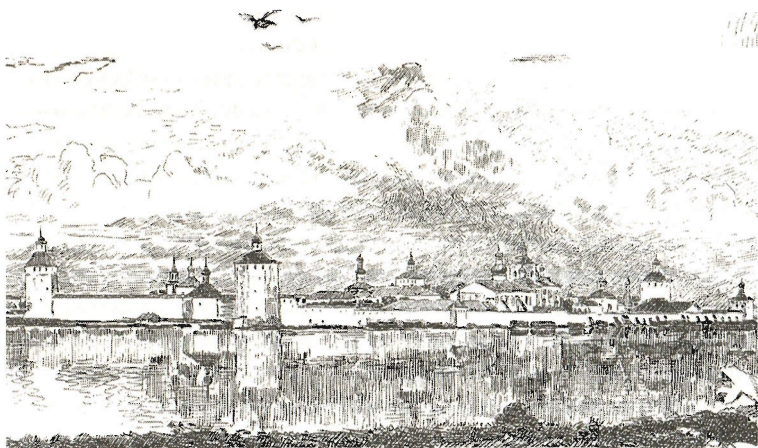
имеет 10 аршин вышины при 1½ аршинах ширины; наружная — 16 при 9½. За такою бронею и свое время можно было отсидеться. Тихо плещется у стен монастыря Сиверское озеро. Низкие берега его кажутся еще площе, еще низменнее в соразмерности с монастырскими твердынями, плывущими над тихою гладью темных озерных вод. Пейзаж строг, задумчив, но немрачен.

Когда, в 1775 году, губернатора а впоследствии наместник новгородский Сиверс праздновал день своего рождения на берегу озера в Кирилловом монастыре, он, плененный красотою места, заблигорассудил упорядочить план города, и в 1791 году был составлен план его, донныне неосуществившийся: город возник, как хотел, по своей фантазии, и скромно прилегал к монастырю, и в тени его громад и бесчетных воспоминаний.

Кириллов монастырь действительно вызывает длиннейшую вереницу воспоминаний.

В одном 1612 году приходившая сюда литва не менее пяти раз «выжгла и высекла» монастырь; приходили сюда паны Вобовские, Песоцкие и другие. «Сколько святых мужей пребывало здесь, — говорит Шевырев, — Мартиниан, Ферапонт, Христофор; отсюда вышли Корнилий Комельский и Нил Сорский. Цари и князья приезжали сюда на богомолье. Здесь Иоанн Грозный возымел желание постричься в монахи, искренно или неискренно — ему известно да Богу. Здесь томились в изгнании многие славные мужи древней Руси. Здесь столь многие нашли вечное успокоение, иные даже в муках, как например: князь Иван Петрович Шуйский, сосланный Годуновым при царе Феодоре Ивановиче и, может быть, удушенный в одной из башен».

Этих немногих строк достаточно, чтобы уяснить себе, перед каким внушительным памятником русской жизни стоит тот, кто видит Кириллов монастырь. А с чего началось? Просто началось. Преподобный Кирилл родился в 1337 году, в Москве, в семье достаточной, и крещен именем Космы; «остроумен же сущи отрок зело»; по смерти родителей он переселился к сроднику своему Тимофею, одному из вельмож, окольничему великого князя Дмитрия. Раным-рано задумал Косма постричься в монахи, но никто

Кирилло-Белозерский монастырь

не смел просить об этом любившего его всею душою Тимофея. Преподобный Стефан, которому юноша сообщил свои намеренья, возложил на него однажды иноческие одеяния без пострижения, и объявил Тимофею, придя к нему, что он приносить ему благословение «богомольца Кирилла».

«Кто есть Кирилл?» — спрашивает боярин. «Бывший слуга твой Косьма». Услыхав об этом, «яростен был Тимофей», но, уговоренный преподобным Стефаном, он примирился, и Кирилл поступил в московский Силонов монастырь. В Четьи-Минеях подробно рассказано, как быстро достиг он в монастыре великого почета, как любил беседовать с ним, посещая монастырь, преподобный Сергей, как, чтобы избежать знаков уважения к себе, Кирилл «под образом буйства» юродствовал и принимал за это радостно наказания, как знали тогда уже, что он умеет книги «добро писати», что «слово его солию разума растворено» и как почти насильно возвели его в звание архимандрита Симонова монастыря.

Власть была не по сердцу преподобному: он отказался от архимандрии, удалился сначала безмолвствовать в келью, а затем, имея видение Богородицы, ушел на Белоозеро, где ископал себе малую келию в густом, непроходимом лесу и унес с собою «немного книжиц». Эти «книжицы» разрослись теперь в значительную Кирилловскую библиоте-

ку и образовали школу спасителей, известных всему православному миру.

Очень красиво предание о том, как, после поселения преподобного в келейке, люди не раз слышали «звоны от этого места и певцов поющих», чего на самом деле быть не могло. Чрезвычайно картинен рассказ о том, как, чтобы ограбить пустынноика, у которого будто бы богатства скрыты, послал некий боярин своих слуг, и они своими глазами видели, две ночи подряд, окрест монастыря многое множество людей, воинов, из луков стрелявших, которых на самом деле опять-таки не было. Глубокое сердцеведение отличало Кирилла: он прозревал людей. В числе чудес, им совершенных, — что редко в жизнеописаниях святых, — сообщается даже о том, что он воскрешал мертвых, а именно брата Далмата, умершего без принятия Святых Тайн. Кирилл воскресил его: он причастился и умер вторично.

Слава Кириллова чрезвычайно быстро подняла монастырь и населила его. От преподобного остались нам три послания его к трем князьям, с которыми был он, как видно, в самых коротких отношениях: к великому князю Василию Дмитриевичу, к Можайскому князю Андрею, третье — к звенигородскому князю Дмитрию. В посланиях этих имеем мы красноречивый и чрезвычайно характерный для нашей истории факт, который свидетельствует — по словам Шевырева — о духовной связи, соединявшей отшельника с державцами Русской земли.

К числу замечательнейших памятников монастыря должно отнести, между прочим, два тома Синодика, читаемого всегда, кроме царских дней, монахом, для того назначенным. В Синодике поминаются все великие князья с крещения Руси, иерархи, из числа которых был временно исключен Никон, митрополиты киевские и московские, удельные князья; поминается священно-инок Спиридон, он же поп Селивестр, знаменитый советник Иоанна, автор «Домостроя»; над именами иноков обозначены иногда их мирские имена: Иона — Воротынский. Феодосий — Шереметев, Михаил — Морозов, Пимен — Щенятев, Иоанн — Хабаров. Бесконечным рядом тянутся исторические имена Шуйских, Глинских, Бельских, Черкасских, Ромодановских и множество других; чуть не каждое говорит о той или другой странице русской

истории, о блестящих или темных днях. Здесь же, по указу царя Алексея Михайловича, монастырь поминает до сих пор жертвы бунта в Пскове в 1650 году и павших под Смоленском, в 1634 году.

Древнейшая плита, из тех, надписи которых еще возможны для прочтения и не сглажены временем, 1554 года, высится в соборной церкви Успения над прахом князя Владимира Ивановича Воротынского, славного участника Казанского похода, стоявшего во время болезни Иоанновой за сына его Дмитрия. Тут же с 1573 года покоится другой Воротынский, вероятно, «слуга государев», главный вождь при взятии Казани, победитель Девлет-Гирея. В 1560 году был он сослан сюда с женою, сыном и дочерью; но жил пышно, потому что ему отпускали из государственной казны и лососей, и романею, и ренское; двенадцать человек состояло при нем, тоже на царском иждивении. В 1565 году князь был прощен, но по известию в колдовстве обвинен снова и замучен в Москве огнем. Существует сказ, будто Иоанн Грозный сам подгрел уголья к его славному телу; едва дышавшего, его повезли в Кириллов, и он умер в пути.

Кроме поколений Воротынских, в монастыре покоятся и многие Шереметевы. Один из них, Иван Васильевич Шереметев Большой, постриженный здесь под именем Ионы, был причиною знаменитого язвительного послания Иоаннова на имя игумена, настоятеля Кириллова монастыря. Знаменитому этому Шереметеву, раненному при Казани и в битве при Судьбицах, воевавшему с крымцами, шведами и в Ливонии, правившему, при учреждении опричнины, земщиною и в отсутствие Государя ведававшему даже Москву, весьма подходило постричься в Кириллове «от лютого треволения мирского», так как тут уже схоронены были его два брата: Григорий, убитый под Казанью, и Никита, казненный Грозным.

Иван Васильевич Шереметев Большой, сведения о котором мы заимствуем из замечательного труда Барсукова: «Род Шереметевых, подвергся, как известно, высшей опале, был посажен в тюрьму и пытан. Курбский рассказывает об этой пытке так: царь мучил его такою презлою, узкою темницею, острым помостом приправленною, и сковал тяжкими веригами по шее, рукам, ногам и по поясу обручем

железным и к обручу десять пудов привесил, и сам говорил с ним: „Где скарбы твои, скажи мне?“ — „Целы сокровенны лежат“, — отвечает Шереметев. — „Поведай, прошу тебя, о скарбах твоих“ — „Не можешь их взять, — отвечал Шереметев, — потому что убогими руками моими в небесное сокровище ко Христу принес!“» Царь пощадил, однако, жизнь Ивана, но брата его Никиту велел удавить. Пострижен был Шереметев, инок Иона, в 1570 году. Из послания царя к настоятелю видно, что инок Иона, кроме келии, имел за монастырем свой двор, с поварнями и многочисленную прислугу. «Монастырское благоразумие, — пишет царь, — погибло от Шереметевых... Есть у вас в монастыре Анна и Каияфа, Шереметев и Хабаров, и есть Пилат, Варлам Собакин, понеже от царской власти послан (самим Иоанном для наблюдения); и есть Христос распинаем, Чудотворцево предание преобидимо... у вас Шереметев сидит в келье, что Царь, и Хабаров к нему приходить, да и иные чернецы, да едят, да пьют, что в миру; а Шереметев, невесть со свадьбы, невесть с родин, рассылает по кельям постилы, коврижки и иные пряные составные овощи... а ине глаголют, будто-де и вино горячее потихоньку в келье к Шереметеву приносили...»

Знаменитый инок Иона, рассылавший по кельям «коврыжки», некогда водивший войска в разных концах России, выдержавший пытку и ведавший в отсутствие царево Москву, мирно покоится теперь наравне с другими. Не так вольготно, как ему, жилось в монастыре другому большому человеку тех дней — Никону, когда перевели его из Ферапонтова монастыря: келья его была «вельми неугожа» и с постоянным угаром.

Мы вспомнили выше о монастырских Синодиках; но и других реликвий древности тут обильно; таковы портрет преподобного Кирилла, писанный при жизни его, «многодумный, величавый»; его фелонь, овчинный тулуп, вериги, его духовное завещание; золотая братина — дар Грозного, с изображениями женщин; «не с посланьями ли вместе прислана она была Царем для вящего уязвления?» — спрашивает Шевырев.

Библиотека монастыря — единственная в своем роде, в особенности по числу и достоинству рукописей; в ней

имеются рукописных: 65 Евангелий, 31 Апостол, 131 Псалтырь и так далее. Кирилловские списки встречаются везде, и они везде в почете. Помимо рукописей чисто духовных, попадаются и такие, в которых есть реалистические объяснения явлений природы по Галену, что «земля с устройством яйцевидным», что «молнию прежде видно, гром слышен потом, ибо зрение скорейшее есть, а слышанье чувство косное». В одном из сборников говорится о женитьбе: «Лучше болеть трясцею, нежели быть обладаему злою женою: трясца, потрясши, отпустит, а злая жена до смерти иссушит».

По штату 1764 года монастырь владел 21 590 душами; села и приселки управлялись старцами-чернецами, с содержанием, настолько скудным, что один из них писал игумену, что «замер до основания с одним квасом».

На паперти главного храма монастырского, возвышавшаяся над бесконечною толпою людей, сплотившихся в одну неподвижную массу, прибытия Великого Князя ожидал архимандрит Иаков, окруженный монашеством. Яркое летнее солнце обливало щедрым светом их ярко-пунцовые с серебряным глазетом ризы. Духовное пение несло навстречу, и кругом, высоко над головами тысячной толпы, поднимались монастырские стены, обсаженные вековыми деревьями, а еще выше, уже в лазури небесной, тлели и искрились с куполов церковных православные кресты.

Отстояв молебен, Великий Князь обходил монастырь и все его церкви, сопровождаемый архимандритом Иаковом; Его Высочество поклонился мощам святителя, покоящимся в богатой серебряной раке; изображение на ней святителя больше чем рельеф, это почти целая фигура. Великий Князь подробно осматривал большую ризницу монастыря, древние рукописи, иконы и посетил два древнейших места: деревянную келейку преподобного Кирилла и место, где находилась его землянка; как то, так и другое, сохраняются под защитою каменных часовен, построенных над ними. Келейка невообразимо мала, пролезть в нее трудно, но от нее именно поднялись все твердыни монастыря. Это, бесспорно, одна из великих святынь Русской земли. Деревянные кресты, воздвигнутые в 1397 году преподобным Кириллом, еще имеются налицо.

По окончании осмотра Его Высочество прошел к архимандриту Иакову и пил у него чай. Простившись с архимандритом и милостиво поблагодарив за поднесенную икону, Великий Князь отбыл из монастыря и возвратился в дом кирилловского купца, почетного мирового судьи Андреева, где принимал местных властей, после чего проследовал в казармы местной команды. Нижние чины на казарменном плацу встретили своего Августейшего Начальника в развернутом фронте. Произведя команде уставное ученье и обойдя казармы, Великий Князь нашел все в исправности, и за особую попечительность о людях благодарил уездного воинского начальника. Поверив одиночное образование людей, Его Высочество ознакомился с занятиями грамотностью. Великий Князь проследил, по числу бывших под судом и подвергнутых дисциплинарным взысканиям, состояние нравственности нижних чинов; в управление воинского начальника Его Высочество лично проверил делопроизводство, причем особенно интересовался всеми действиями управления по формированию маршевых команд, при отправлении новобранцев и призывных в период мобилизации. Затем в подробности была осмотрена местная земская больница, причем Его Высочество интересовался здоровьем каждого больного, желая знать, не задерживаются ли в больнице военные больные, без существенной надобности, в ущерб интересов военного бюджета. При осмотре острога Его Высочество заметил отсутствие сколько-нибудь удобного помещения для караула.

Завтрак в Кириллове был подан в доме купца Андреева, к которому были приглашены представители местных властей. В час дня Великий Князь был уж на пароходе, для следования далее по Шексне. Замечателен был вид на высокий берег у Горицкого монастыря, залитый вплотную народом. Сотни монахинь, рясофорных и послушниц, резко оттенялись у подножия белых монастырских стен, над пестрою, залитою солнцем толпою. Слышалось духовное пение и неся колокольный звон. К пяти часам пополудни другие толпы и другие клики встречали Великого Князя у Чайки, при входе в Белозерский канал. На пристани Его Высочество принял депутацию от Крохинского поса-

да; затем Великий Князь пересел с парохода И. А. Милютина, лично сопровождавшего Его Высочество, на пароход Министерства путей сообщения «Казань», для следования каналом.

Расставшись с обителью преподобного Кирилла, было бы непростительно не вспомнить другого великого подвижника, Нила Сорского, вышедшего из нее же.

В пятнадцать верстах от Кириллова монастыря, следовательно, почти рукою подать, находится на реке Сороти обитель, основанная преподобным Нилом Сорским. Очень обидно, что не предстояло возможности, ввиду того, что Великому Князю необходимо было возвратиться в Красное Село, к лагерному сбору войск, посетить эту обитель. Могучая, своеобразная, глубоко симпатичная личность преподобного Нила должна быть, однако, помянута и при посещении Кириллова монастыря.

XV и XVI века были несомненно «темными». Единственный путь образования шел чрез духовенство и монашество. Правда, и оно было не знаменито: Акакий, епископ тверской, «малообучен бе грамоте»; «иереи мнози суть не умеют книг»; невежды говорили, что «читать Апостола и Евангелие грех простым людям». В те дни выработалась даже, так сказать, особая форма, в которую образование отливало: это были «Сборники», форма вполне специфическая, отчасти напоминающая то своеобразное значение, которое имели и имеют для нас, благодаря совершенно особым усилиям нашего книжного дела, наши толстые журналы. Монастырские «Сборники» имеются налицо в громадном количестве и в Кирилловом монастыре (мы уже прежде упоминали о них), это были тогдашние толстые журналы, и в них, как говорит исследователь, рядом с истинным, попадали и апокрифы.

Но сильно ошибся бы тот, кто предположил бы, что «темные» времена не производили замечательных людей, что под внушительным единством православия не работали умы и не развивались своеобразные мировоззрения. Может быть, в историях других церквей нет примера более резко высказанных двух направлений, высказанных совершенно одновременно и так вполне законченно, как направление вышедшего из Кирилловой обители Нила Сорского и основателя

Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого. Это огонь и вода, имеющие общее только в том, что они оба — стихии. Людям, посещающим места, по которым мы ехали, полные следов пустынножительства, параллель между Нилом Сорским и Иосифом Волоколамским напрашивалась на память сама собою.

Иосиф родился в 1439 году. Это был человек чисто формального направления, для которого оказывались равно святы, равно истинны и закон Моисеев, и Евангелие. Знаменито его учение, изложенное в послании к старцам «о богопремудростном богонаученном коварстве». Его монастырский устав тяжел; настоятель чрез своих подручных проникает во все келии и заботится «прежде о телесном благообразии, а потом о внутреннем хранении». Он допускает в монастыре телесные наказания; он определяет то, как стоять инокам в церкви: «Стисни свои руце и соедини свои нозе и очи сложи и ум собери»; он учил даже тому, чтобы братия молилась на показ: когда на нее смотрят миряне, «тогда паче»; он считал монастырь привилегиею избранных и требовал монастырям права владения имениями и деньгами, для материальной помощи народу; Иосиф видел в монастыре рассадник епископов, митрополитов, аристократии церкви. Само собою разумеется, что карать непокорных составляло необходимую принадлежность его учения; он был против всякой иной мысли, против всякой свободы; один из его учеников высказал даже следующее: «всем страстям мати мнение, мнение второе падение». Далее этого идти было нельзя!

Нил Сорский родился в 1433 году, то есть только шестью годами ранее Иосифа Волоцкого. Он постригся в Кириллов. Прямо противоположно Иосифу утверждал он: «писаше мнози, но не все божественны суть». У него самодержавно и полновластно только Священное Писание и Канон, а святоотеческие творения отпадают во вторую категорию. Нил вполне отрицает слепое отношение к букве писания, он прежде всего философ-богослов. Ни продолжительное служение, ни посты не составляют, по нем, заслуги; дурные помыслы делит он на восемь видов и разбирает их каждый отдельно, не оставляя без внимания и физиологию страстей. Он развил преимущественно жизнь в скитах, издавна сохранившуюся на севере; он отрицал право монастырей на

земельные владения и не думал готовить иноков к высшей духовной иерархии; власть настоятеля в монастыре была для него только нравственной.

Трудно выискать в истории церкви две более резкие противоположности, чем Нил и Иосиф. Оба они были современниками, и сравнение их обоих свидетельствует чрезвычайно ясно против тех, кто, благодаря поверхностности взгляда, обвиняет нашу православную церковь в какой-то, никогда не бывалой, умственно-нравственной неподвижности; Нил и Иосиф — достаточные тому доказательства, и оба они признаны нашею церковью «преподобными».

С пропуском парохода «Казань» сквозь первый шлюз Белозерского канала, около 5 часов пополудни, мы были, так сказать, отделены от монастырских впечатлений дня и поставлены лицом к лицу с совершенно иными, чисто практического, торгового, рабочего характера.

Белозерск

*Путь по Белозерскому каналу. Народные проводы. Белозерск.
Его собор. Белозерские комары и предания о них. Проход сквозь
шлюзы.*

Если по Шексне, по пути Великого Князя, нам встречалось сравнительно мало караванов, то здесь, в канале, они потянулись бесконечною линией, вплотную, едва оставляя свободный путь пароходу, волна которого, несмотря на малый ход, шла своим гребнем в уровень с низким берегом и нередко взбегала на него.

Начиная от самого шлюза у местечка Чайка, вплоть до самого Белозерска, от четырех часов дня до семи часов вечера и во всю ночь, по обоим берегам канала, сопровождая Великого Князя, бежали толпы народа.

Вначале бежал весь Крохинский посад, потом народ из ближайших деревень. Такой бесконечной вереницы народа не согнать никакими административными распоряжениями. Все это хотело видеть «Князя», «Царева брата». Многие из бежавших проявили выносливость и быстроту удивительную, достойную стадиумов Древней Греции. Упорнее всех были женщины; начинали оне в сапогах или башмаках, с платочками на головах и шее, затем как обувь, так и платки навьючивались более удобно за плечи, а бегуны и бегуньи, босые, дышали полною грудью, сопровождая пароход. Две, три из девушек выдавались из сотни других своею неутомимостью, своим весельем. Канал (длина его 63 версты), пропускавший сквозь 3 шлюза от 48 до 60 судов в день, настолько узок, что пароход наш, двигаясь медленным ходом, правым кожухом, едва не касался берега, левым — вытянутых в линию судов. Каких, каких судов не встречали мы: барки, полубарки, белозерки, каюки, тих-

Общий вид Белозерска

винки, стародавние трешкоты — эти плавающие домики, все это тянулось бесконечною вереницею, покачивая в небе свои разнокалиберные мачты, по мере подваливания волны парохода. С судов и с берегов гудело «ура!». Пели «Многая лета», «Спаси, Господи», пели веселые песни. Лица людей были совершенно ясно видны с палубы парохода, — рукой подать. Были сцены очень характерные. Одна старуха, вся в черном, бежала от первого шлюза версты три, держа в руке какую-то поноску; она хотела передать ее на пароход, что и было исполнено, когда заметили; в бумажке оказалось глиняное блюдо со стеклянным стаканчиком: это был дар старухи Великому Князю. В другом месте замечен был неподвижно стоявший у берега старик: перед ним поместились двое внучат; едва подошел пароход и он завидел Великого Князя, как поставил мальчиков на колени, а сам часто и усиленно крестился.

Около семи часов вечера, доносившийся до нас звон колоколов возвестил о приближении к Белозерску; городок не замедлил выясниться влево от нас; он раскинулся по совершенно пологому, низменному берегу Белоозера и к приезду Его Высочества разукрасился флагами и зеленью. Когда пароход остановился и Великий Князь сошел на берег,

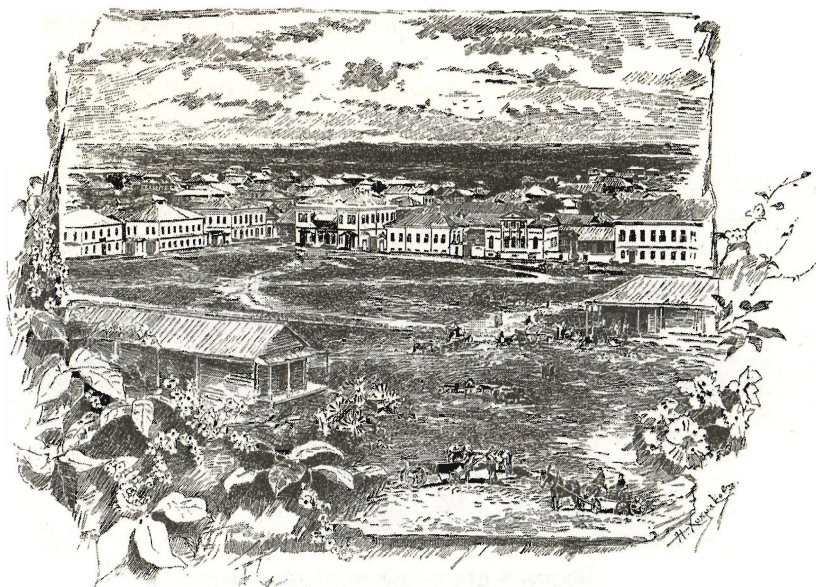
сквозь густые толпы народа едва можно было проехать в экипажах.

Местный собор, куда направился Великий Князь, стоит в углублении, между высоких валов бывшего кремля, из-за которых его со стороны почти не видно. Собор имеет чрезвычайно оригинальный иконостас, вероятно конца прошлого века. На самом его верху, под куполом, высится большая раскрашенная деревянная фигура Спасителя и перед ним семь громадных деревянных светильников в лучах. Подле царских дверей, с обеих сторон, видны четыре меньшие, золоченые же, фигуры двух пророков и двух ангелов. На иконостасе есть еще фигура Спасителя, в конхе⁹, над дверями, тоже раскрашенная, но вместо светильников подле него ангел и символы Евангелистов. Этот иконостас сильно напоминает католические приемы искусства. В соборе было отслужено молебствие.

Из собора Великий Князь проехал в казармы местной команды, где обошел помещение и хозяйственные учреждения, проверил людей в знании ими караульной и конвойной службы и подробно ознакомился с помещавшимся тут же управлением уездного воинского начальника. Он нашел все в полном порядке, обнаружившем знание и опытность начальника, занимавшего настоящую должность со времени ее учреждения. Сведения о числе нижних чинов, находящихся на учете, о распределении их по родам оружия, о числящихся в отпуску, призывных и ратниках были доложены Его Высочеству без справок, наизусть. Осведомившись о желании города отвести для казарм более удобное помещение, Великий Князь выразил желание осмотреть его. В городе предположено обратить в казармы один большой двухэтажный дом; работы будут окончены к лету будущего года¹⁰. Осмотрев дом и одобрив горожан милостивым словом за сочувствие к войскам, Его Высочество при кликах народа вернулся на пароход. Везде, где проходил Его Высочество, женщины подстилали свои платки, желая, чтобы брат Госу-

⁹ Конха — полукупол, служащий для перекрытия полукруглых (или многогранных) в плане частей здания.

¹⁰ Приспособление дома этого окончено в декабре 1885 года (*Примеч. автора*).

Белозерск. Вид на дом купца Андреева

дарев прошел по ним. Это повторялось почти везде. Многие целовали следы.

Когда пароход тронулся дальше, опять-таки сопровождаемый бегущими вдоль берегов людьми, над Белым озером опускался светлый, летний вечер. Мы продолжали путь наш каналом, и нас провожали те же клики, то же одушевление, с тою только разницею, что освещение было другое; тот же народ, те же бесконечные вереницы судов, покачивавших свои мачты, тоже набегание волны на низкие берега и та же близость деревьев, ветви которых изредка хлестали по правому кожуху. По мере движения парохода мы удалялись от мест, освященных преподобным Кириллом, и приблизились к тем местам, где на каждом шагу должна была возникнуть память Петра I.

Ужинал Великий Князь на палубе подле рубки; комаров было такое множество, что пришлось с наветренной стороны, подле стола, жечь можжевеловые ветви. Молодцы матросики, в белых рубахах, отлично исполняли эту обязанность, и ветви весело потрескивали на невысоких жаровнях.

Проводы вдоль Белозерского канала

На Белом озере так много комаров, что совершенно понятно, почему предание, в числе благодетелей, приписываемых преподобному Кириллу, упоминает и о заговоре им комаров. Целые вереницы их заметны были в светлом полуночном воздухе. Словно громадные змеи, изворачивались они над окрестными лесами и болотами. Глядя на них, нельзя было не вспомнить одной южно-славянской сказки, передаваемой Буслаевым: в какие-то незапамятные времена вышел богатырь на поединок с нечистою силою — змеем; Господь помог ему осилить проклятого; не довольствуясь смертью его, богатырь решил сжечь тело и развеять пепел по воздуху, что и было исполнено; но тогда-то из остатков, из пепла нечистой силы — змея, образовались эти воздушные вереницы комаров и мошкары, бесконечные клубы которых носились и над нами. Но и север России, одолеваемый комарами, имеет подобные легенды. Таково предание о Шишко, нечистом духе, в Мезенском уезде Архангельской губернии. Бог отказал Шишко в участке земли, и нечистый, озлобясь на Бога, ткнул колом в землю, и из образовавшейся дыры повалили комары, так что в воздухе потемнело. По просьбе мирян пророк Илия заткнул дыру горящею головнею, и дальнейшее

появление комаров на свете прекратилось, но те, что успели вылетать, остаются и составляют дьявольское наваждение, и полчищам их нет числа.

Около 4 часов утра сквозь шлюз Польза пароход вошел из канала в реку Ковжу, нижняя часть которой свободна от шлюзов; затем, миновав шлюз Константина, достигли мы шлюза Св. Анны около восьми часов утра. В этом месте начало наиболее обильных шлюзами частей реки Ковжи и Вытегры, и так как надобно было выиграть возможно больше времени, то пароход был оставлен, а Великий Князь продолжал путь почтовым трактом. У шлюза Св. Анны новгородского губернатора, сопровождавшего Великого Князя, сменил олонецкий губернатор Григорьев.

Вход в Белозерский канал

Вытегра

Характеристика Мариинской системы. Историческое. Шлюз Св. Петра. Село Деятины. Храм Вытегорского погоста. Приезд в Вытегру. Прибытие Великой Княгини.

Особенно жарким, палящим днем было 12 июня, и езда почтовым трактом до Вытегры, от шлюза Святой Анны, на протяжении пятидесяти с лишком верст, по желтым пескам, по глубокой, горячей пыли, представлялась очень трудною. К счастью, красота гористой, густо населенной местности и интерес посещенных нами пунктов вознаграждали собою неудобства пути. Кроме того, мы должны были спешить навстречу Великой Княгине Марии Павловны.

Дорога вьется все время между довольно высокими, поросшими лесом холмами, вдоль шлюзированной части реки Ковжи и Вытегры. Перед глазами то и дело мелькают один за одним шлюзы, более или менее длинные, то возвышаясь над уровнем бегущей подле них реки, то сливаясь с нею под один горизонт. Несомненно, что вся широкая, низменная долина служила когда-то, очень давно, продолжением Онежского озера.

Может быть, многие не знают, почему Мариинская система носит имя покойной императрицы Марии Федоровны. Именной Высочайший указ 1799 года объясняет это: Ее Величество, как главноначальствующая над воспитательными домами, допустила заимствование из сохранной казны петербургского воспитательного дома на скорейшее построение канала, по 400 000 рублей ежегодно. В память этого система, сослужившая России так много служб и имеющая в будущем еще гораздо большее значение, названа Мариинскою.

В настоящем своем виде система эта не удовлетворяет быстро возрастающему наплыву грузов. Грузовая спо-

способность ее, с ее 34 деревянными шлюзами, не превышает 50 миллионов пудов, тогда как грузовая способность судов, плавающих по Волге и Каспию, превышает 150 миллионов. Из 900 верст протяжения всей системы неудовлетворительными нужно считать только 200 верст, и весь вопрос в настоящее время сводится к тому: для сорокасаженных или для двадцатисаженных судов должна быть приспособлена она? Министерство путей сообщения, в период времени 1877–1882 гг., собирало статистические и технические данные по этому существенному вопросу, и была образована особая комиссия. Министерство признало несомненно более выгодными суда 40-саженные, но зато и расходы по приспособлению системы легли бы на наше казначейство великою тягостью в 61–79 миллионов рублей. Предположено, впредь до окончательного разрешения вопроса о перестройке или устройстве вновь шлюзов, достраивать их в нынешних размерах (для судов 20-саженных) и строить деревянные шлюзы (на случай предстоящей ломки), но при улучшении стрежней рек и каналов приспособлять их для прохода судов 40-саженных.

У шлюза Святого Петра Великий Князь остановился. Место это — очень красивое — имеет высокое историческое значение. Здесь именно, в 1711 году, в глухих дебрях, о которых теперь нет и помину, Петр I прожил несколько дней в землянке, осматривая самолично ту местность, на которой, по его повелению, англичанин Перри в 1710 году произвел исследования по соединению Волжского бассейна с Онежским озером. Только в 1762 году обратились снова к исполнению мысли Петра I. Проектов было несколько: Дедонева, де-Витте; к работам приступил де-Волант, и в 1810 году движение по системе открыто.

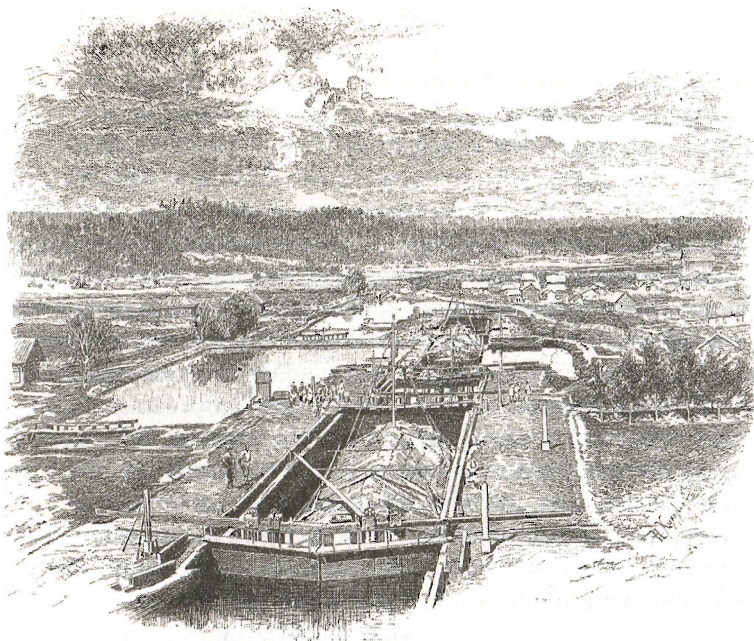
С глубоким благоговением отслушал Великий Князь в часовне, оставленной подле памятника, молебен, обошел самый памятник, довольно высокий обелиск на широком постаменте, и внимательно читал надписи. Вслед за тем, отойдя и к самому шлюзу (этот шлюз двухкамерный), Его Высочество присутствовал при пропуске вологодского каюка с овсом и куделью¹¹.

¹¹ Кудель — состриженная овечья шерсть.

На дальнейшем пути следования Великий Князь остановился у земской больницы, в Рубеже, и подробно осмотрел ее. Она назначена главным образом для рабочих на каналах. Ниже шлюза Святой Марии мы видели устье Маткоозерского канала: работы его идут весьма успешно; цель этого канала та, чтобы при переходе из Ковжи в Вытегру и обратно судам проходить вместо десяти шлюзов только два, что составит громадный выигрыш времени и расходов. Канал обойдется в 1 893 000 рублей, будет длиной 10 верст и должен быть окончен в 1886 году.

В этих местах почти вся дорога замечательно живописна. Обилие воды дает знать себя ручьями хрустальной ясности, стремящимися из соседних ущелий и логовин. Некоторые виды даже очень красивы, как например Собачьи Пролазы, где когда-то скрывались разбойники: они напоминают Тюрингию или Гарц; очень красиво место у Алексеевской горы, где одновременно видно шесть шлюзов, в широкой раме синеющих за далью гор и лесов. Местность подле села Девятины, где назначен был завтрак, бесспорно одна из лучших в пути. Дом начальника дистанции расположен в высоте восемнадцати сажен над уровнем Вытегры, и вид от него на шлюз Святого Павла, лежащий глубоко внизу, на противулежащей возвышенности, на самую реку, на многие села, поля и луга, расстилающиеся по широкой долине, прекрасен. К шлюзу мы спускались для осмотра его при громких кликах «ура!» населения в праздничных нарядах, рассыпавшегося по крутому скату, с обеих сторон лестницы, идущей к шлюзу, и под звуки пения хора учеников девятиинской школы.

Этот шлюз один из самых могучих. Разность горизонтов верхней и нижней плотин шесть сажен, напора воды — две сажени; в шлюзе три пролета, из которых средний глубокий. По данному приказанию пущена была вода; она ринулась вниз, по всем пролетам, с громадною силой, образуя настоящие клубящееся водопады. Они стремились вдоль всех трех пролетов, точно из громадных темных ртов, и шум их заглушал пение и крики «ура!»; мы стояли внизу, на лестнице, спускающейся от дома начальника дистанции, и вода, казалось, готова была поглотить нас; кудри, клубы и кольца ее, перешибая одни другие, ревели невообразимо

Десятинский погост. Шлюзы Павла, Владимира и Фомы.
Проход Каюков

и очень близко от нас, сгладившись по широкой поверхности стока, стремились под лестницу, вырисовывая пеною необозримое количество двигавшихся арабесков. В ярком блеске горячего полдня все вместе взятое — народ в праздничных одеждах по крутым скатам, синевшая даль, клокочущая вода, цветы, сыпавшиеся отовсюду по пути Великого Князя — представляло картину в полном смысле слова великолепную.

При выезде из Десятина нам указали, вправо от дороги, на кладбище голландцев, работавших тут когда-то, во время проведения канала; небольшое место огорожено высоким полуразрушившимся кирпичным забором; могучие деревья густою сенью свою покрыли бранные останки чужестранных людей, потрудившихся в свое время для русского народа. Мир им!

Солнце палило немилосердно, когда Его Высочество вышел из коляски, чтобы посетить старинную церковь Выте-

горского погоста, построенную по собственноручному плану Петра Великого. Церковь эта, один из перлов нашей архитектуры, чрезвычайно оригинальна: двадцать маленьких куполов, расположенных на разной высоте, группируются очень хорошо поверх зеленых крыш и белых стен. По наружным сторонам церкви, над стенами ее, высятся плоские, луковичеобразные кокошники, придавшие зданию совершенно подходящий сельский вид. Внутри церковь невысока; плоский потолок покрывает внутренность ее, и от центра его лучами расходятся небольшие пояски, между которыми помещаются потемневшие изображения ангелов; иконостас, в два яруса, полон ликами святых, каждый в отдельном обрамлении.

Ровно к двум часам были мы в Вытегре. Великого Князя приветствовали колокольным звоном и кликами собравшегося издалека и местного населения. Мы остановились в доме начальника округа путей сообщения Эйдригевича, сопровождавшего Великого Князя в пути, с тем чтобы наскоро оправиться от трудной дороги и ехать навстречу Великой Княгине Марии Павловне, долженствовавшей прибыть на пароходе из Петербурга получасом позже. До отъезда на пристань Его Высочеству представились местные власти.

Ее Высочество Великая Княгиня выехала из Петербурга 10 июня на пароходе «Петербург», конвоируемом «Онегою». Великую Княгиню сопровождали: фрейлина Ее Высочества княжна М. В. Темботова и управлявший двором Его Высочества, шталмейстер, генерал-лейтенант Скалон. В Шлиссельбурге Великая Княгиня пересела на пароход «Озерной» для следования каналами; пароходы же «Петербург» и «Онега» пошли Ладожским озером. Длинный и чрезвычайно однообразный путь и медленность парохода, двигавшегося каналами, полными судов, были в значительной степени сокращаемы радостными приветствиями встречавшегося народа; днем — флаги, вечером — огни на судах и прибрежных селениях свидетельствовали о том, что Высокую Путешественницу ожидали не напрасно. Значительно быстрее пошел пароход рекою Свирью; чрез пороги был он буксирован. Онежское озеро миновали вполне удачно и в реку Вытегру вошли в назначенный срок. Для следования озером Великая Княгиня пересела снова на пароход «Петербург».

Исполнение маршрута было настолько точно, что действительно 12 июня, к четырем часам, совершенно одновременно, к пристани в Вытегре поехали: с берега Великий Князь, а со стороны реки — пароход «Петербург», прибывший с Великою Княгиною, конвоируемый пароходами «Онегою» и «Озерным». Флотилия этих стройных пароходов, двигавшихся самым медленным ходом, по сравнительно узкой реке, вырисовывалась с берега очень красиво. Великокняжеский брейд-вымпел на первом из них обозначался вполне четко на светлой лазури безоблачного неба; мачты, снасти и дымившиеся трубы будто скользили по этой лазури и по данному знаку остановились все сразу.

На пристани, усеянной народом, на этот раз преобладали дамы с букетами в руках. Красное сукно, положенное по пути от парохода к экипажам, едва виднелось ярким фоном под живым ковром ландышей, гвоздики и сиреней. Великий Князь взошел на пароход для встречи своей Августейшей Супруги, стоявшей на шканце и отвечавшей наклоном головы на гудевшие с пристани радостные возгласы. Могучее «ура!» и глубокие поклоны встретили сошедшую с парохода Августейшую Чету.

Едва двигаясь в коляске между народом, Их Высочества посетили прежде всего собор, где был отслужен молебен, и приложились ко святому кресту; по пути к дому они останавливались в лютеранской церкви. После кратковременного отдыха осмотрели шлюз Святого Сергия и присутствовали при пропуске тихвинки, шедшей из Рыбинска с пшеницей, и, войдя на самое судно, осмотрели его; затем были посещены местный острог и вновь сооруженная пятиглавая, трехпрестольная Сретенская церковь, где отслужен молебен. К обеденному столу приглашены были местные власти, городские дамы и морские офицеры, прибывшие с пароходами. В заключение дня состоялся спектакль любителей в соединенном собрании, удавшийся вполне; очень игриво и весело прошла пьеска «Утка и стакан воды». Августейшие Гости приняли звания почетных членов собрания.

Рано утром 13 июня, до отъезда в дальнейший путь, Его Высочество осмотрел местную команду. Полурота в развернутом фрунте ожидала на казарменном плацу. Обойдя ряды, Великий Князь приказал произвести строевое ученье.

Ободрив милостивым словом молодецки представившуюся команду, Его Высочество обошел казарму и все хозяйственные учреждения и испробовал на кухне хлеб, квас и пищу. Затем осмотрена была местная городская больница, откуда Великий Князь направился в управление уездного воинского начальника. Предложив ряд вопросов по отношению к численности, распределению по родам оружия и о местах назначения в случае мобилизации, проживающих в уезде запасных и новобранцев, Его Высочество ознакомился со всеми действиями управления по отношению созыва государственного ополчения и поверил современный наряд нижних чинов на службу, в связи с числительным составом команды.

Онежское озеро

*Выход в озеро. Исторические пути духовного подвижничества.
Главнейшие имена деятелей. Случай с матросом. Впечатле-
ния прибытия в Петрозаводск.*

В полдень 13 июня Августейшие Путешественники направились на стоявший у пристани пароход «Озерный». Конвоируемые пароходом «Петр» и сопровождаемые бесконечным «ура» населения, обрамлявшего оба берега реки, бросавшего шапки и махавшего платками, двинулись мы вниз по течению. От города Вытегры до устья реки, до Онежского озера — 16 верст. Река изгибается крутыми луками по болотистой, тундровой местности и, точно усталая в долгом течении от массы тех грузов, которые вынесли воды ее на всем протяжении системы, бежит по озеру, чтоб успокоиться. Тундры, кочки, жидкие деревья, не имеющие возможности расти, коряги и пни виднелись по сторонам красивого, богато убранного парохода, лавировавшего по изгибам. Туман и дождик делали картину неприветливою. Серая сплошная туча обложила все небо, когда у самого устья реки мы пересели на другой пароход «Петербург» и, конвоируемые «Онегою» и «Озерным», вышли в открытое озеро.

На карте, лежавшей развернутою на столе, значилось, что подле устья реки стоит маяк. Если признать маяком телеграфный столб со щитом наверху, окрашенный белую краской, то карта не ошибалась. Скоро, очень скоро вошли мы в область густого, слоившегося тумана, так что едва отличали следовавших за нами конвоиров; туман лежал над водой густым, но тонким слоем, так что от «Онеги» видели мы только верхи труб ее и грот-мачту, от «Озерного», шедшего за нею, только верхушку мачты, а от «Петра» — ровно ничего.

Мы были на севере, в этом не могло быть сомнения, температура воздуха, достигавшая сперва чуть не 40 градусов жары, сразу понизилась до 6°, в воде было только 2°, и в довершение картины встретили мы плывшую льдину: она белела подле нас и тихо раскачалась над глубокою чернью воды, составляющею особенность наших северных озер, когда волна парохода коснулась ее. Несмотря на густоту тумана, летний день все-таки давал себя чувствовать бесконечным обилием света вокруг нас; мы скользили точно в каком-то серебре, по которому высокие снасти парохода вырисовывались чрезвычайно четко. Две волны, разбегавшиеся за ним по озеру, спокойному, как зеркало, точно замирали темными полосками в бесконечности мало-помалу разрежавшегося тумана. Мы были на великой водной поверхности с береговою линиею в 1300 верст.

На Онежском озере нельзя было не вспомнить о временах давным-давно прошедших. Существование еще до XII века Обонежской пятины Новгородских владений, северная часть которой доходила до Ледовитого океана, говорит о бесконечно раннем расцвете жизни в этих местах. По пути торгового движения к морю и на восток начиналось всюду устройство монашеских обителей, служивших единственными гостиницами в дебрях и пустыне. Духовное подвижничество предшествовало исторической жизни, и в самой глубокой дали времени поднимаются в Прионежье две личности, о которых нет ни предания, ни сказания, а есть только имена: Пахомий Кенский и Корнилий Палеостровский; в XVI веке является Кирилл с «великой главой»; Антоний Сийский, обнажавший плечи и голову до пояса, дабы прилетали к нему оводы и комары и обседали и пили кровь нещадно; Никодим Кожезерский, известный чудом, совершенным им: было великое наводнение, он взобрался на свою келейку, к крыше которой подступала вода, пел псалмы, и вода удалилась.

Ошибся бы тот, кто вздумал бы утверждать, что пустынножительство, развивавшееся здесь по берегам и островам, чрезвычайно сильно — о чем свидетельствуют разбросанные по краю, попадающиеся очень часто кресты и часовенки, — чтобы это пустынножительство ограничивалось только духовными подвигами. Нет, люди пустыни приносили и образование. Соловецкий летописец сообщает, что игумен

Филипп в XV веке такую телегу завел, что сама насыплется и привезется, сама и высыпает рожь на сушило; он сеялку построил с десятью решетами: сеет один человек, а другое решето то самое насыпает и сеет отруби и муку; игумен Филипп ветер нарядил мехами рожь вѣять и кирпичные заводы завел, и стекольчатые окна делал; старец Тарасий, раньше него, научил рассол от воды отлучать и соль варить.

Целые сонмы отшельников-тружеников расположились по Онежскому побережью в XV и XVI веках, и от Олонецкого края пошли они дальше, даже до 69½ градуса северной широты, где, как видно из грамоты Иоанна Грозного, преподобному Трифону, проповеднику Святого Евангелия у лопарей, скончавшемуся в 1583 году, настоятелю Печенгского монастыря, и доньне, существующего, дано было владение по берегам, и он, Трифон, основал рыболовство, звероловство, ловлю устриц, соляные варницы, лесные дворы, мельницы и обзавелся морскими крупными судами; торговля с иностранцами по нашему северному побережью началась раньше него.

И сколько было, подумаешь, светлых видений этим людям, и умирали они, веруя в обетованное свое спасение, покойно, безмятежно, как, например, Савватий, шедший через Свят-Наволоку и скончавшийся в пути, сидя в куколе и мантии. Правда, не всегда мирно жили и умирали подвижники; так, были убиты язычниками: Андриан Ондрусовский, Макарий Вышкоезерский и другие.

К половине пути нашего по озеру туман начал было раздеваться и порой проглядывало солнце. Удостоенные приглашения к завтраку Великим Князем в каюту, мы, сев за стол, рассчитывали на спокойное окончание завтрака, как вдруг резкая беготня на палубе, крики и остановка хода машины дали знать о том, что случилось что-то необыкновенное и нехорошее. Великому Князю немедленно доложили, что в воду упал матрос. Вслед за Его Высочеством и за Великою Княгиней все мы вышли на палубу. Машине тем временем дали задний ход; следовавшая за нами «Онега» по свистку прибавила ходу и направилась к еле видневшейся над водой, плескавшейся черной точке: то был матросик, от которого мы успели отойти сажен на сто. К счастью, он умел плавать и продержался на воде минут около пяти, пока с подошед-

Петрозаводск. Вид от пристани на Петропавловский
Христорождественской и Свято-Духовский собор

шей к нему вплотную «Онеги» бросили буйки и веревки: за одну из них он ухватился, и его втащили на палубу.

Нельзя сказать, чтобы безмолвное созерцание возможной гибели человека, видневшегося небольшою темною живою точкой в бесконечности вод и тумана, на 50 саженной глубине, относилось к чувствам особенно приятным. Привезенный немедленно к нам обратно, матросик, по приказанию Великого Князя, переодетый и осушенный, был ему представлен и оказался архангелогородцем, новобранцем: он упал, неосторожно черпая воду и не желая упустить из рук ведра. Фамилия его Самадов. Не желать упустить казенное ведро и свалиться в воду — это характерно, в особенности для новобранца.

К 8 часам вечера приблизились мы к Петрозаводску. Город, с его прямыми улицами, разбитый на квадраты, размещившийся по отлогой покатости, представляется со стороны озера красивым. Высоко надо всем прочим поднимался своими луковичными куполами новый собор, а подле него обозначалась маленьким шпилем старейшая церковь города во имя Петра и Павла, построенная великим Императором в 1693 году. Зелень садов, пестрота расцвеченной флага-

ми и украшенной двумя арками пристани, огромные толпы народа, мундиры имевших представиться Великому Князю властей, местный батальон с музыкой, воспитанники училищ, дамы в нарядных платьях, ялики, пароходы, сыпавшиеся цветы, звон колоколов и бесконечное «ура» — все это вместе взятое представляло зрелище, не уступавшее встречам Великого Князя в Боровичах, Устюжне, Череповце и Вытегре. И хорошая погода тоже не хотела оставить нас: солнце, яркое, горячее солнце опускалось книзу медленно, заставляя забыть о тех 6° тепла, которые так недавно были испытаны нами на озере.

На пристани представились Их Высочествам: Великому Князю — местные власти, Великой Княгине — городские дамы. Сев в коляску и едва подвигаясь в густых, гудевших толпах народа, Августейшие Путешественники только к 9 часам приехали в Свято-Духовский собор. На паперти, окруженный духовенством в золотых ризах, ожидал епископ олонецкий и петрозаводский Павел. Архипастырь приветствовал прибывших краткою речью и отслужил молебен. Великий Князь с супругой остановились в доме губернатора, куда прибыли только к 10 часам вечера. Затем Их Высочества посетили гимназию, в которой состоялся концерт, устроенный обществом любителей музыкального и драматического искусств, совместно с ученицами гимназии и приютов в честь Их Высочеств. Первым исполнен был торжественный марш, написанный на приезд Высоких гостей; вечер заключился гимном «Боже, Царя храни».

Петрозаводск

Памятники Петру I и Александру II. Осмотр завода. Историческое о рудном деле в северном крае. Судьбы завода. Его особенности. Осмотр мастерских. Различные учреждения. Собор Петра и Павла. Вечерняя поездка в Соломенное.

Следовавший за нашим прибытием в Петрозаводск день, 14 июня, был таким же безоблачным и жарким, как все предшествовавшие. Памятник Петра Великого работы Шредера, стоящий перед губернаторским домом, ярко горел с утра своею бронзой. Памятник недурен; облик императора гораздо внушительнее и спокойнее того, который поставлен в Петергофе у Монплезира. Неудивительно, что горожане то и дело зовут полюбоваться им: посмотрите, да посмотрите!

Однолеток Петербурга, Петрозаводск был и есть город чисто административного характера. Недостаток дворян в Олонецкой губернии был причиною указа Сената 24 апреля 1811 года, ограничившего круг выборных должностей. Даже предводителей не из кого было выбрать, — губернским был назначен совестный судья, уездными — уездные судьи. Нынешнее земство не велико, но очень деятельно.

Великий Князь выехал с раннего утра для смотра местного батальона. Четыре развернутые роты едва помещались на Соборной площади, имея на фланге собственный хор музыки. Обойдя молодецкие ряды, Его Высочество приказал начать батальонное учение; согласие в ружейных приемах, внимание и тишина во фронте не оставляли желать ничего лучшего: батальон представлял одно целое, мастерски обученное; затем произведено было построение и развертывание колонн. Для ротного учения с порохом была вызвана 1-я рота, показавшая себя молодцами. После церемониального марша батальону приказано следовать с музыкой и песнями домой.

Петрозаводск. Вид на соборы со стороны Мариинской (ранее Английской) улицы (ныне проспект К. Маркса)

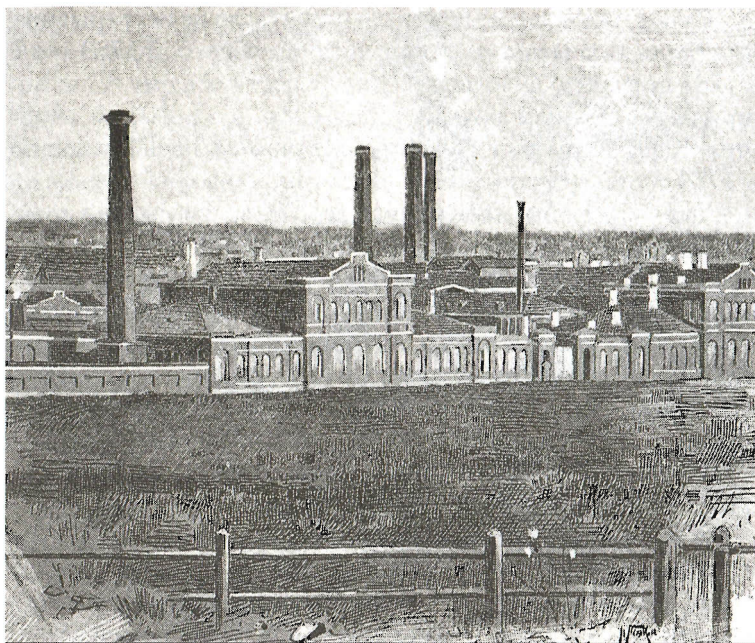
Вслед за этим Великий Князь посетил инвалидный дом и богадельню. Первый учрежден в 1880 году, в память 25-летия царствования в Бозе почивающего императора Александра II; в нем призываются 9 человек и расходуется в год, из сумм земского сбора, 1200 руб. Богадельня передана земству из приказа общественного призрения в 1867 году, с комплектом в 20 человек; теперь их 38, наполовину мужчины, наполовину женщины; расходуется на них 6300 руб.; более трех четвертей суммы идет тоже из земского сбора.

Если посещение этих обоих учреждений, стоящих на высоте своего призвания, было приятно Великому Князю, то надо было видеть, какую неподдельною радостью горели глаза старичков и старух, смотревших на него. Некоторые из этих призываемых так стары, что блеск радости на их глазах был, может быть, последним в этой жизни. А большинство этих людей много потрудились на своем веку и имеет право на призрение. У каждого Его Высочество останавливался и расспрашивал об обстоятельствах его жизни или службы.

По пути следования в острог Его Высочество заехал на главную гауптвахту, где осмотрел карцера, и затем — к местному преосвященному владыке. Петрозаводский острог по величине и распорядкам в здании резко выделяется из множества подобных учреждений и мог бы служить образцовым во многих отношениях. По осмотре его, возвращаясь домой к завтраку, далеко за полдень, Великий Князь остановился для осмотра места, избранного для постановки памятника августейшему своему родителю; оно было огорожено и убрано множеством развевавшихся на ярком солнце разноцветных флагов. Этот памятник будет сделан тоже Шредером, который создал для Петрозаводска памятник Петра I. Памятник воздвигается земством и обойдется около 20 000 руб. Государь изображен стоящим в порфире; величина статуи 5 аршин; постамент будет сделан из чрезвычайно крепкого местного матюковского камня. Замечательно — сколько памятников Александру II будет поставлено в благодарной России! К полудню прибыли из Петербурга, для участия в предстоявшей на Климецком острове охоте, Его Королевское Высочество Иоанн-Альбрехт, Герцог Мекленбург-Шверинский, брат Великой Княгини Марии Павловны, егермейстер Высочайшего Двора князь Барятинский и начальник придворной охоты Дитц.

Время после завтрака назначено было на очень любопытный осмотр Александровского завода.

Завод этот и наш Петербург — однолетки: оба основаны в 1703 году. Петр I был в Олонецком крае десять раз. Царственными руками своими тянул он крицы и заставлял приближенных своих засыпать в горны уголья. Память о нем чрезвычайно жива в крае, забегая далеко на север по Сухоне и Двине, по Белому морю, по так называемой «Царской дороге» между Белым морем и Онежским озером, проложенной им самим до Повенца. Предание гласит, будто в Повенце Петр не посетил церкви святого Петра и поехал озером; поднялась буря: «Верно повенецкий Петр сильнее московского», — сказал император, вернулся, помолился, и озеро понесло ладью его дружелюбно. Повенец в то время городом еще не был. Но и раньше Петра на Олонецкий край было обращено царское внимание. Посланный в Англию Иоанном Грозным посол Иосиф Непея привез с собою

Петрозаводск. Александровский завод

рудодокопов. В 1569 году англичанам позволено было работать далеко на востоке, на реке Вычегде; шведов призывали в 1571 и 1573 годах, но неизвестно, работали ли они. При царе Алексее Михайловиче, крупный облик которого, при новейшей разработке исторической науки, выступает все сильнее, все могущественнее, в Олонецком крае существовали заводы для приготовления железа из руд; они принадлежали с пособием от казны датчанину Бутенату. В 1701 и 1702 годах Петр поставил в крае пять заводов, и в 1704 году были приготовлены в России первые якоря на заводе Вычковском, ныне не существующем. Основание же старому, прежнему Александровскому заводу постановкою четырех доменных печей положено в 1703 году, над речкой Лососинной, стремящеюся своею быстрою волной подле завода и теперь; следы этого Петровского завода еще существуют; он стоял немного в стороне от нынешнего. На этом заводе кроме литья чугуна делали тогда на всю армию ружья и палаши.

Существование олонецких заводов было не непрерывное: они были закрыты все, кроме Кончозерского, в 1783 году; в 1784 положено основание ныне существующему Александровскому. Самым крупным деятелем его в былом является Карл Карлович Гаскойн, вызванный из Шотландии в 1786 году, из лучшего в то время Карронского завода; он прибыл со многими мастерами, и дело было поставлено прочно. При нем к заводу было приписано 17 000 душ крестьян, и завод пользовался многими привилегиями, например, правом отливать меры и весы на всю Россию. От времени цветущей деятельности завода, помимо большого числа орудий и снарядов, сослуживших России свою службу, в Петербурге сохранилось много других работ; все перила вдоль Мойки, все металлические части мостов: Красного, Поцелуева, Полицейского, решетки Михайловского дворца и банка, все они — работа олонецких заводов.

В настоящее время завод идет, несомненно, в убыток и деятельность его сокращена до крайности, но последняя война доказала, что может он делать и как он полезен. Один из главных упреков — сравнительная недоброкачественность чугуна; но на дворе завода имеется прямое опровержение в так называемой ярцовской пушке середины прошлого века: 24-фунтовая, она выдержала чудовищные пробы и после них, будучи пересверлена на 30 фунтов, выдержала не меньшие, и «того ради» — значится в надписи — «в знак крепости и доброты сдешней артиллерии она на сем месте и поставлена». Существование Александровского завода — дело государственного интереса. За сто лет существования завода и трех вспомогательных — Кончезерского, Суоярвского и Валазминского — проплавлено 53 миллиона руды и получено 19 миллионов пудов чугуна.

Во 2-м часу дня мы прибыли на завод в экипажах. Он лежит в широкой котловине, на берегу речки Лососинки. Длинные почерневшие трубы резко обрисовывались на ярком полуденном небе; множество флагов веяло по воздуху. От самого дома губернатора до заводских ворот сплошные толпы народа в праздничных одеждах стояли по сторонам; подле самого завода проезд был крайне затруднителен. В сопровождении горного начальника и всего начальствующего персонала Их Высочества обошли все мастерские и слу-

Купание рабочих в цистернах

шали объяснения работ. Первою посещена была литейная; приготовленные формы снарядов, одна за другою, наполнялись ярко-красною массой расплавленного чугуна; быстро потухавшие искры прыгали подле вагранок; пыль стояла столбом в высокой мастерской, и солнечные лучи, западая местами, резко прорезывали ее. Затем осмотрены были: обливка снарядов свинцом, обточка их, порядок приемки и механические мастерские.

Рабочих на заводах всего 853 человека — число несоразмерно малое по количеству заводских приспособлений; в нем 63 различные печи, две турбины в 120 сил, шесть гидравлических колес в 100 сил, три паровые машины в 100 сил, два паровых молота и множество исполнительных механизмов. Когда-то очень деятельное отделение по отливке орудий стоит в настоящее время заброшенным, молчаливым, пустым, так как заказов на них не дано; завод prepares только бомбы, гранаты и шрапнели, числом около 84 000 штук, на сумму 324 000 руб.

К концу осмотра завода рабочим было дозволено выйти из мастерских. Подле заводской цистерны неожиданно раздался клик «ура», и многие из рабочих, смуглые, запыленные, прямо от горнов, припаливаемые горячими солнцем, как были в рубашках и сапогах, кинулись в цистерну. Они плескались и кувыркались в холодной текучей воде с видимым наслаждением; «ура» гудело из воды. В 1858 году, при посещении завода императором Александром II, рабочие проделали то же самое.

По окончании осмотра, по пути к приюту, Их Высочества посетили древнейшую церковь города, сооруженную при самом основании его в 1703 году, собор во имя Апостолов Петра и Павла. Преосвященный ожидал прибытия Их Высочеств, прошедших к паперти между двух шпалер воспитанников и воспитанниц: здесь самым владыкой показаны были древнейшие вещи, хранящиеся в церкви. В соборе существует икона мистического характера, носящая название «О разорении на церковь Божию». Аллегорическая икона имеется и в Вытегорском погосте; она называется: «Знамение множества мира».

Николаевский детский приют, посещенный вслед за тем, открыт в 1849 году. В нем помещены на постоянное жительство 60 девочек; капитал губернского попечительства простирается до 43 000 рублей. Великая Княгиня осталась особенно довольна порядком и простотой в приюте. Юнейшей из девочек нет еще трех лет; построенные длинными рядами, в сереньких платьицах, девочки очень мило пели молебен. Маленький народ этот, теснясь у выхода, тоже кричал свое детское «ура», провожая Августейших Гостей к коляске.

Отсюда назначено было ехать за город, для присутствия в пробном полигоне при пробе снарядов. Проба производилась из шестидюймовой стальной пушки бомбами, при заряде в 21 фунт на 300 сажень дистанции. Некоторые из пущенных снарядов проделали удивительно красиво всю градацию рикошетов по голубой поверхности озера. На этом месте озера, от самых далеких дней, всегда производились пробы, и количество чугуна, покоящегося на дне озера, привлекало не одну компанию для его добычи. Но, по-видимому, его еще недостаточно для покрытия издержек при вторичном вызове на свет.

Петрозаводск. Вид на губернаторский дом

Был уже 4-й час дня, когда Великий Князь направился в батальонные казармы, расположенные на самом берегу Онежского озера; вследствие ремонта батальон стоял подле лагерем в палатках. На плац вызвана была вторая рота, для проверки гимнастики и фехтования. Бойко и красиво исполнили солдатики свое дело; удары в фехтовании наносились отчетливо, метко. Его Высочество подробно осмотрел казармы и лагерь, со всеми хозяйственными заведениями. Осведомившись о том, что деревянные казармы зимой холодны, столовые тесны, а подле проходит скотопрогонный тракт, причиняющий подымаемую им пылью глазную болезнь чинам батальона, Великий Князь просил сопровождавших Его Высочество губернатора и городского голову принять соответствующие меры. «Прошу вас, господа, — сказал Великий Князь, — содействовать к улучшению казарменной обстановки батальона: всякое ваше участие к ниж-

ним чинам приму я за выражение вашего внимания лично ко мне». Городской голова ответил ручательством за все общество в том, что желание Его Высочества будет исполнено¹². Благодаря за готовность, Великий Князь выразил надежду о возможности посетить Петрозаводск в будущем году, если Бог благословит совершить задуманную поездку в Архангельск, на Белое море и Мурман.

Отбыв из казарм, Его Высочество осмотрел городскую больницу и направился в управление уездного воинского начальника. Предметом инспекции на этот раз, сверх проверки состояния делопроизводства и мобилизационной отчетности, было применение надзора за прибывающими в район управления неспособными и вообще отпускными воинскими чинами.

По возвращении в дом губернатора Его Высочество уже застал собравшимися всех приглашенных к обеду, который и состоялся в начале 8-го часа пополудни. Вечер закончился небольшою, вполне удавшейся поездкою на пароходе в Соломенное. Обе церкви Соломенного погоста ясно видны из Петрозаводска на противоположной стороне озера; до него пути водой около семи верст. Место это замечательно красиво. На совершенно обнаженной скале, так называемой Соломенской брекчии, вдоль и поперек опоясанной трещинами, поросшими густым бурым мхом, поднимаются рядом старая и новая церкви погоста. Тут был когда-то монастырь, основанный в конце XVI века; его сменила пустынь, упраздненная в XVIII и обращенная в приход; в числе древностей хранится белая холщевая риза, шитая царевною Софией Алексеевной, и полотняный антиминс времени царя Федора Иоанновича. Подле самых церквей находится лесопильный завод Громова. Говорят, что из маленького озера — Логмозера, на котором он расположен и которое сливается с озером Онежским, на лодке можно проехать до Иматры. Вот хорошенькая задача для любителей водяного спорта, задача чисто английского пошиба.

На мшистой, могучей скале, подле церкви, был устроен красивый павильон. Народ, в праздничных одеяниях, разме-

¹² Обещание, данное городским головою, было выполнено к 1885 году (Примеч. автора).

Погост Соломенное

стился живописно по всем обнажениям скалы. Ко времени прибытия парохода зазвонили небольшие колокола обеих церквей погоста, и звон этот очень музыкально разнесся по тихому озеру и замер в соседних лесах. Грянуло «ура». Августейшие Гости отслушали в церкви молебен, а затем пили в павильоне чай; подле играла горная музыка: не замедлила приплыть и другая, военная, сопровождавшая общество офицеров батальона; все время не смолкали песни.

На обратном пути, на пристани Петрозаводска, по слегка потемневшему небу неожиданно взвились ракеты и ярко затеплились фальшфейеры на стоящих один подле другого пяти пароходах. Эффект этих огней, опускавших в воду блестящие столбики своих отражений, был очень хорош. Горели огни и на иллюминированных улицах поднимавшегося в гору Петрозаводска, так что город обрисовывался весь в огненных чертах. Время близилось к полночи, а между тем все население ожидало на берегу возвращения дорогих гостей.

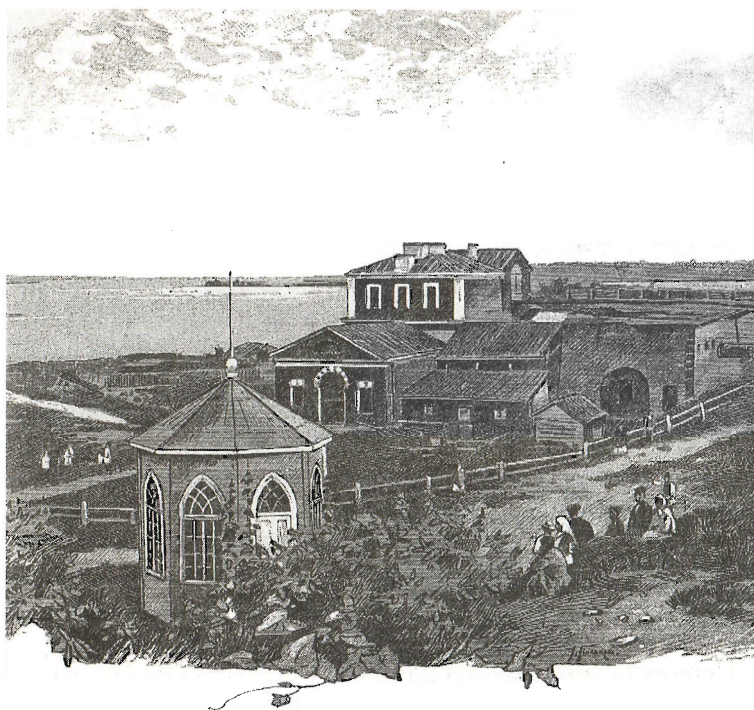
На следующий день, в 8 часов утра, нам предстояла поездка на Кивач.

Поездка на Кивач

Село Шуя. Олонецкий пейзаж. Добывание руды. Кончезерский завод. Корелы. Предания и поверья. Водопад Кивач. Воспоминание о Державине. Марциальные воды.

В 8-м часу утра семь экипажей ожидали нас для довольно утомительной поездки на водопад Кивач, утомительной потому, что предстояло вернуться к 8 часам вечера, сделав 130 верст, и присутствовать в городском саду на гулянии, устроенном, в честь Высоких Гостей, а затем сесть на пароходы и немедленно отплыть от Петрозаводска. День обещал быть жарким.

Первая перекладка лошадей была в 17 верстах, в селе Шуя. По обоим берегам широкой реки Шуи, состоя из 13 отдельных деревень, раскинулось богатое село, очень людное и древнее, на много лет более старое, чем Петрозаводск, потому что оно поминается в писцовых книгах XVII века. Маленькие куполы и шпили двух старинных церквей-погостов высились над гладью широкой долины, обрамленной олонецкими лесистыми холмами, и терявшихся вдаль и по сторонам бесчисленных, хорошо обстроенных, крестьянских дворов. Великий Князь с Великою Княгиней переехали реку в лодке, прибывшей с парохода «Онега», остальные на лодке с местными гребцами, в красных рубашках: экипажи переправлены на пароме. Население с хлебом-солью, песнями, богато разряженное, толпилось по обоим берегам. Под флагами, развевавшимися вдоль берегов, мелькало очень много малиновых шелковых сарафанов и кокошников, поднизей, серег и монист, украшенных местным жемчугом. Шуя — село торговое, ярмарочное, дома прочные, большею частью двухэтажные: над верхними балкончиками некоторых из них, под длинными сетями, виднелось вяле-

Кончезерский завод

ное мясо — весьма почитаемый здесь способ заготовки для рабочих.

Вслед за Шуей местный олонецкий пейзаж проступает с полной яркостью: бесконечно много озер, гранитные и диоритовые обнажения древних скал, поросших густым чернолесьем. Дубов здесь нет уже совсем, клены очень редки, зато царствуют вечно зеленая хвоя, береза и множество осин.

Осина, как известно, то дерево, на котором, по оригинальному преданию, повесился Иуда, и этому обязана она своими местными особенными качествами, — так: против заклятых, то есть против таких людей, чрез которых влияет на смертных нечистая сила, действует осиновый лист; осиновый кол вбивается в спину умершему заклятому, чтоб он не вставал; на Вознесенской пристани, где мы будем через два дня, в случай пожара, на котором-нибудь из множе-

ства скученных судов, необходимо бывает потопить судно, для чего обязательно сделать в нем пробоину и воткнуть в нее непременно осиновый кол. Все это местные поверья Олонецкого края, и осин в нем действительно очень много, и разных сортов, что нетрудно заметить всякому проезжающему. Гораздо труднее убедиться в том, что однообразные пологи мхов и лишайев — от белых и желтых, до красных и темно-бурых, одевающие скалы, вовсе не так однообразны, как кажется: их неисчислимое количество сортов; они составляют большинство местной флоры как по числу пород, так и по распространению неделимых. Они так живучи, так цепки, эти маленькие тайно-брачные создания, что покрывают даже самые плотные породы кварца, гранита и яшмы.

При перекладке лошадей в Косалме Великий Князь осмотрел добычу руды на Укше-озере. Озерная руда, состоящая из более или менее крупных катышков, образовалась вероятно от разложения серных колчеданов; она залегает по дну озер на большей или меньшей глубине слоями различной мощности и поднимается из воды деревянным черпаком на плоты. Добыча ее составляет один из существенных заработков местного населения; озера обезрудевшие снова не наполняются, но запасы руды все-таки необозримо велики. Такая же руда есть и в болотах. Ее поднимают со дна озера на плоты, как сказано, простыми черпаками и тут же промывают на грохоте.

Его Высочество проехал к плоту на небольшой лодчонке.

Кончезерский завод — третья станция. Это тот единственный завод, который в 1783 году, когда закрыты были все заводы Олонецкого края, продолжал свою доменную работу. Раскинут он очень красиво. Три озера: Укшезеро, Кончезеро и Пертозеро, составляя как бы одно целое, расположены тут террасами, одно выше другого — Пертозеро лежит на четыре сажени выше Кончезера; скалистые перешейки, как горбы чудовищных допотопных животных, высятся между ними, отделяя их водные равнины.

Завод расположен на самом высоком центральном месте, и новая церковь его, в которой Августейшие Путешественники прослушали молебен, видна издали. Видимое водное пространство, перерезанное лесами и островами, очень велико;

Кончезерский завод. Вид на церковь

обрамленное бесконечною бахромой зелени лесов, расположенных по изогнутой линии холмов и ложбин, оно образует светлые перспективы вдаль и самые характерные первые планы пейзажа.

На Кончезере, говорят, столько островов, сколько дней в году, и все они расположены вдоль озера и носят имена святых; один только остров, Бог знает почему, лег поперек и за это кличка ему «Дурак». Это обязательно рассказывают всякому проезжающему. В этнографическом отношении любопытно то, что Кончезеро отделяет корельские поселения от русских, и на двух берегах его звучат два разных языка.

Пертозеро, вдоль которого шел наш дальнейший путь, окружено диоритами — замечательными жильными месторождениями медных руд, когда-то разрабатывавшихся. В этих местах население главным образом корель-

ское. Корелов считается в крае всего около 40 000 человек; корельские элементы попадались нам и ранее по пути, в Новгородской губернии. Оттесненные новгородцами, обращенные в христианство 600 лет тому назад, корелы отодвинулись в более глухие места края, предоставив лучшие русским. Они люди робкие и довольно терпеливо выносят данные им клички: «корешки», «белоглазые корехи»; деревни их большею частью бедны, не людны, 2–6 дворов; церквей, часовен, крестов — множество: это память пустынножителей, что не мешает, однако, ставить свечу «празднику», не ведая имени святого. Попадают в крае избы, построенные 200 лет назад; избы корелов большей частью двухэтажные, благодаря обилию леса прочны, хороши; но это почти единственное, что свидетельствует о благосостоянии: хлеб пополам с соломой и сосновою корой не редкость. Охота и рыбная ловля здесь существенное подспорье крестьянского быта: оно и немудрено, так как $\frac{1}{6}$ часть края — вода, $\frac{5}{6}$ — лес. Рыбные ловли бывают очень обильны: ловят рыбу неводами, мутниками, мережами, мердами; уловы на удочку дают иногда до двух пудов в день: язь, сиг, плотва, снетки, щука, окунь, ерш — главная добыча.

Близость к воде обуславливала сильную веру в водяников и целый цикл легенд и песен. Тут, на севере, нельзя, конечно, ожидать яркости южно-русских сказок, где дева вдевает в иглу солнечные лучи и вышивает ими на основе, сделанной из юнацких кос; тут больше сходства с финским эпосом, где певец «Калевалы» говорит, что он «срывает песни свои с вересков», что «мороз учил его песням и дождь приносил слова».

Невидимый мир существ, по мнению местных людей, населяет наш мир и чудесно сжился с христианскими понятиями. По океану-морю, говорит одна из былин, плавали два гоголя: один белый — Господь, другой черный — Сатана. По повелению Бога и благословению Богородицы Сатана поднял со дна моря горсть земли; из нее Бог сотворил ровные места и поля, а Сатана — непроходимые пропасти и овраги. Ударил Господь в камень, и создал силы небесные; ударил Сатана — и создал свое воинство. Была великая война, и воинство Сатаны попадало на землю: кто в лес — стал лесо-

Водопад Кивач

виком, в дом — домовиком, в баню — банником, во двор — дворовиком, в воду — водяным.

И крепка эта местная вера в бесчисленную нечистую силу, залегающую повсюду; на человека может она действовать только чрез посредство злых людей, так называемых «заклятых». Живут эти заклятые и особых становищах; Иш-горах и Мянъ-горах; там в темную ночь — белый день, нет конца строению, пляскам, игрищам, яствам и питию. Не дай Бог попасть к ним!

На нашем пути подобных становищ нам не попадалось, но зато во всю дорогу встречали мы людей, желавших видеть Великого Князя с Великою Княгиней; у нескольких крутых спусков и подъемов, например, у Сулажгоры, коляски сдерживались и накатывались людьми; во время остановок первую коляску, в которой сидели Августейшие Путешественники, народ на станциях, в полном смысле слова, окружал вплотную до колес и дверей. Великая Княгиня расспрашивала крестьянок об их житье-бытье,

ласкала детей. Весело глядели лица по сторонам коляски, и долго, долго будет жить память в народе об этом посещении.

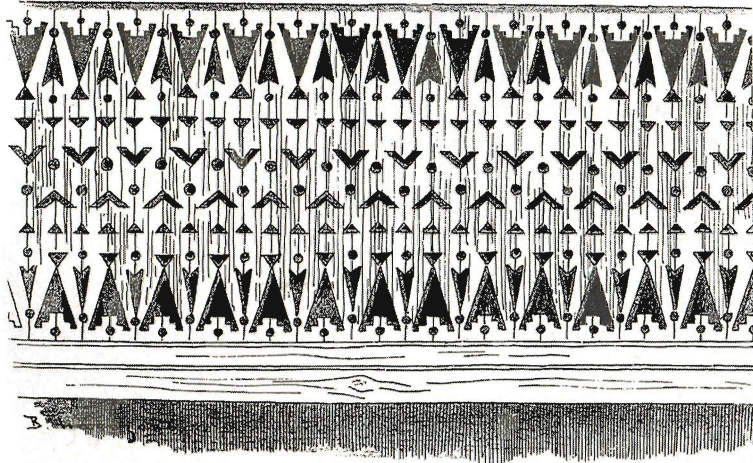
К часу пополудни, в самый жар, коляска Великого Князя, а вслед за нею и все остальные, остановились в лесу, в глубоком облаке пыли, на краю спуска с высокой горы. Подле нас, где-то из-за деревьев, ревел Кивач. Это было хорошо, что мы спустились к Кивачу не в экипажах, а пешком, потому что иначе мы были бы лишены удовольствия видеть, как мало-помалу влево от нас, из-за густой листвы и стволов деревьев, сквозь прозрачные полуденные тени, залегавшие в лесу, местами пронизанные яркими снопами лучей солнца, проступали одни за другими, сначала белыми клочьями, а потом колоссальными бешеными белыми массами вихрившиеся стремнины Кивача.

Еще несколько шагов, и лес отступил совсем, и свирепый «падун» во всей дикой красе своей явился перед нами, влево от моста, перекинутого через Суну. Моста этого еще недавно не было, и не было поэтому лучшего вида на Кивач, с расстояния каких-нибудь ста сажен, прямо лицом к лицу с водопадом, во всей совокупности богатого пейзажа скал и лесов, обрамляющих его, с большим павильоном, поставленным справа, и небольшою беседкой с левой стороны.

Под ногами нашими уносились под мост истерзанные пенящиеся струи воды, только что побывавшей в водовороте; множество столбиков белой пены, которые по утрам и в свежие ночи бывают очень характерны и высоки, точно плавающие башенки, двигались перед нашими глазами с замечательною быстротой, вальсируя по струям и группируясь самым фантастическим образом...

А влево, в блеске полуденного солнца, высился сам падун, неумолкаемый, вечный, чудесный, точно белый царь этой глухой, далекой местности, изрекающий какие-то неведомые, все покрывающие своими звуками законы.

Чтобы подойти к падуну вплотную, надо перейти Суну по мосту и взойти по деревянным сходням, влево от моста, к павильону, построенному в 1858 году к приезду императора Александра II. Павильон возвышается почти над самым водопадом, чуть-чуть пониже главной стремнины его.

На балконе павильона перед водопадом Кивач (слева направо):
вел. князь Владимир Александрович, вел. кн. Мария Павловна,
наследный герцог Иоганн Альбрехт фон Мекленбург-Шверин

Вблизи Кивач страшнее, величественнее своею семи-саженною высотой, своими сердитыми, белыми кудрями, но вы как-то не овладеваете им, вы его не окидываете взглядом, в той несокрушимой рамке, которая ему назначена и которая так бесподобна хороша при взгляде на него от моста. Желтоватая вода Суны, точно ничего не ведая, плавно, хотя и быстро подкатывается сверху к водопаду; у самого края его вы видите, как во всю ширину реки ее точно вздувает: слегка запузыриваясь, мощно изгибаясь, наливаясь широкою, круглою грудью, струи реки сразу попадают в стремнину, в острый угол, образуемый двумя главными утесами. Что происходит там, между этих двух утесов, этого не описать. Всех глаголов русского языка, изображающих стук и действие, не хватит для этого описания. Между молотами и наковальнями всех сил и величин дробится вода в падун. Лодка с куклами, спущенная в него, громадный плот с зажженными на нем горами хвой, десятки балоков — все это уходит в него, поглощается. Говорят, что был когда-то такой смертный, который, попав в водопад, увидел, пройдя его, свет Божий вторично. Трудно поверить. Должно быть, в самом центре водопада русло реки изрыто чрезвычайно глубоко, потому что огромные пятисаженные балки, попав в него, пробыв более или менее долго под водой, выскакивают из каких-то неведомых глубин на $\frac{3}{4}$ своей длины, точно небольшие карандашники.

Отвести реку Суну человек может, но узнать, что делается в холодном кипении падуна — никогда!

Налюбовавшись вволю красотой Кивача, по обеим сторонам которого, вдоль скал, по деревьям везде виднелся народ, Великий Князь и Великая Княгиня с лицами, их сопровождавшими, завтракали в павильоне. На этот раз хозяйкой была супруга губернатора.

Еще несколько лет тому назад подле Кивача находили много орудий каменного века: топоры, молотки, так называемые «громовые стрелы» из змеевика, обсидана и гранита; в настоящее время, говорят, их больше не находят. Каменный век, как полагают, окончился за 3000 лет до нас; что же это за люди жили здесь в те далекие годы? Богатейший в мире музей древностей каменного века в Стокгольме изобилует предметами того времени; но там искали их и находили; у нас

часто находят, не искав; уж нет ли здесь, подле Кивача, чего-либо сходного с найденными в Дании «kjokkenmøddinge»¹³, со следами прежней жизни, прежних пиршеств?

Кивач, как известно, послужил Державину, бывшему олонецким губернатором, темой для знаменитого стихотворения его «Водопад». Особенной «алмазности» в желтых водах Суны нет, но это не мешает красоте стихотворения. Следует напомнить о том, что в архивных делах Петрозаводска хранятся следы «пресмешного дела» о приводе медведя в присутствие верхнего земского суда; казусная история эта осталась не бесследною и в служебной карьере самого Державина, бывшего, как говорят, губернатором не знаменитым.

На обратном пути от Кивача в Петрозаводск Августейшие Путешественники присутствовали в Кончезерском заводе при выпуске из доменной печи чугуна. Выпущено было около 250 пудов; завод выплавляет ежегодно до 40 000 пудов, но мог бы плавить и свыше 100 000. Недалеко отсюда находятся целебные Марциальные воды. Действие их на себе, на «сердечной болезни», испытал крестьянин Рябоб; Петр I дал ему обильную грамоту, мужики звали его боярином, потомки зовутся Бояриновыми. Открыты воды в 1714 году. Петр I считал их целебнее Спа и Пирмонта¹⁴ и пользовался ими в 1719 году; здесь издан был манифест о первой народной переписи, регламент коммерц-коллегии и назначены экспедиции в Сибирь, Хиву и Бухару.

По возвращении к Петрозаводску Их Высочества посетили городской сад, где устроено было гулянье. Народу было множество; в хорошеньком павильоне был сервирован чай и фрукты. Пробыв на гуляньи около одного часа, Высокие Гости направились в дом губернатора для того, чтобы немедленно вслед за тем переехать на пароходы для отплытия. Проводы были настолько же шумны и многолюдны, как встреча. Вся широкая набережная, вся извилистая

¹³ Къёккенмединги (дат. «кухонные кучи») из скоплений раковин моллюсков сохранились на месте многих неолитических стоянок, относящихся к археологической культуре маглемозе (эпоха мезолита).

¹⁴ Спа (Spa) бальнеологический курорт в Бельгии, Бад-Пирмонт (Bad-Pyrmont) курортный город в Германии (Нижняя Саксония).

пристань были усеяны народом. Гудело «ура», сыпались цветы, взлетали шапки.

Великий Князь выехал к Климецкому острову на охоту на пароходе «Озерной», конвоируемый «Петром»; Великая Княгиня — в открытое озеро на пароходе «Петербург», конвоируемая «Онегой». Последние два должны были бросить якорь, заночевать подле Ивановских островов и идти на следующее утро на соединение с Великим Князем. Охота, предстоявшая нам, обещала большой интерес, так как она сложилась на Климецком острове, так сказать, исторически, сама собою.

Охота на Климецком острове

Охота в Олонецком крае. Местные стрелки. Историческое и предания. Облава. Отъезд к Вознесенью.

К трем часам ночи, после трех часов пути, по выходе из Петрозаводска, пароходы наши бросили якорь саженьях в пятидесяти от острова Климец. До схода Великого Князя на берег оставалось два часа, потому что к этому именно времени охотники должны были стать на нумера и ожидать приближения облавы, начавшейся за двое суток до нашего прибытия. Говорили, что в прежние годы здесь имели место обширные бойни волков. Ночь была светлая, чрезвычайно тихая, и первые отблески зари не замедлили обозначиться яркими красными полосками вдоль густого древнего леса, покрывающего эту часть острова. Особенно ярко заалели красные рубахи и красные шапки — не то древнефригийские, не то по образцу современных нормандских рыбацких — на гребцах спасательной лодки, на которой Великому Князю предстояло съехать на берег. Утро занималось роскошное, и тихо подбиравшийся туман много способствовал фантастичности вида того берега, подле которого мы стояли. На озере лежал полнейший штиль, и не было слышно, не было видно ни малейшего всплеска волны: все кругом, казалось, дремало и будто не хотело проснуться, но заревые огоньки мало-помалу одолевали эту дремоту, и красные стволы сосен алели все сильнее и сильнее.

Охота и Олонецкий край — эти понятия нераздельные. Леса Олонецкой губернии более лесной поверхности всей Франции. По непроглядным дебрям, трущобам, разреженным только по лядинам и вдоль сплавных рек, между различных хвойных деревьев, березы, осины, ольхи, в кустах шиль-

ника, крушины и волчьего лыка, в глубоких логовинах, по оврагам и болотам, в целых поколениях никем не подбираемых ветвей и остатков сухоподстоя зверю живется вольгот-но и хорошо. Главными являются тут медведь, волк, лисица; есть барсуки, рысь и росомахи; очень редок песец, так хорошо знакомый нам по дамским дорогим ротондам!.. Всем им есть пожива в крестьянском скоте; медведя зовут здесь «помещи-ком», овец — «волчьими просвирками».

Главное место в промышленном отношении занима-ет векша-белка; по сведениям, за точность которых ручать-ся нельзя, за десятилетнюю сложность, ее убивается око-ло 150 000 штук ежегодно. На нее, как и на хлеб, бывает урожай и неурожай; есть белки «таборные», остающиеся на месте; есть «ходовые», предпринимающие большие путеше-ствия и не стесняющиеся при этом в выборе пути: они идут по крышам изб и, по-видимому, согласно уверениям мест-ных людей, переплывая озера на хворостинках, действительно пользуются хвостами своими как парусами.

Много тут оленей, лосей, а птиц видимо-невидимо. Как белка в числе грызунов, так рябчик между куриными зани-мает первое место. Цена ему здесь 15 копеек; направляясь гужом в Петербург зимой, он, как известно, доходит в цене до 70 и более копеек. За десятилетие рябчиков добывает-ся в год до 100 000 штук. На долю ружья приходится мало, а все больше работают петлями, поножами, ловят их в кузо-вы или ступы.

Олончане, у которых хлеба созревают далеко не всегда, в большинстве охотники, особенно в Повенецком уез-де — чуть не все поголовно. Между ними есть стрелки, бьющие белку в глаз, для того чтобы не испортить шкур-ки. Но бьют они больше с подставок, «виланов», чтобы не тратить даром пороха, да и ружья-то их — «ствол со Щукина, ложе с Лыкина, замок с Казани, курок с Рязани, а забойник дядя с полена сделал». Такими ружьями стре-лять страшно. Так как олончане предпочитают стрелять с подставок и на близкие дистанции, то из них, по отзывам военных людей, стрелки выходит посредственные. Это не мешало, однако, тому, что в 1812 году, когда 570 олонец-ких стрелков составили дружину и им дали тирольские штуцера, на смотре императора Александра I один поса-

дил пулю в яблоко, другой — пулю в пулю, а третий расщепил их пополам.

Относительно птиц здесь есть все, что угодно; большинство водяных зимуют в полыньях, водохожах. По лесам попадает множество избушек; это места пристанищ для охотников: один поставил, а десятки пользуются: ориентируются охотники по коре деревьев; кто посмелее, тот отваживается и дальше от дона, и тогда вооружается компасом, так называемую «маткой»; подле избушек на деревьях устраиваются для хранения добычи и пищи «лавасы»; с этих лавасов бьют на падаль медведей.

На Аксинью-полузимницу, говорят, медведь переворачивается в своей берлоге. Относительно медведя есть тут один рассказ, напоминающий пушкинского «Рыбака и Рыбку».

Вот он: в Кривом Поясе, Пудожского уезда, жил старик со старухой, и она вела над мужем «большину»; старик начал рубить дерево; оно взмолилось и исполнило два его желания; третьим желанием старухи было то, чтобы «все их боялись», и дерево обратило обоих в медведя и медведицу; так они и гуляют до сих пор, и все их боятся.

Есть и другой рассказ, но уже не касающийся охоты, имеющий значительное сходство с гоголевским «Вием»: это об Иване, купецком сыне. В нем имеет место смерть одного из двух товарищей, чтение над ним молитв, поползновение мертвого съесть живого и просьба его открыть ему глаза, чтоб увидеть. Действие происходит на Груманте.

Говоря об олонецкой охоте, невозможно не вспомнить об удивительной местной собаке — «лайке», сильно смахивающей по внешности на волка и являющейся незаменимой при ее своеобразных нападениях на медведя. Она подлаивает также глухарей и белок, гонит оленя и лису; завидя птицу, собака занимает ее своим лаем, а охотник тем временем подкрадывается и бьет. С 1862 по 1872 год в Лисино было отправлено 18 лаек.

Как ни орудуют местные люди против зверя, он все-таки сильно хозяйничает. Полезнее ружей являются тут всяческие капканы, пасти, кляпцы, ямы, огородки, иногда очень остроумные, тем не менее на бедную Олонецкую губернию ежегодный убыток от зверя ложится довольно крупною сум-

Климецкий монастырь

мой в 50 000 руб. Эта сумма вовсе нешуточная там, где до сих пор существуют берестяные сапоги, сбруя, домашняя утварь, любопытные образцы которых есть в этнографическом музее, находящемся в доме губернатора и составленном по почину нынешнего начальника губернии.

Однако ж — к самой охоте.

Климецкий остров, на юго-западной оконечности которого находится небольшой монастырь, имеет около 30 верст длины; при значительно меньшей ширине от 400 до 10 верст, жителей на острове 2500 человек. Монастырь основан в начале XVI века сыном новгородского посадника, торговавшим беломорскою солью, постригшимся в монахи и признанным святым под именем Ионы Климецкого. Он был выброшен бурей на «Луду», где и обрел на можжевелевом кусту святую икону. В 1865 году местные крестьяне, выведенные из терпения хищничеством волков, остающихся на острове, по вскрытии озера решили делать ежегодные облавы. На остро-

ве много сенокосов и много скота. Облава собирается обыкновенно на самом северном краю острова, становится поперек его и гонит на юг в течение двух дней; к концу этого времени люди подходят к месту, называемому Волчьей Смертью; это самое узкое место острова, — кажется, не более полуверсты шириной. Зверь весь загнан на юг, к монастырю. Облава останавливается, загораживает остров во всю ширину изгородью, оставляя посредине ее свободное место сажен во сто ширины, на котором в три ряда расставляются сети. Исполнив это, облава идет в монастырь всею громадой помолиться и затем гонит зверя обратно с юга на север, прямо в сети. Говорят, что в прежнее время в сетях убивали палками до 50 волков.

В 5 часов утра Великий Князь съехал на берег и прошел болотистой тропинкой до самых сетей у Волчьей Смерти. Для пяти стрелков приготовлены были места: на первом номере встал Великий Князь, на пятом герцог Мекленбург-Шверинский. Долгое время царствовала на острове глубочайшая тишина, так что жужжание комаров слышалось совершенно явственно; защиты от них не было никакой; обмахивание ветками, обрызганными росой, не приносило пользы; мы рассчитывали, что при солнечных лучах они пропадут, но это не сбылось, хотя солнце начинало сильно припаливать, и мы ожидали с нетерпением первых звуков облавы, окруженные смолистым запахом просыпающегося леса.

Наконец, где-то очень далеко, послышались первые гугуканья, посвист и пощелкивания палками о стволы деревьев. Почти при первых звуках облавы вышла лисица; осторожно, тихо, вкрадчиво шла она; выстрел — и лисица повалилась, будто ученая собака по данному знаку в цирке, и не шелохнулась. Со стороны Великого Князя, в густой чаще деревьев, послышалось потрескивание веток: звуки эти перебегали с места на место, подвигались вперед, отходили. Опять выстрел — и треск веток прекратился; Великим Князем убит был волк.

По мере приближения облавы, надвигавшейся отовсюду очень равномерно, что было трудно вследствие бугроватости и болотистости леса, выстрелы повторялись, но стрелять приходилось, против ожидания, далеко немного. Зато мож-

Охота

но было наслаждаться картиной замечательно оригинальной, в значительной степени искупавшей недостаток красного зверя. Зайцы, десятки зайцев, припугиваемые с одной стороны облавой, с другой встречаясь с изгородью, метались между охотников самым забавным образом. Тут были зайцы решительно всех величин и колеров. Застигнутые врасплох в своем безмятежном покое, при приближении неистовых голосов, постукивании, игре дудочек, посвистах и гугуканьи облавы, они направлялись в ту сторону, где царствовало совершенное безмолвие, к стрелкам. Завидя нас, одни из них бросались опрометью в сторону, другие проносились между стрелков в расстоянии одного, двух шагов от них и благополучно утекали сквозь довольно широкие петли сетей; третьи, более смелые, садились перед нами на задние лапки, настораживали уши и почесывали мордочки, поворачивая их в ту сторону, от которой с наибольшею настойчивостью доносились рев, свист и стук. Эта пестрядь бесчисленных зайцев по свежей зелени леса была чрезвычайно забавна; видеть что-либо подобное едва ли кому придется.

Последовало еще несколько выстрелов, и из-за стволов мохнатых елей стали мелькать загонщики; они вышли на нас

большую плотную цепью. Постукивания и посвистывания замолкли сразу; последние зайцы после данного ими редкого, очень хорошенького представления юркнули в сторону, и охота кончилась.

Как сказано, Великим Князем убит был волк; кроме того, пять лисиц и — большая редкость в крае, особенно на острове — песец. Песец был наполовину белый, наполовину дымчатый, величиной с лисицу; он шел в момент безвременной смерти своей по повалившемуся стволу старой березы.

Первым желанием всех загонщиков было, конечно, видеть Великого Князя, немедленно вслед за окончанием охоты направившегося в сторону лодок. Точно из-под земли вырастали они, забегая вперед, и вплотную, живою стенкой, обступили низменный берег острова и вошли в воду, когда Его Высочество сел в лодку для отплытия на пароход. «Ура» не замедлило раздаться и гудело долго-долго вслед за тем, как пароходы снялись с якоря и двинулись навстречу Великой Княгине. Пароходы Ее Высочества были видны издали, и чрез весьма непродолжительное время Великий Князь пересел на «Петербург», для дальнейшего следования с Августейшею Супругою.

День был прекрасный, теплый, тихий; на озере почти штиль. Вдали, на севере, легкий туман заволакивал водяную равнину. Именно на севере, там, где сгущался туман, находится Палеостровский монастырь, известный самосожжением 2000 раскольников. Еще дальше, но по тому же направлению, процветали когда-то Даниловский и Лексинский раскольниковы монастыри. Это теперь почти такой же миф, как и онежский водяной царь, к которому, как говорить легенда, ходит играть в кости царь Кушмозера, в те дни, когда Кушмозеро от поры до времени высыхает.

Наш путь лежал на Вознесенье, к истоку Свири. Около полудня легкий ветер зарябил дремавшую до того волну; все четыре парохода шли один за другим полным ходом.

Вознесенье. Лодейное Поле

Значение Вознесенья для наших водных систем. Характер реки Свири. Лоцмана. Историческое о 1812 годе. Лодейное Поле, родина балтийского флота.

Приблизительно около 6 часов вечера 16 июня вся флотилия, сопровождавшая Великого Князя и Великую Княгиню, четыре парохода, подошла к истоку Свири, к Вознесенью. Собственно говоря, до вечера было далеко, потому что солнце стояло еще очень высоко, и великая гладь лежавшего за нами Онежского озера, безмолвный, светлый, голубой штиль и низменные берега, где песчаные, где поросшие мелким кустарником, были залиты горячим светом.

Под общим именем Вознесенья разумеют как Вознесенскую слободу на правом берегу начинающейся тут Свири, так и Намойные Пески, лежащие на левом, южном берегу. Население совершенно соответствует последнему названию: оно тоже намывается сюда во время хода караванов. Постоянно новое, движущееся, пестрое, оно проскальзывает по пути к Петербургу со всего неоглядного бассейна Мариинской системы. Больше чем на 30 миллионов рублей проходит здесь всякого добра, главным образом хлеба. От Кавказа и Урала протягиваются сюда, к этому узлу, нити из 16 хлебобороднейших губерний, и как-то странно, невероятно видеть в таком важном путевском пункте такие маленькие деревянные дома, такую утлую обстановку. С устройством Онежского обводного канала в 1851 году вся судоходная деятельность перешла из Вытегры в Вознесенье. Есть тут три каменные церкви, телеграфная и спасательная станции и Вознесенский мореходный класс, и почтовое отделение, и Вознесенское образцовое училище, и тем не менее это все-таки наша «деревянная» Россия. Чувствуется, что глу-

бокая восьмимесячная зима покрывает это место неоглядными сугробами снега, и тогда от летнего Вознесенья нет и помину.

К приезду Великого Князя все принарядилось; набережная и пристань зеленили в гирляндах, пестрели флагами и множеством народа. С пристани Его Высочество на спасательной лодке проехал прямо в местную воинскую команду, казарма которой находится на самом краю слободы, подле Свири. Вслед за тем была произведена пожарная тревога. Хорошее устройство речной пожарной части в таком пункте, где паузят сотни судов и до полусотни буксиров, при условии небрежности русского человека вообще и пестроте проплывающего народа, — не просто большой важности. По данному свистку путейский пароход, находящийся всегда под парами, двинулся по указанному направлению, буксируя паровую машину. В воде недостатка не было, и машина, дающая до 600 ведер в минуту, и брандспойт парохода, ее подтянувшего, не замедлили окатить целыми массами воды одну из барок, крытую деревянною кровлею. Брандспойт путейского парохода «Ледокол» выкидывал до 1000 ведер в минуту. Понятно, что вóвремя захваченному огню трудно распространиться. Значительною помощью являются имеющиеся налицо в достаточном количестве казенные войлоки, очень приличных размеров, назначенные для покрышки судов в защиту от искр. Оттаскивание загоревшегося судна не всегда может удаться, вследствие загромождения и целой сети якорных канатов и причалов соседних судов; кроме того, именно канаты сгорают быстро, и напор судов, лишенных якорей, на другие, нижестоящие, при быстром течении Свири, может причинить не меньшую беду, чем пламя; остается потопить судно, к чему и прибегают. К счастью, благодаря, конечно, предупредительным мерам, в Вознесенье крупных случаев пожаров не бывало, а тревога, при которой мы присутствовали, была не только картинна, но и показала воочию силу противодействия огню, если бы представилась надобность. Досталось от воды и барке, и войлокам, и людям.

Свирь у самого истока своего кажется рекою могучею, способною поспорить в размерах с Невой; но это только кажется, потому что она несет 85 кубических сажен

воды, тогда как Нева пронесит их вчетверо — 340. Когда-то, но уже очень давно, Свирь была страшна своими порогами; теперь их почти не существует, и обозначаются они только стремнинами; наиболее интересный из порогов так называемый Седяха с двумя рядами камней; самые сильные — Сиговец и Медведец; слабее их — Пупырыши и Собачья Дыра.

Лоцман, явившейся к нам на пароход и не отходивший более от руля, был одним из представителей «лоцманского общества». Учреждены лоцмана со времени Петра, поселившего их подле Свири; при Екатерине II были они освобождены от воинской повинности и правами этими пользуются и до сих пор; они приписаны к станциям, поступают сначала в ученики, становятся лоцманами только при открывшейся вакансии и получают деньги по таксе; за провод парохода по Свири в оба конца лоцман берет 50 руб., за большую барку в конец — 26 руб.; заведует лоцманами выборный сотский.

По мере движения нашего парохода по Свири наступала довольно свежая, туманная ночь, и у Пижмы пришлось остановиться. С близкого берега слышались дергачи и коростели. Рассчитано было двинуться дальнейшим путем утром, так чтобы успеть в Лодейное Поле к обедне, в воскресенье, 17 июня.

К воскресенью народонаселение Свири разрядилось особенно пестро и обрамляло почти сплошь оба берега. Взглянув на эти праздничные одеяния, слушая эти клики, нельзя было не вспомнить, что и над Свирию проходили тяжелые минуты в нашей исторической жизни. Правда, Свирь лежала всегда далеко в стороне от прогулок шведов; никаких крупных сражений тут не происходило; но когда в 1812 году совершались судьбы Бородина и Москвы и от высоты престола обещано было не влагать меча в ножны, доколь не останется ни одного врага в Отечестве, когда вовсе еще не было известно, на Петербург или Москву пойдет Наполеон, в Олонецкую губернию были отправлены из Петербурга разные сокровища. На 24 ластовых судах прошли Свирию в Вытегру вещи из Эрмитажа и Кабинета; в Петрозаводск переведены были педагогический институт и гимназия; в Петрозаводск же на одном бриге, четырех доншкоутах и одной сойме

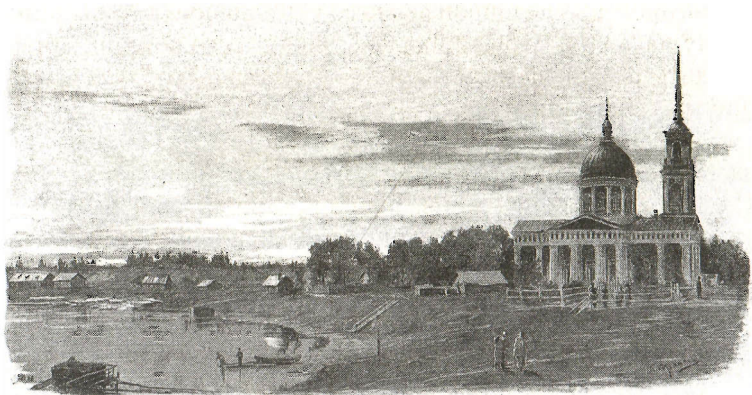

Село Вознесенье. Исток Свири

отравлены были дела и вещи департамента народного просвещения, медицинской академии, академии наук и публичной библиотеки.

Дальнейшие судьбы войны показали, что это было напрасно, но хорошо должно было быть впечатление, произведенное этими отправками на жителей тогдашнего речного побережья? Это время давно минувшее; самые имена судов, на которых перевоз совершался — бриг, донгакут, — стали антиками, но воспоминание об этих тяжких днях, пережитых Россией так доблестно, возникало само собою, как исторический контраст, при взгляде на расцвеченные флагами и нарядами население Лодейного Поля, встречавшее Великого Князя в воскресный день.

Лодейное Поле раскинуто довольно высоко по левому берегу Свири и стоящий подле собор окружен тенистыми деревьями: тут же, подле, чугунный памятник, поставленный на том месте, где был дворец Петра Великого. Ничто, ничто решительно не напоминает об историческом, значе-

Лодейное Поле

нии Лодейного Поля; жителей в городке с небольшим только 1000 человек, каменных домов 3, деревянных 153; но так как это уездный город, то в нем живут представители административных учреждений. От истории осталось тут только одно — имя, происшедшее от слова «ладья». Отсюда пошли в Балтийское море первые суда, построенные Петром Великим; тут, следовательно, на этом месте, проблески мысли великого монарха сосредоточивались на ладьях, на простых ладьях, которым судьба была вырасти в корабли и преобразить судьбы всего севера. Для тех, кто любит науку о языке, кто верит в органическую силу слова и звука, переживающего камни и железо, имя Лодейное Поле прекрасный образчик; с 1702 года, когда тут поставлена была первая наша верфь, по настоящее время, меньше чем в 200 лет, погибли все следы, все решительно, кроме имени, — и имя это почтенно.

К 10 часам утра Великий Князь с Великою Княгинею прямо с пристани, направились в собор, где отстояли литургию. Затем были посещены казармы, городская больница, тюремный замок и управление воинского начальника. Его Высочество осмотрел строевую подготовку команды, при ее представлении в составе почетного караула. Бодрый и здоровый вид людей, при твердом и уверенном знании каждым своего дела и щегольском обмундировании, заслужили похвалу августейшего начальника. В управлении Великий

Князь проверил делопроизводство и лично предложил воинскому начальнику ряд вопросов из круга его обязанностей. Убедясь в исправном состоянии управления, Его Высочество проследовал к завтраку, предложенному от города и служащих в городе, в доме председателя земской управы Ефимова. Приветствовав собравшихся и поблагодарив за хлеб-соль, Их Высочества интересовались местными особенностями уезда. Осведомись, что у хозяина несколько дочерей, Великая Княгиня пожелала их видеть и при представлении — обласкала.

Во втором часу дня мы продолжали уже свое путешествие вниз по Свири. В Лодейном Поле, последнем городе Олонецкой губернии, Августейшим Путешественникам откланялись сопровождавшие их олонецкий губернатор Григорьев и начальник округа путей сообщения Эйдригевич и представился начальник Петербургской губернии — Лутковский.

Река Свирь и город Лодейное Поле не могли не вызвать в Великом Князе воспоминаний его раннего детства. Его Высочеству в 1858 году было одиннадцать лет, когда он сопровождал покойную родительницу свою, императрицу Марию Александровну, ехавшую на встречу императора Александра II, посетившего Олонецкую губернию. Вся Августейшая Семья была тогда в полном составе; живы были ныне почивающие родители Великого Князя и старший брат его, цесаревич Николай Александрович!¹⁵

Путь по Свири, так же как по Шексне и каналам, служил наглядным изображением того, как многие десятки тысяч русских людей стремились видеть брата Государева и Великую Княгиню. Это были волны людские, не умолкавшие и вечно прибывающая. Изъявления радости были повсеместны и шумны. При сходе на берег лица, сопровождавшие Их Высочества, едва могли следовать за ними: толпа то и дело отрезывала их. Выражения сочувствия оказывались чрезвычайно разнообразны. Мы упомянули о старухе с блюдцем на Белозерском канале, о подстилке платков, о крестных знамениях. Нельзя не припомнить того, что

¹⁵ Цесаревич Николай Александрович (1843–1865) — старший сын Александра II, умерший в Ницце от туберкулеза позвоночника.

Река Свирь. Селение Важины

имело место при самом входе в Свирь, в Вознесенье. Когда Великий Князь сходил с парохода, он заметил в густой толпе хорошенькую девочку с корзиною цветов; по объяснению матери ее, цветы эти назначались Великой Княгине. Ее Высочество, утомленная поездкою на Кивач, в Вознесенье на берег не сходила. Великий Князь исполнил просьбу матери: взяв девочку с цветами, он вернулся на пароход и провел ее в рубку к Великой Княгине; Ее Высочество нежно обласкала ребенка и сама приколола к платьицу ценную брошку, сняв ее с себя.

Нельзя сказать, чтобы выход наш в Ладожское озеро не вызывал некоторых опасений; зыбь поднималась довольно сильная и обуславливала качку. Мы направились на SW¹⁶, по пути к Новой Ладоге, наперерез угла озера, и шли, держась середины между двух еле видневшихся маяков. Справа над темной водою ярко белел Торпачек; влево, на берегу, маяк Стороженский.

¹⁶ SW — Зюйд-Вест, юго-западный ветер.

Новая Ладога. Шлиссельбург

Новая Ладога. Собор. Георгиевская церковь. Память Суворова. Шлиссельбург — древний Орешек. Центр борьбы русских и шведов. Историческое. Осада и взятие Петром I. Осмотр достопримечательностей. Ситценабивная мануфактура. Возвращение в Петербург.

К вечеру зыбь на Ладожском озере все еще продолжалась, когда на низменном, южном берегу его, к которому мы направлялись и который возникал тоненькой темной полоской, обозначились белыми точками, одна подле другой, церкви Новой Ладоги и Сясьских Рядков. Между ними десять верст расстояния, а они казались так близки одна к другой.

К 9 часам вечера вошли мы в реку Волхов, и на пристань Новой Ладоги, на левый берег, брошены были причалы с нашего парохода. На берегу, как и везде, множество народа; клики, цветы, гирлянды, блестящая встреча августейших гостей. Тут же представился начальник 1-й местной бригады генерал-майор Жеванов, район которого с этой стороны начинается от Новой Ладоги. Прежде всего посещен был собор и отслушано молебствие; поклонились чудотворной иконе Святого Николая, вделанной почему-то в наружную часть собора на очень значительной высоте, так что снизу ничего не видно; этому необыкновенному помещению иконы должна быть своя историческая причина, разъяснение которой было бы желательно. В самом храме несколько очень древних икон XIV, XV и XVI столетий. По надписям на двух из них видно, что они сооружены в самых первых годах XVI века. Церковь на этом месте существует от времен незапамятных, так как об урочище Медведке, от которого носил свое имя здесь стоявший монастырь Медведский, упоминается в договорных документах очень рано. Это урочище Медведка, которому теперь нет и следов, было крайним пунктом старинных владений Новгородских, на восток.

От собора наш путь лежал в Георгиевскую церковь, во имя Святых Апостолов Петра и Павла, построенную в 1764 году полковым командиром Суздальского пехотного полка Александром Васильевичем Суворовым. Это довольно оригинальное совпадение имени Суворова с именами древнейших вождей русских на тех местах, которые мы посещали. Там, в Новгородской губернии, село Кошнашанское и Синеусова столица на Белоозере; тут — церковь, построенная будущим генералиссимусом, и очень недалеко от нее, к югу, только в 13 верстах, Рюрикова крепость, подле Старой Ладogi. И в Суворовской церкви отслушали Августейшие Путешественники молебен. В церкви имеется, между прочим, гипсовый бюст Суворова, поставленный вправо от входа, лицом к алтарю. Сходства решительно никакого; изображение, нетот, всем нам знакомый характерный, почтенный, сухощавый облик предводителя екатерининских орлов, «резавшего» правду-матку, а лицо какого-то чрезвычайно довольного собою, сытого, откормленного, офранцуженного вельможи! Новая Ладога — город купеческий, каменными постройками изобилующий: тут выход судов из систем Вышневолоцкой и Тихвинской, тут большая дорога свирских, сясьских и ладожских каналов. Можно было бы приобрести бюст Суворова из камня или бронзы.

После осмотра земской больницы и острога, Их Высочества направились в казармы местной команды, переделанные из здания, служившего прежде винным магазином; вид людей и их выправка были безукоризненны, обмундировка исправна, чистота помещения безупречна. Затем Великая Княгиня возвратилась на пароход, а Великий Князь посетил управление воинского начальника.

Во время его отсутствия, со стороны реки, на лодке подъехал к пароходу парнишка лет семнадцати и просил взять от него для Великого Князя корзину с зеленью; в корзине оказались разные огородные овощи. Когда доложено было Ее Высочеству о просьбе парня, она отложила книгу, которую читала, и подошла к нему. Парню сказали, что это сама Великая Княгиня; он безмолвно начал креститься, и корзина была принята из рук в руки.

Великий Князь тем временем поверил в управление уездного воинского начальника делопроизводство, обратив

внимание на порядок составления маршрутов для следования призывных, сбор административных данных, порядок административных местной команды и вообще подготовительные работы к обеспечению быстроты формирования и отправления маршевых команд в военное время. Некоторые из данных вопросов имели особенно важное местное значение ввиду того, что с объявлением мобилизации новолодожский уездный воинский начальник должен без потери времени заменить командой призывных расположенную в Новой Ладогe роту 1-го резервного батальона. Возвратясь на пароход, Его Высочество удостоил приглашения к чаю предводителя дворянства, городского голову и других сопровождавших его лиц и милостиво с ними беседовал, интересуясь местными особенностями края. Около 11 часов пароход при неумолкаемом «ура» отошел от пристани.

Был поздний час вечера, когда мы выходили снова в открытое озеро, для следования в Шлиссельбург. Влево от парохода, на ярком красно-желтом, искрившемся фоне долгого заката вырисовывались острые, высокие профили собора и церкви Святого Климента, шпили их колоколен и куполочки. Мотив подобной окраски неба не раз бывал схвачен нашими художниками Мещерским, Лагорио и другими и относится к числу лучших в нашей северной природе, в наших белых летних ночах, что заметил Великий Князь, расположившись на мостике отъезжавшего парохода. Плавание по Ладожскому озеру было удачно; ветер стих и качки не было. По словам лоцмана, в июне вода бывает «мягкая», ветер скользит по ней и мутить не может.

Около 8 часов утра приблизились мы к Шлиссельбургу, последнему исторически-важному пункту в кончавшемся путешествии Великого Князя. Идя на створ маяков, мы подошли очень близко к северо-западному берегу озера, покружась достаточно между вехами, обозначающими ломаный фарватер. Шлиссельбургская крепость с ее древними башнями и стенами на острове, часовенка влево с чудотворною иконой, стоящая у входа в каналы, павильон над реликвиями, оставшийся после Петра I, город с его церквями, а в глубине знаменитая Преображенская гора и здешняя ситценабивная мануфактура обрисовывались перед нами одни

за другими. Набережная, пристань, суда, стоявшие на рейде, все это пестрело народом и флагами. Перезвон церквей несся нам навстречу: ближе всех и яснее всех откликались невидимые колокола старинной церкви крепости.

Здесь, у древнего Орешка, мы стояли снова на такой же древней почве, как в Боровичах и Устюжне. Уже в XI веке Ижора, Воть, Ямь и Короли принадлежали Великому Новгороду, под именем Вотской пятины. История гласит, что всякий новгородец делался владельцем земли, взятой им с оружием в руках или купленной; позже частные владения перешли к Великому Новгороду. Уже в 1164 году шведы напали на местных финнов, что и послужило первой причиной столкновения их с русскими, и столкновения эти продолжались — легко сказать — пятьсот пятьдесят семь лет!

Орешек — Нотеборг по-шведски — повторяется в сказаниях летописных с 1323 года, когда новгородцы заложили здесь деревянную крепость, при первых нападениях шведов на корельские волости с явным намерением утвердиться на Неве. Значение Невы для своих торговых оборотов хорошо понимали граждане древнего Новгорода и употребляли все зависевшие от них средства, чтобы не допустить шведов укрепиться на Неве. С 1300 года шведы предпринимают, однако, систематически ряд походов как из Выборга, основанного 1293 году, так и из западной Финляндии и прямо из Швеции, с очень значительными силами, для овладения Невой. Невский бой на Ижоре 15 июля 1240 года был началом этой упорной борьбы их с русскими; основание Ландскроны, 1300 года, было вторым действием четко определившегося предприятия, а укрепление, поставленное новгородцами на Ореховом островке с целью запереть прорыв шведов в Ладожское озеро, служит доказательством сознания новгородцами того, что если входа в Неву с моря, при своим тогдашних средствах, они запретить не могут, то могут сделать — и сделали — иное. В те дни держать войско постоянное еще не было в обычае ни у кого, кроме монгольского хана; оставалось одно — укрепляться.

Осенью в 1323 года на новгородское укрепление Корелу (Кексгольм по-шведски) шведы напали без объявления

войны, тайком, но не могли взять его. В отместку за это князь Юрий Данилович с новгородцами в 1323 году предпринял поход к Выборгу. Русские поставили 6 батарей, по тогдашнему «пороков», построенных «порочными мастерами», и вооружили их таранами; пушек и пороха в те дни не было; разбить массивные стены они не могли, но перебили из луков множество народа во многих боях и схватках осады, продолжавшейся целый месяц. Возвращаясь от невзятых Выборга, князь Юрий построил на островке, поросшем орешником, в истоке Невы из Ладожского озера, небольшое деревянное укрепление, назвав его Ореховым, по местности. Не успели еще отойти отсюда новгородские силы, как прибыли послы шведские просить мира, и он заключен был в только что построенной крепостце на основании прежних трактатов. Спустя десять лет новгородцы посадили в Ореховом остроге правителем окрестных волостей и защитником Невской стороны литовского князя Нариманта Гедиминовича, а в 1338 году пришлось им сосредоточить значительные силы, когда явившиеся в Неву шведы чуть не овладели острогом на острове и сделали набег на Ладогу. В 1347 году явился в Неву шведский король Магнус и овладел 1 августа Ореховом. Но новгородцы осадили в нем шведов и взяли крепость приступом 25 февраля 1348 года. В 1350 году к крепости еще раз подходили шведы, и новгородцы, прогнав их, в 1352 году заложили прочные каменные башни и соединили их стеною. Благословить сооружение и помогать строить приезжал архиепископ Василий. Крепкие стены защищали до 1610 года, когда в лихолетье попавший в шведские руки Орешек оставался во владении их девяносто два года.

В 1702 году воздвиглась, для того чтобы никогда не гаснуть в воспоминании народном, чудесная картина взятия Орешка Петром Великим. Вот что произошло.

Петр I, пройдя дебрями олонецкими и протаскив посуху на 200-верстном расстоянии два фрегата, явился со своими гвардейцами в Ладогу в сентябре, откуда и двинул силы к Орешку. Осада началась с южного берега, позже — с обоих берегов.

Крупная фигура царя-бомбардира так и рисуется подле почтенного облика фельдмаршала Шереметева, начальству-

ющего над осаждающими город войсками. Войска эти молодые, войска эти воодушевленные, и какой бомбардир подле них! Который день, однако, длилась осада; стены и башни Орешка, освященные архиепископом Василием, оказывались совсем крепкими, гарнизон стоек и опытен, и Шлиппенбах, им начальствовавший, тоже не промах. Тратилась наша боевая сила, порох и чугунная казна, а со стороны Невы, открытой шведам, то и дело прибывали к ним и припасы, и подкрепления.

Тогда возникает в Петре I исключительно смелая мысль перетащить свои ладьи с Ладожского озера в Неву и отрезать шведов. Как в былое, далекое время славяне перетаскивались при звуках труб и песен различными волоками по северным дебрям, так потянулись и теперь наши петровские ладьи сухим путем, по южному берегу Невы к Преображенской горке; нелегка была эта работа, но нелегко было и крепостному гарнизону. На третий день осады, гласит журнал осады, когда все в крепости, что могло гореть, горело, жена коменданта выслала просить Петра I дозволить выйти из крепости многочисленным женам осажденных. Бомбардир отвечал, что фельдмаршал не пожелает, конечно, опечаливать храбрых шведов разлукой с их женами и что он ничего не будет иметь против того, чтобы они оставили крепость с мужьями вместе.

Когда бомбы пробили брешь в башне, Петр I решил взять крепость штурмом. Полезли гвардейцы. Штурмовые лестницы не доходили, однако, до верха, пришлось навязывать на них прибавки стремянок. Шведы оборонялись целый день, и только к вечеру проник в крепость с Семеновским полком князь Михаил Михайлович Голицын; когда Государь, уже не надеясь на достижение цели, видя большую потерю людей, приказал было оставить приступ, — «скажи Государю», ответил князь Голицын посланному, «что я не его, а Божий теперь слуга», и вместо отбоя удвоил усилия и овладеть окровавленными твердынями. Приступ длился 35 часов!

По сходе с парохота на берег Августейшие Путешественники прошли в павильон, в котором хранится ботик Петра Великого, небольшой, плотный, удачно сопротивляющийся усилиям времени разрушить его; два знамени ладожско-

го батальона, лопаты Петра Великого и Анны Иоанновны и катер императора Александра II.

Для переезда в крепость Великому Князю был подан катер. Вошли в крепость сквозь Государевы ворота и направились прямо в церковь, где отстояли молебен и рассматривали многие древние вещи, между прочим великолепное Евангелие с рисунками, потребованное сюда Петром I из придворной кремлевской церкви, в которую положено оно было от царя Алексея Михайловича. Затем была осмотрена вновь отстроенная, совершенно готовая тюрьма на 50 человек арестантов.

Могучие стены крепости были перестроены в XVIII веке и, конечно, не дают права относить ту или другую часть их, особенно верхи, к первоначальному сооружению. Мы прошли по ним. Шлиссельбург, как известно, служил местом заточения многим важным лицам: князю Дмитрию Голицыну, члену верховного совета при императрице Анне, князю Василию Долгорукому, генерал-фельдмаршалу той же императрицы, герцогу Бирону, просидевшему здесь один год, до ссылки его в Пелым в 1741 году. Здесь же печально окончил дни свои в 1764 году Иоанн Антонович Ульрих. Есть основание полагать, что помещение, в котором он сидел, не уничтожено, но только заделано; оно находится в Светичной башне, второй от северного угла крепости, между Угловою и Государевыми воротами.

По возвращении из крепости посещена была часовня, стоящая у входа в канал, с чудотворною иконою Казанской Божией Матери, найденною в стене шлиссельбургского крепостного собора. Время написания иконы неизвестно; может быть, она от времени Иоанна Грозного. Замурована она была в стену в то время, когда шведы думали окатоличить страну. Этой иконе обязательно молится весь бесчисленный народ, прибывающий в Неву с водных систем всей России. В часовне Великий Князь и Великая Княгиня отслушали многолетие. Затем они проехали в собор, где присутствовали при молебствии.

По посещении острога Их Высочества направились к Преображенской горке, на которой назначено было учение с порохом расположенной в Шлиссельбурге; роты 1-го резервного пехотного батальона, уже встречавшей своего командующего

войсками в составе почетного караула у паровой пристани. В большом порядке и с уверенным знанием каждым своего дела ведена была атака кладбища, за которую нижние чины удостоились «спасибо». На этой самой горе, во время осады, разбита была палатка императора Петра Великого и шатры Преображенского полка; отсюда имя горы.

По окончании учения Его Высочество, возвратясь в город, обошел казармы, испробовал пищу и произвел поверку делопроизводства управления местного уездного воинского начальника, оставив свое особенное внимание на пересыльной части, нуждающейся в усовершенствовании. Оставшись совершенно доволен обстоятельным докладом уездного воинского начальника и представленным им мобилизационным планом, Его Высочество благодарил его.

В довершение пребывания в Шлиссельбурге предстояло посетить находящуюся на Екатерининском острове ситценабивную мануфактуру «Губбарт и К^о». Остров этот был подарен императрицей Екатериной II иностранцам Сирициусу и Лиману для устройства фабрики. В то время на нем стоял дом, в котором иногда останавливался Петр Великий при выездах своих для осмотра работ каналов. В этом же доме, уничтоженном за ветхостью, бывала и Екатерина II, и вероятно Елизавета Петровна. Об одном из посещений Екатериною II в 1784 году свидетельствует имеющаяся на стене надпись.

Еще в 1720 году была в Шлиссельбурге суконная фабрика, преобразованная позже в ситценабивную. От первых владельцев фабрика перешла к Битепажу, затем к Адаму, но только с 1864 года дела ее пошли блестящим образом, со времени утверждения товарищества и перехода к нынешним владельцами мануфактура почти всецело принадлежит семейству Губбард, имеющему дела в России с конца прошлого столетия. Глава семейства Джон Губбард, член государственного совета Англии, член парламента от Лондона, состоит директором государственного банка Англии. Мануфактура производит до 600 000 кусков ситца, коленкора и платков, стоимостью до 3¼ миллиона рублей; на ней действуют 11 печатных машин; рабочих 500 человек. Городу Шлиссельбургу мануфактура служит большим подспорьем,

что было засвидетельствовано года два тому назад представителями города при постановке в соборе колокола, пожертвованного мануфактурой.

Великая Княгиня прибыла на мануфактуру в то время, когда Великий Князь еще не возвращался с осмотра казарм и из управления воинского начальника. Ее Высочество была встречена владельцами фабрики. Согласно чрезвычайно удачному выражению одного из них, посол королевы великобританской, сэр Эдвард Торнтон «приехал помочь владельцам», приветствовать Высоких Посетителей.

После бесчисленного количества мундиров, виденных нами за все путешествие, было очень оригинально встретить гражданское одеяние любезных хозяев; букетики ландышей виднелись у них в петличках вместо орденов. Под руку с послом, лордом Торнтоном, Ее Высочество осматривала все отделения фабрики и слушала объяснения. Великий Князь и герцог Мекленбург-Шверинский по возвращении с учения продолжали осмотр. Трудно представить себе что-либо изящнее, чище, красивее всех устройств механизмов и лучше распорядков фабрики. Вслед за осмотром состоялся роскошный завтрак. Первый тост предложен был английским послом за здоровье Их Величеств, второй — Великим Князем, за здоровье королевы Великобритании, ее представителя и английской нации; третий провозглашен сэром Эдвардом Торнтоном за АвгустейшихGuestей.

Посещением мануфактуры в Шлиссельбурге и громким «ура» рабочих, раздавшимся с пристани во время отхода парохода, собственно говоря, окончилось путешествие Их Высочеств. В 3-м часу дня загудело еще одно «ура», но уже на пристани в Петербурге, у Смольного монастыря, где Августейшие Путешественники были встречены представителями военных и гражданских властей.

Во многих отношениях знаменательно было путешествие Их Высочеств. Именно здесь, в заключение, уместно будет повторить те слова, который были сказаны Великим Князем в Череповце, когда он прощался с многочисленными выборными от города, взявшими на себя труд сохранения порядка во время его пребывания и имевшими на груди бантики красных ленточек: «Спасибо вам, господа, — сказал Великий Князь, — за радушный прием, кото-

рым глубоко тронут; хорошо сознаю, что я им обязан тому, что Бог даровал мне счастье быть братом возлюбленного Государя нашего. Благодарю вас от всего сердца за выраженные мне чувства горячей любви и искренней преданности к Нему. Только этими чувствами к Царю, повторяю, могу я объяснить оказанные мне здесь, как и везде, привет и почет». <...>

1885 год

Очерк пути

*Перечень и характеристика того, что предстояло посетить
в 1885 году.*

Великий князь Владимир Александрович, обзрев в июне 1884 года юго-западную часть Петербургского военного округа, Высочайше ему вверенного, посетил в мае и июне 1885 года чрезвычайно обширную северо-восточную область его. Архангельскую губернию и части Олонецкой, Новгородской и Псковской. Кроме того, по Высочайшему повелению, Великий Князь осмотрел войска московского военного округа, расположенные по пути его следования на Архангельск, в губерниях Тверской, Ярославской и Вологодской. Затем, в конце августа, Его Высочество, в сопровождении великой княгини Марии Павловны, посетил Нижний Новгород, и ярмарку, и состоявшую под покровительством Великого Князя кустарно-промышленную и сельскохозяйственную выставку, и, на обратном пути, древнепрестольный Владимир и его глубоко знаменательные святыни. Как в предпрошлом году, так и в истекшем, главная цель и интерес поездки сосредоточивались исключительно на осмотре войск и военных учреждений.

Первое путешествие длилось более двух недель, причем сделано было 2000 верст; вторая поездка заняла шесть недель, и мы сделали 6200 верст. Тогда посещены были такие, лежащие в стороне от больших путей, места, как Боровичи, Устюжна, Кириллов, Белозерск, Вытегра; теперь предстояли такие же забытые путины на Холм, Новоржев, Демянск и еще более пустынные дебри от Сумского посада на Белом море до Повенца, и оттуда на лежащий совершенно в стороне Пудож, никогда не выдавший ни одного

из лиц Царствующего Дома, как и многие из предстоящих к посещению мест.

Кроме этих сухопутных объездов, Великий Князь из Соловецкого монастыря плыл Белым морем и Ледовитым океаном, осмотрел Мурманский берег вплоть до Колы и далее до Норвежской границы и посетил прибрежные города Белого моря: Кемь, Онегу и Мезень.

Вот маршрут по городам, отметить который на карте очень любопытно: Остров, Новоржев, Холм, Демянск, Валдай, Вышний Волочок, Бежецк, Рыбинск, Романов-Борисоглебск, Ярославль, Ростов Великий, Вологда, Тотьма, Великий Устюг, Сольвычегодск, Холмогоры, Архангельск, Соловки, Кемь, Кола, Онега, Мезень, Сумской Посад, Повенец, Пудож, Лодейное Поле. Шлиссельбург. Разнообразие впечатлений, которые ожидали путников, сказывается вполне наглядно в этом простом, но довольно длинном и очень пестром перечне. Если прибавить к этому перечню места, посещенные в предпрошлом году, то это будет действительно путь «По северу России».

В 1884 году Его Высочество проезжал по древним стогнам Новгорода и Пскова, по пепелищу древнейших славянских народностей, мимо Рюриковой крепости, Ольгиных погостов и Синеусова кургана, где жили весь и меря; в 1885 году посещены те страны, где жили чудь и финны, страны, которые назывались в Новгороде и на Москве «Заволочьем». В этих местах сидели и правили вполне самостоятельно новгородские и враждовавшие с ними местные двинские бояре; тут не было никогда крепостного права, зато бессовестно хозяйничала новгородская вольница, ушкуйники, эти Василий Буслаевы нашей народной песни, «не верившие ни в сон, ни в чох». На судьбах Заволочья яснее чем где-нибудь видно, с каким умением, с какою последовательностью Москва, собирательница земли Русской, сумела наконец оттеснить могущественное новгородское влияние и сесть на место Новгорода сама.

В титулах Русского Царя значатся имена земель Обдорской, Угорской и Кандийской. Путешествие коснулось если не самих земель, составляющих в настоящее время не более как три стана с тремя станowymi, то прошло вдоль и подле тех пунктов, где купцы этих сгинувших стран, со свои-

ми соболями и серебром, кречетами и железом, как например в Лампожне, сходились с купцами новгородскими. Путь Великого Князя прошел по древней Биармии, по тем именно местам в соседстве нынешней Пермской земли, где, по Геродоту, жили таинственные гипербореи, где и Тацит, и наш Нестор, и византийские и норвежские источники гласят о таинственных чародеях и хранителях кладов. Хвастливые новгородцы говорили, что они бывали дальше: они видели рай земной!

Если в 1884 году Его Высочество видел нашу Мариинскую систему с Шексной, Ковжой и Вытегрой, в 1885 году увидел он часть Волги и все течение Сухоны и Северной Двины, из которых последняя, как река государственного, а не только местного значения, в недалеком будущем, с проведением волго-двинского железного пути, будет играть несравненно большую роль, чем прежде, и оживит весь наш дремлющий север.

Путь наш коснулся таких центров древнего зодчества, как Ярославль и Ростов Великий, из «Затвора» которого вышла и совершилась деятельность просветителя Пермской земли, Стефана Пермского, создателя зырянской азбуки, умевшего победить волхва Пама и ходившего по языческим весям, «обухом в лоб бияше идолов и сокрушаше им носы». В этом же Ростове составлял свои духовные, мелодичные песни святитель Димитрий, отошедший в вечность, став на молитву и «согревшись сердцем», при слушании хора певчих, исполнявших эти песни. Здесь же выработался главным образом наш родной самостоятельный архитектурный стиль, известный под именем московского, или, если хотите, суздальского.

За день до прибытия в Холмогоры посетили мы обитель Сийскую, где томился долгие годы преследуемый Годуновым Филарет Никитич, впоследствии патриарх московский, отец молодого царя Михаила Феодоровича, без сомнения, одна из самых выдающихся личностей нашей истории; до заточения, говорит Костомаров, был он самым видным щеголем в Москве; можно представить себе, что вытерпел он в заточении, под надзором годуновских соглядатаев!

На половине нашего пути встретили мы Холмогоры и Архангельск. Холмогоры были богатым торговым и пра-

вительственным городом севера, когда Москва еще не началась. Тут был когда-то духовный центр чуди и высилось капище Йомалы и его изображение. Но дни Холмогор были сочтены: случай разбивает английское судно в половине XVI века близ устья Двины; возникшая с иностранцами торговля не довольствуется более Холмогорами, лежащими во 112 верстах от моря; ей нужно море, ей нужен прибрежный город, — возникает Архангельск. Столетье спустя Петр Великий дает Архангельску значение первенствующее, создает свою собственную торговлю с границей, под фирмой купца Соловьева, сам торгует, устраивает верфи, флот, но затем государственное соображение говорит ему, что возникшему Петербургу мешает Архангельск, и он сам, своею царственною рукой, останавливает развитие этого своего детища.

Судьбы Архангельска, после Петра, были чрезвычайно переменчивы: его временные расцветы, его славная служба русскому флоту, кораблями на верфях его построенными, как например «Азовом»; характерные личности наших самоучек-строителей этих флотов — Курочкина, Ершова, Загуляева — все это очень живые страницы не только нашего севера, но и вообще истории России, и все они глянули на нас. Правда, это было давно, это было в те дни, когда матросы, встречая начальство, кричали не «ура!» а какое-то непостижимое, нам непонятное «гузе! гузе!». След этого замолкнувшего клича имеется в наших старых морских уставах.

В вечно подвижных устьях Двины, сносящей и созидющей острова, в ряду других воспоминаний, навстречу путникам вырисовалась колоссальная фигура нашего крепыша-помора Ломоносова, со всеми его заслугами и удивительными пререканиями с академическими Винцгеймами и Трускотами. Словно для уравнивания ей, в начале нашего пути, в Святых Горах, посетил Великий Князь могилу Пушкина, посетил в самый день рождения гениального поэта нашего, выражая тем уважение к его великому таланту; мы провели ночь в том самом Михайловском, где, согласно новейшим исследованиям, Пушкин стал Пушкиным, отрешившись от байронизма и приблизившись к народу, к его памятникам, к его духу, то есть к тому именно роднику, из которого всегда была и будет бить действительная, непогрешимая народная жизнь.

В 1884 году посетил Великий Князь святыню Кирилло-Белозерского монастыря; в 1885 году объехал он несколько монастырей и между ними ставропигальный Соловецкий — красивую, окруженную темным морем твердыню нашего севера, имеющую свой флот, свои мастерские, свои школы, доки, не раз отстаивавшую грудью своих монахов северное побережье ото всяких врагов, отваживавшихся нападать на нас от стран полуночных.

Если в Ростове Великом гудели навстречу Великому Князю знаменитые своею музыкальностью соборные колокола, в Соловках подал свой голос колокол «Благовестник», звучащий только в великие торжества, пожертвованный покойным Государем и отлитый из медных украшений, служивших в печальной церемонии похорон императора Николая I. С именем Соловков связаны два крупные исторические имени. Келарь Троицко-Сергиевой Лавры Авраамий Палицын, один из великих, заслуженных деятелей России в годину лихолетия, покоится в Соловках, в ограде монастырской; еще более славно имя московского митрополита Филиппа, вызванного отсюда Иоанном Грозным на метрополию, говорившего Царю страшную правду, измученного им и удушенного Малютой Скуратовым. Весьма любопытно было вспомнить, хотя вкратце, знаменитую историю соловецкого раскольникового мятежа; царское войско стояло перед оградой его в течение семи лет, и взят он был только хитростью в 1676 году; павшие за это время воины почивают не вдали от главного храма. Могилу их мы посетили.

Мы видели Мурманский берег с его характерною самостоятельную жизнью поморов, с его удивительными, иногда невероятными ловлями акул, китов, семги, трески, сельдей, палтусов и белуги. Эти дрожащие от вечных прибоев волн морских скал глубокие заливы, порожистые реки, эти страны без дорог и земледелия, где летом ездят на санях, а дебри полны зверя и птицы, все это было подле нас в течение нескольких дней, в свете незаходящего солнца, во всем угрюмом величии Бог весть каких градусов северной широты. Двухмесячный мрак покрывает эту страну зимой. Мы доезжали до самой Колы и дальше до губы Ары.

Кола упоминается в новгородских летописях очень рано, и сегодня она менее велика, чем была в те далекие годы,

когда в ней была крепость, и была она вооружена пушками. Мы видели за работой в океане наших поморов; между ними есть смельчаки удивительные, ныряющие сквозь многосаженные пороги северных рек, люди, пред которыми должны бледнеть пловцы, показывающие себя за деньги. Может быть, думалось нам, жив еще тот Михаил Никитин и его жена, которые в 1850 году вдвоем ходили на своем карбасике на Новую Землю. Мы ошиблись: даже имена их позабыты.

Обратный путь наш от Сумского Посада у Белого моря, на Повенец, направился теми местами, где шла так называемая «государева дорога», по которой Петр I совершил свой Нюхацкий поход. Она не заросла до сих пор в природе, означаясь сваями и мостовинами; она не зарастет никогда в народной памяти. С 4000 преображенцев, с помощью согнанного отовсюду народа Петр I пробивался сквозь дебри и болота, двигая за собою на катышах два морские фрегата, поднятые с Белого моря. Это удалось Петру: фрегаты были спущены в Онежское озеро; судьбы реки Невы и возникновение Петербурга были решены.

Хотя — и в этом нет сомнения — для удобства путешествия Великого Князя сделано было все возможное, но нам предстояли очень трудные переезды и такие дороги, которые ни к какой решительно починке неспособны. Ледовитое море ласковостью своею тоже не отличается: его штормы и холода, испытанные отчасти нами, неожиданны, и шуба, как оказалось, даже летом является предметом первой необходимости.

Главная задача Его Высочества, как выше сказано, заключалась во всестороннем ознакомлении с современным положением войск и состоянием местных управлений и военных учреждений. Поверка мобилизационной готовности войск петербургского военного округа была основною причиной, вызвавшей объезд 1884 года. Не упуская из вида ничего, что могло бы послужить к упрощению и ускорению перехода войск с мирного на военное положение, а также и к устранению при этом вредной для дела суеты, Великий Князь признает необходимым сообщить мобилизации войск округа правильность хода часового механизма. Для достижения в этом отношении возможно больших гарантий, по непо-

средственным указаниям Государя Императора, составлено «Военно-статистическое обозрение петербургского военного округа». Следуя такому направлению и придавая в высшей степени важное значение военно-статистическим исследованиям, Его Императорское Высочество признавал делом в высшей степени важным освежение однажды изданного труда постоянными рекогносцировками, обозрел не только важную часть путей сообщения и многие города, но и неприятные берега Ледовитого моря, составляющие северную границу петербургского военного округа. Его Высочество посетил Петрозаводск и в нынешнем году, что не входило бы в маршрут, если бы не обещание, данное Великим Князем, вернуться посмотреть, насколько предположенные городом в прошлом году улучшения для помещения войск приведены в исполнение.

Его Высочество, по примеру 1884 года, сопровождали: начальник штаба гвардии и петербургского военного округа, адъютант Его Высочества и пишущий эти заметки.

Отъезд назначен был в ночь с 25 на 26 мая: возвращение — в начала июля.

Город Остров

Историческое. Легенды. Храм Святого Николая. Торговля льном.

Экстренный поезд Варшавской железной дороги, назначенный принять Великого Князя на станции Александровской, отправился из Петербурга, согласно маршруту, с 25-го на 26 мая ровно в 11¼ часов ночи. С небольшим в полночь Его Высочество прибыл на станцию Александровскую, и мы направились дальше.

В начале 9-го часа утра в Острове Великий Князь, сойдя с поезда, был встречен начальником Псковской губернии Прутченко, предводителями дворянства, губернским и уездным, и городским головой. Согласно исконному обычаю, Его Высочество направился прямо в собор, где отстоял молебен, отслуженный прибывшим из Пскова местным архипастырем, преосвященным Гермогеном, а также и божественную литургию. Уже пятьсот лет тому назад в нынешнем Острове подле самого собора, на островке, омываемом порожистой рекой Великою, стояла крепостца. Развалины ее высятся и до сих пор; между них белеет древняя церковь Святого Николая, а подле, на шоссе, переброшены висячие мосты через оба рукава Великой. Это место очень красиво в сочетании старых развалин и убегающих вдаль холмов над быстрыми, пенящимися струями реки, носящей свое имя Великая самозванно, если вспомнить хотя бы и не Волгу, а многие другие реки поменьше.

Известно, что древнейший Псков, богатый и людный, окружил себя когда-то целым кольцом пригородов для защиты от врагов; против немцев на западе имел он Изборск, Гдов, Кобылий; от Литвы на юг — Опочку, Велье, Остров, Воро-

нич, Красный, Вышгород; в защиту от любезного старшего брата своего, Великого Новгорода, с севера поставил он Дубки, Врев, Котельный, Выбор, Володимирец.

Первое упоминание об Острове имеется у псковского летописца в 1341 году, когда происходила битва псковичей с немцами, длившаяся от восхода солнца до полудня; битва эта была, по-видимому, не кровопролитная, потому что псковичи потеряли всего только семь человек и двух полководцев; помогли им в этой битве островичи; значит, Остров существовал. Как охранный пригород, Остров относился к самым важным: остатки стены и башен доказывают это. Длина стены крепости 90 сажен, ширина — 40. Стены имели до 4 сажен вышины, башни — 6; башен было числом пять, теперь можно указать только на три. Когда были они возведены — неизвестно, как неизвестно и возникновение самого города. Внутри крепости разведены теперь парники и огороды.

В одной из башен, говорят, скрыты были богатства. Один смельчак, купеческий сын, с товарищами в Иванову ночь пошли было на поиски; из двери подвала в них пахло пламенем; двое перебежали по лавам через ров, но третий, перебегая, увидел двух огромных черных собак, плывших за ним; перебежав, бросился он с испуга на колокольню, поднял полуночный трезвон, сошел с ума и умер. Другая легенда гласит, что в другой башне живет заклятая царевна с кошечкой, выходящею раз в год на реку пить воду. Один удалец пытался освободить узницу, но остановлен был кошечкою, бросившеюся на него.

Пригороды служили Пскову не только защитой, но в них спасались и сами они от междоусобиц. У Острова был свой посадник, свое вече, свое войско и стяг, а с 1463 года имелся, вероятно, и наместник. В 1426 году бились островичи в ближних лесах с татарами. В 1501 году немцы Остров «выжгоша сентября 8 день, а душ 4000 скончалося; овы сгореша, а иные истопша, овы мечю предаша, а иные в плен, наши же воеводы стояли в трех верстах от города неподвижно». Так гласит летописец, что, по соображению с хладнокровием битвы 1341 года, свидетельствует не особенно лестно о воинских способностях псковичей. Псков, как известно, кончил свое самостоятельное существование в 1510 году; вероятно, одновременно с ним подчинился Москве и Остров.

В 1581 году был он взят Стефаном Баторием. Как метко стреляли в то время противники с обеих сторон, видно из того, что в один из дней осады поляки поплатились всего только «двумя рядовыми и очень хорошою лошадьё», а Польше выстрелы то и дело попадали только в верхи башен. Заняв город, Стефан Баторий взял 1500 рядовых, 100 боярских детей, 200 стрельцов, 5 орудий, много ручниц, и ружей, и пороховой казны; последнее было полякам вполне с руки: в довершение горя, когда островичи вышли из замка, польские люди ограбили их и оставили в «одних рубахах»; это было, несомненно, против договора.

В 1582 году Остров возвращен России по принадлежности. Особенно доходною статью для казны он никогда не был, так как, например, в 1667 году с посада, лавок, огородов, ловель и пожней давал он всего 29 рублей и столько же с таможенных и мытных сборов.

В 1708 году, при Петре I, Остров сделан уездным городом, и тем не менее, по отзыву новгородского губернатора Сиверса, в 1767 году «замок представлял из себя груды мусора, собор — часовню, дом воеводы — хижину»; в нем считалось 120 граждан, 120 разночинцев и 150 домов. В 1771 году количество народа уменьшилось вследствие язвы на людей. В 1812 году по пути к Динабургу имели в нем ночлег император Александр I и цесаревич Константин. По поводу этого проезда совершилось нечто невероятное: содержатель почт генерал-майор Беклешев в даче излишних лошадей, как необязанный по контракту, отказался; понятно, что он был вразумлен надлежащим образом. В 1848 году, в сентябре, проездом из-за границы имели здесь ночлег император Николай I, Государыня, Наследник Цесаревич и великая княгиня Ольга Николаевна.

Как неизвестно начало Острова, так неизвестно и время возникновения храма Святого Николая, построенного по общему типу псковских церквей, но имеющего ту замечательную особенность, что он обращен лицевою стороною на север. По одним источникам, храм построен в 1372 году, по другим — в 1542; купол его «вследствие необходимых исправлений принял совершенно другой вид».

Замечательно полуразрушенное украшение на шейке купола снаружи; оно состоит из связанных непрерывным

поясом пятиглавых храмиков с образами; между ними колоколенки; весь пояс как бы сложен из целого ряда створцев; многих из них незаметно: они или забелены, или стерлись. Внутри храм очень мал; он двупридельный, и один из них несомненно позднейшей пристройки; массивные два столба служат центральной опорой: своды и арки над алтарем в особенности грузны и узки, и образуют самые оригинальные пересечения. В толстых, неразрушимых стенах есть темные помещения, высоко над землею, служившие, вероятно, для хранения ценностей и казны. Раскопки, произведенные в крепости в 1872 году, дали только кусочки железного шлака, детскую сломанную железную вилочку, много древесного угля и 23 человеческие кости. Так бесследно осталось довольно яркое былое этого древнего, позабытого уголка.

В церкви местного тюремного замка есть тоже древность: икона Архистратига Михаила, находившаяся прежде в воеводской канцелярии, а потом в полицейском управлении. Она пользуется большим почетом: ее носят к больным по домам, и, в случае предстоящего выздоровления больного, икона эта — так утверждают — на обратном пути своим значительно легчает; если она становится тяжелее, человек умрет. Архистратиг написан чрезвычайно юный, сидит на скачущем коне. Серебряная риза иконы очень массивна.

Остров, до проведения железной дороги, имел значение как пункт соединения варшавского и новобелорусского шоссе. Главное его дело было и есть льняная трепля. Торговых контор, сбывающих лен, в настоящее время 13, из них пять иностранных; оборота в год на полтора миллиона пудов, около шести миллионов рублей. Сообщают, будто за десятину под лен дают даже до 100 рублей; при девятипольном хозяйстве земля будто бы не изнуряется.

По окончании литургии, вдоль улиц, расцвеченных флагами, при колокольном звоне и криках «ура» Его Высочество направился в почтовый дом, у входа в который был выстроен почетный караул в составе всех наличных людей местной команды. Обойдя ряды, пропустив караул мимо себя и поблагодарив людей, Его Высочество, войдя в почтовый дом, принял властей и хлеб-соль от старшин окрестных волостей.

Служебные посещения начались с городской больницы, служащей приютом для заболевших воинских чинов. Хоро-

шее здание, чисто содержимое, имеет отделения для мужчин, женщин и арестантов. Пройдя по всем палатам и остановившись с наибольшим вниманием у трех состоявших на излечении солдат, Великий Князь направился в казармы. Он устроены в бывшем винном складе; люди стояли у коек, причем все их казенное и частное имущество лежало подле открытым. На стенах виднелись портреты особ Царствующего Дома; подле них таблицы и инструкции, служащие при одиночном образовании нижних чинов. В светлой кухне Его Высочество испробовал горячую пищу; отведав хлеба и квасу, Великий Князь направился в помещение воинского начальника, находившееся тут же. Спросив о числе и распределении по родам оружия людей местного запаса, Его Высочество ознакомился с состоянием книг в управлении, поверил по нескольким фамилиям правильность движения отчетности о запасах и выслушал доклад о всех действиях воинского начальника при формировании государственного ополчения. Затем, ввиду того, что в Острове, в случае войны, формируется 21-й запасный батальон, Великий Князь, проследив все действия по успеху этого назначения и, убедясь в знании всеми чинами своих обязанностей, направился к фактической проверке самого склада неприкосновенного запаса.

В местном остроге Его Высочество обошел церковь, где поклонился чудотворной иконе Архистратига Михаила, о которой было уже помянуто, помещение караула и все арестантские камеры.

Около половины первого в здании местного клуба состоялся завтрак, предложенный местным городским обществом. Ровно в 2 часа мы были уже в экипажах по пути в Новоржев и к Святым Горам. По шоссе ехали мы только две станции до Новгородки; отсюда предстояло свернуть на грунтовую дорогу и сделать 22 версты до Святогорского монастыря.

Святогорский монастырь

Его история. Ярмарка. Поход иконы. Могила Пушкина. Панихида над нею. Воспоминания о Пушкине. Письмо его к Чаадаеву. Ночлег в селе Михайловском.

Перед станционным домом в Новгородке ожидали Великого Князя представители купечества и волостные старшины Опочецкого уезда. Здесь же можно было полюбоваться на вольную пожарную команду города Опочки, прибывшую за 40 верст для представления Великому Князю. Она была выстроена развернутым фронтом и имела на правом фланге хор своей музыки, игравший во время прибытия Его Высочества народный гимн. Красивое и практичное одеяние — медная шапка с белым султаном, веревка через плечо, отчетливое и правильное маневрирование достойны всякой похвалы. Команда существует около десяти лет, состоит из 100 человек; старшим над нею, отличавшимся красным султаном на медной шапке, городской нотариус.

В Новгородке, как сказано, оставили мы шоссе. Только 2 июня, то есть после семидневного путешествия на лошадях, приблизимся мы снова к железной дороге; нет сомнения, что такие длинные переезды, как наш, по почтовым и проселочными путям в наши дни — большая редкость.

Часам к 6 вечера поверх густой зелени поросших лесом холмов увидали мы купол и колокольню Святогорского монастыря, где похоронен Пушкин. До монастыря оставалось еще 8 верст. Мы сделали 22 версты в полтора часа; в распутицу можно было проехать семь часов. Наш поэт, как известно, родился 26 мая 1799 года, и Великий Князь поклонился его праху в самый день его рождения.

Святогорский монастырь, находящийся в 108 верстах от Пскова, возник только во второй половине XVI века,

на так называемых Синичьих горах, и известен всей России потому, что приютил останки Пушкина. В 1547 году Тимофей юродивый имел тут видение иконы Пречистой Богородицы, и неизвестно откуда шедший голос призывал его на это же самое место по прошествии шести лет. Юродивый действительно явился и увидел другую икону Одигитрии. Об этом пошла молва, появились странники и странички; псковский наместник князь Токмаков донес Государю, присланы были следователи и повелено было устроить монастырь. Дальнейших сведений о судьбах монастыря нет; в 1780 году он истреблен пожаром. Соборная церковь Успения поставлена, вероятно, в XVII столетии. Монастырская ограда имеет до 400 сажен длины. Статьями монастырского дохода являются две местные ярмарки. Ежегодно из монастыря совершается крестный ход. Икона поднимается, как здесь привыкли говорить, «в поход» в первое воскресенье после девятой пятницы; ее несут во весь путь на руках, но прежде это было картиннее: ее несли только до реки Сороти; по ней и по реке Великой она следовала на судах до Выбутских порогов, затем поднималась снова на руки и шествовала на Спасо-Мирожский монастырь, в Псков.

К приезду Его Высочества «поход» иконы был немного задержан. Ровно в 6 часов вечера прибыл Великий Князь к монастырю. Обычная, многолюдная на этот раз ярмарка была на исходе; тысячи народа, расположившегося по крутым скатам святогорских холмов, обильно поросших листвою высоких деревьев, вдоль крыш и крылец лежащей у подножья монастыря слободы Тоболенец, неумолкаемым «ура» и киданием шапок приветствовали Августейшего Гостя; колокола гудели неумолчно. Его Высочество, выйдя из коляски, приблизился к монастырским воротам. Тут на носилках, готовая к походу, обставленная блестящими хоругвями, стояла икона Одигитрии, и перед нею в полном облачении, окруженный монашеством, архимандрит Николай. Яркое солнце горело на пологе иконы и ризах духовенства. Прослушав краткое приветственное слово, приложившись к иконе и осеняя себя крестным знаменiem, Его Высочество, по обычаю народному, прошел под нею и направился в монастырь.

Святогорский монастырь. Крест на могиле Пушкина
до постановки памятника

Подъем по лестнице к церкви крут и высок; он идет все время под навесом и, так сказать, направляет идущего прямо в церковь. Отслушав молебен, Великий Князь посетил могилу Пушкина, находящуюся снаружи церкви со стороны алтаря, подле самой кручи монастырского холма. С одной стороны ее три абсиды церковные, с другой — три высокие липы, и широко кругом и далеко внизу — один из типичнейших и красивейших сельских видов наших. Панихида по рабе Божьей Александре, пропетая всем собором в присутствии Великого Князя и многих тысяч непокрытых голов людских, в тот самый день рождения поэта была величественна.

Пушкин, как известно, за год до своей смерти приготовил себе могилу в монастыре. Когда-то заказывал он в этом самом монастыре обедню и панихиду по боярине Георгии — это значило по лорд Байрону. Инокам, конечно, и в ум не приходило, что они молятся за упокой души человека, не

особенно-то их долюбливавшего; но тот, кто будет объяснять себе эту панихиду кощунством со стороны Пушкина, тот будет далек от истины. Пушкин несомненно молился, как молился и Байрон, потому что в конце концов без молитвы все-таки нельзя.

Делать какую-либо характеристику Пушкина в путевом очерке не имело бы значения. Основательные труды новейших исследователей хорошо известны; всем еще более известен сам Пушкин. Но нельзя было не вспомнить, присутствуя при только что описанной панихиде, одного чрезвычайно характерного письма Пушкина, замеченного читающею публикой менее, чем следовало бы. Письмо это писано было к П. Я. Чаадаеву в 1836 году по поводу его «Философских Писем» и помещено в 1884 году в «Русском Архиве». Оно — пароль и лозунг, оставленные Пушкиным русскому человеку.

«Вы говорите, — пишет между прочим Пушкин, — что мы, то есть русские, черпали христианство из нечистого источника, что Византия была достойна презрения и презираема, и т. п. Но, друг мой, разве сам Христос не родился иудеем, и Иерусалиме разве не был притчею во языцех? Разве Евангелие от этого менее дивно?.. Русское духовенство... никогда не оскверняло себя мерзостями папства... Что же касается нашего исторического ничтожества, — говорит Пушкин, — я положительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные войны, ведь это та же жизнь кипучей отваги и бесцельной, и недозрелой деятельности, которая характеризует молодость всех народов. Вторжение татар есть печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ход к единству (к русскому, конечно, единству), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и окончившаяся в Ипатьевском монастыре, как, неужели это не история, а только бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один — целая всемирная история! А Екатерина II, поместившая Россию на порог Европы? А Александр, который привел нас в Париж (положа руку на сердце)? Разве вы не находите чего-то величественного в настоящем положении России, чего-то такого, что должно поразить будущего историка?.. Клянусь

Михайловское. Литография 1837 года

вам честью, что ни за что на свете я не захотел бы переменить отечества, ни иметь другой истории, как историю наших предков, как нам Бог послал».

У нас много людей, которые не захотят понять, что могло быть величественного в положении России в 1836 году, при Николае I, и почему именно могло оно показаться таковым Пушкину. Но выписки, только что сделанные, это такие перлы в славе Пушкина, которых именно не доставало для уразумения в нем некоторых не совсем ясных сторон. Человек, написавший это письмо, несомненно, стал человеком чужим для многих, несогласных с ним людей, но за то он передался всею силою своего великого гения, своего горячего сердца подавляющему большинству людей великорусского пошиба, того пошиба, который сделал и сделает всю нашу историю.

Письмо относится, по времени написания, к 1836 году, к периоду полной зрелости нашего поэта, к периоду, наставшему для него со времени прибытия его из Бессарабии в деревню Михайловскую. Но не одно Михайловское, а также и соседнее с ним Тригорское, с милым семейством Оси-

повых, посещения Языкова и Дельвига, и эта бесподобная няня Арина Родионовна, и природа, и народ, все это вместе взятое, вот что подняло и утвердило дух нашего поэта. «Деревня поставила его на ноги, — говорит новейший исследователь Незеленов, — в деревне прошел он последнюю школу — школу Шекспира, памятников русской истории и народной поэзии; в деревне создал он „Бориса Годунова“, и последние строки, писанные им к Осиповой в 1836 году, гласят не напрасно: „мне мило только Тригорское“». Подъезжая к монастырю, влево от дороги, мы видели это Тригорское.

С могилы Пушкина Его Высочество прошел в помещения архимандрита, где ему представилось опочечное дворянство. В 7 часов вечера обедали мы на холме, противоположащем монастырскому; тут был раскинут шатер; вид от этого места на зелень долины, холмы, на монастырь с его вековыми деревьями превосходный. Это, бесспорно, один из замечательнейших наших пейзажей. Его венчают главы монастырских церквей, его одухотворяет память Пушкина.

Вечер этого полного впечатлений дня заключен был в Михайловском, у Григория Александровича Пушкина; в любезной беседе хозяина и хозяйки время к ночи подошло очень быстро; воспоминаниям о Пушкине отведено было, конечно, первое место.

Заметим, что на *menu** сегодняшнего обеда нарисовано было Михайловское времен Пушкина; хотя дом, приютивший нас на ночлег, построен только в шестидесятых годах, но некоторое сходство в общем расположении усадьбы сохранилось: длинный, одноэтажный дом посредине, с обеих сторон его два небольшие флигеля. Перед домом круглая куртина. Из вещей Пушкина сохранились: кресло, ятаган, подаренный ему на Кавказе графом Паскевичем, и четыре бильiardные шара. Ночь была чрезвычайно ясная, как и минувший день, Великий Князь привез с собою хорошую погоду. На следующее утро, перед отъездом из Михайловского, последовавшим в 9 часов утра, 27 мая, Его Высочество более часу сидел с хозяевами дома и своими спутни-

* Меню (фр.) — меню.

ками на балконе. Вид с балкона в ясный день, как это было с нами, очарователен. От дома вниз идет ступенями терраса; широкая долина разворачивается перед глазами верст на шестнадцать, ее обрамляют далекие, поросшие лесом холмы; глубоко внизу течет по зеленому лугу синяя река Сороть; вправо и влево совсем близко блещет по одному озеру. Говорят, что простой народ села Михайловского не знает, а зовет его Зуево.

Новоржев

Возникновение города по указу. Предание о Церковище. Единственная история города по биографии Жукова. Стихи Пушкина.

По пути на Новоржев мы снова проехали подле Святогорского монастыря; архимандрит Николай вышел на дорогу проститься с Его Высочеством. До Новоржева отсюда 29 верст. Сначала лес, затем много болот, валуны, постоянно песчаная дорога. Пейзаж не знаменит, и Новоржев вырисовывается на широкой равнине, между двух озер и подле болот, не очень эффектно. Его Высочество въехал в город в 11 часов утра и направился прямо к собору сквозь густые толпы ликовавшего народа.

Новоржев лежит при озерах Оршо и Росцо; озера эти соединены рекой Вержой. Указом 1777 года повелено было: «Правление Пусторжевского узда перевести на большую из Пскова в Великие Луки дорогу, под названием Новоржев». И таким образом возник город. Вероятно, где-нибудь в архивах хранятся мотивы, послужившие основанием этому неожиданному возникновению города на большой дороге; может быть, в них есть следы какого-либо прежнего исторического бытия на месте этого нового возникновения? Хорошо, что эти и тому подобные пробелы в историях вообще разукрашиваются преданиями. Так и тут: толкуют, будто на месте нынешнего Новоржева, на песках, стоял замок с церковью и сосновою рощей; замок и церковь разорены литовцами, а из лесного материала погибшей рощи построен в Орше Божий храм. Несомненно, что в двадцатых годах здесь еще видны были очерки как бы фундаментов и в горах мусора находили остатки бисера, церковных цепей от паникадил, монеты, куски долбленных гробов и в них человеческие

кости. По мере обнажения костей их зарывали в ямы; это место, говорят, называется и доныне «Церковищем» и свидетельствует о некоторой правде и о том, что на месте Новоржева до его возникновения была какая-то другая, неизвестная нам жизнь. В подтверждение предания крестные ходы, обходящие от поры до времени город, останавливаются над «Церковищем» и духовенство служит по неведомым и безымянным почившим литию.

Если недалекий отсюда город Холм имеет очень длинное прошедшее и, как видно из писцовой книги, был впервые описан еще в 1562 году, то первое описание Новоржева состоялось, кажется, только шесть лет тому назад в «Псковских Губернских Ведомостях» и большая часть его посвящена биографическим сведениям об одном из первых по времени новоржевских граждан Петре Фомиче Жукове, составившем на предмет истории города «Записку».

Этот Жуков был сыном «попа Лишки Жука», из грамотных казаков, выбранного в священнослужители, но за двоеженство расстриженного. Когда возник неожиданно город, то по распоряжению губернского начальства сюда переселено несколько семейств, в том числе и Жуковы. Автор «Записок», Петр Фомич, бесконечное число лет служил возникавшему городскому обществу, начав с присяжного добросовестного при соляных и винных магазинах, за 30–70 руб. ассигнациями в год. В 1799 году был он избран в городовую ратушу, на восьмое трехлетие в первые бургомистры, с исправлением должности городского головы. В Отечественную войну французы в эти места не заходили, но тем не менее радением Петра Фомича в память великой войны устроено было так, чтобы крестные ходы между Святогорским монастырем и Опочкой шли на Новоржев. Устройство этого крестного хода, равно как и другого, с иконой Параскевы Пятницы, из погоста Лобно, по почину Петра Фомича, являются в безмятежной истории городка, как значится в «Записках», событиями. Событием была холера 1831 года, вслед за которою «ничего особенно замечательного в историческом отношении не произошло», вплоть до другой холеры 1848 года. В «Записках» поминается и какой-то юродивый Ананий Васильевич, что, по мнению автора «Записок» Петра Фомича Жукова, служившего все больше по откупам и искренно любивше-

го молитвословия, составляет тоже нечто в роде исторического явления.

Известны стихи Пушкина, посвященные городу, гласящие так:

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было сего
Городишка на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Внешностью городок не берет, очень беден, земли почти не имеет, но расцветился к приезду Высокого Гостя флагами и гирляндами и пестрел веселыми толпами народа. В нем до 2000 жителей и три церкви.

Понятно, что приезд Государева Брата был действительно радостью. По пути его в черте города населились все крыши, все заборы, и весело было смотреть на веселье этих лиц, мелькавших подле нас отовсюду. Народу было так много, что Великий Князь, отслушав в соборе многолетие, ехать в экипаже решительно не мог, из боязни опрокинуть или задавить кого-нибудь из многотысячной, гудевшей возгласами толпы, обнажившей головы и осенявшей себя крестным знаменем, и прошел пешком до дома городского головы Шастовского, в котором назначен был прием властей.

Его Высочество посетил затем управление уездного воинского начальника, где ознакомился со всеми распоряжениями, вызываемыми устройством, для призыва сборного пункта, отправлением лошадей в войска, по конской повинности, с состоянием военно-административных сведений по уезду, организацией маршевых команд новобранцев при последнем призыве и состоянием военно-дорожных карт. Смотр роте 3-го резервного батальона заключался в ротном учении и гимнастике. Обход казарм и кухонь показал степень заботливости к нуждам солдата не только со стороны военного начальства, но и представителей местных гражданских властей.

Убедившись в данном случае в сердечном участии городского головы, Его Высочество поощрил его выражением бла-

годарности. Тронутый ласковым вниманием, городской голова тут же выразил желание снабдить команду железными кроватями вместо деревянных и оштукатурить ныне нанимаемое деревянное здание. После завтрака Великий Князь посетил острог и городскую больницу, где обошел все камеры и палаты, останавливаясь у каждого арестованного и больного. В Новоржеве года четыре тому назад сооружен был на средства частной благотворительности богадельный дом в память в Бозе почившего императора Александра II, дающий ныне приют тридцати стариками, часть которых составляют служившие в войсках ветераны. Ознакомясь с этим человеколюбивым учреждением, находящимся за городом, подле почтового пути, и поблагодарив трудящихся на его преуспевание, в 5-м часу пополудни Его Высочество выехал по дороге на Холм, к месту ночлега, назначенного в усадьбе члена государственного совета статс-секретаря В. Д. Философова.

Холм

Путь к Холму. Вид города от Ловати. Попытка написания истории города. Значение его для древнего Новгорода. Историческое и нынешнее положение. Печище и Городище.

Усадьба Богдановское, в которую Его Высочество прибыл вечером, в 7-м часу, имеет уже несколько поколений подряд хозяевами своими семью Философовых. Громадный, замечательно планированный парк, пруды, беседки, стриженные ели и пущенные верандами липы, все это задумано на широкую руку и в другие, совсем другие времена. Какой-нибудь прудок, называемый Еремеевым, и тот имеет свой сказ; вечер, посвященный отдыху и беседе с гостеприимными хозяевами, закончил второй день нашего пути.

Утром 28 мая, ровно в 8½ часов, мы направились по дороге в Холм; предстояло сделать четыре перегона, по 25 верст каждый, по трудному, песчаному пути. На первой станции Бор Великий Князь принимал представителей дворянства, земства и некоторых волостей, прибывших из Великих Лук, за 75 верст. Большая часть пути шла лесом, болотами; приходилось то и дело переезжать маленькие мостики. Болот так много, что неудивительно существование в Холмском уезде десятка деревень, почти отрезанных болотами и пользующихся, несмотря на это, хорошим здоровьем и достатком.

Было жарко; шмели кружились подле нас в большом количестве; иногда по сторонам пути виделись небольшие насыпи, очень тщательно огороженные; это те места, в которых зарыты павшие в последние годы коровы и лошади от долго гостившей тут сибирской язвы; говорят, будто места-ми она начинается показываться и теперь.

К часу дня Его Высочество прибыл в деревню Троица-Главица, в 47 верстах от Холма, где был встречен представи-

телями холмского дворянства. После непродолжительного отдыха, к 2½ часам, мы были вновь в дороге. Лес становился мельче, почва суше, холмы круче. На полпути к Холму мы подъехали к быстрой и порожиистой Ловати, подле деревеньки Сопки, получившей имя от четырех курганов, вероятно могильных, ее окружающих и обуславливающих очень хорошенький пейзаж. Деревни попадались все чаще, все расцвеченные флагами; чуть не перед каждым домом были выставлены хлеб-соль и икона; по всему пути виделись вышедшие из лесу одиночки мужички и бабы, и те держали иконы; священники выходили с образами из ближних церквей.

Церкви города Холма глянули на нас верст за восемь. Лес отступил совершенно: зато в ярком сиянии дня и очень красиво очертился пред нами Холм, один из древних городов русских, с весьма высокого, крутого берега Ловати. У самого въезда в город была поставлена декоративная, убранная флагами и цветами арка. Сев в другие экипажи, мы съехали с длинного, высокого спуска к реке и направились по плавучему поставленному наискось реки мосту. Вид с него на униженный людьми очень высокий противоположный берег Ловати, звон церквей, крики «ура», летящие вверх шапки, все это вместе взятое было очень красиво и отличалось несомненною радостью. Великий Князь, поднявшись крутым подъемом к городу, проехал прямо в собор, где отслушал молебствие, и оттуда направился в отведенный ему дом купца 1-й гильдии Павлова.

Подобно сотням городов России, и у Холма нет определенного начала, но как центр деятельности ловатского судоходства обозначился он, несомненно, очень рано. В «Псковских Губернских ведомостях» 1839 года помещены отрывки из записок о Холме одного из местных людей, статского советника Войнакуринского; это нечто вроде единственной истории города. На каждом из экземпляров «Ведомостей» того времени, хранящихся в Императорской публичной библиотеке, имеется подпись тогдашнего губернатора или вице-губернатора, что замечательною ясностью свидетельствует о том, что или экземплярам этим, назначавшимся на хранение, придавалось особое значение, или то, что печатались «Ведомости» в весьма ограниченном количестве, или, наконец, что губернаторам и их помощникам

было в те дни не особенно много дела. Это имело место только полвека назад.

Автор «Записок» стилист не знаменитый и относит Холм ко «многим преданиям, осуществленным вероятно»; это видно, говорит он, из Нестора; вероятно, основан Холм кривичами: вероятно, был он отдельною «республикой, вышедшею из системы исторической отчетности». Верно то, что другой уездный город губернии, Великие Луки, был основан холмитянином и что холмитянин этот был Лука «ремеслом разбойник»; несомненно, следовательно, что Холм древнее Великих Лук.

Умные новгородцы, очень хорошо понимая выгоды соединения реки Ловати с озером Ильменем, забрали себе город Холм, эту, как сказано в «Записках», «республику, вышедшую из исторической отчетности». В 1471 году был он значительным погостом. Татары до Холма не доходили никогда; в XIV веке часто подходила к нему литва, но разорен он при царе Иоанне Васильевиче, когда напали на него король польский Стефан Баторий и король шведский Иоанн; поляки и литва зимовали тогда в Великих Луках, венгры — в Опочке.

В 1580 году, по распоряжению гетмана Замойского, воевода Вольский взял Холм набегом и полонил воеводу князя Барятинского и «осадную голову» Панина; одновременно с этим была выжжена Старая Русса. Уступленный Баторию в 1581 году, Холм получен Россией обратно в 1582 году и назван в договоре «городом». От этих далеких воинственных дней сохранились и до сегодня зеленеющие окопы и далеко по окружности виднеются молчаливые курганы, в которых опочили как пришлые воители, так и свои.

О великой цепкости и жизненности холмитян свидетельствует следующее. Разорен был город до основания в 1609 году; жители его, выселившись, образовали тогда по округе, в дебрях и болотах, шестнадцать деревень; ровно через сто лет, в 1707 году, Холм был снова посадом, и за ненужностью исчезли девять из образовавшихся деревень и сохранились и дошли до нас только пять; на местах безвозвратно исчезнувших, даже по имени селений, где конечно, в свое время горевали и радовались, лежат теперь пустоши, сенокосы, и на каждом из них есть место, называемое «печищем», и ста-

рые колодцы с обручами внутри. В 1738 году Холмский посад подчинен торопецкой военной канцелярии, которая давала указы холмскому посадскому старосте и холмской земской избе; присутствие обоих учреждений этих составлял в те блаженные дни один и тот же староста. В 1771 году императрица Екатерина II образовала Холмский уезд и в городе была открыта ратуша. В 1780 году было так мало жителей, что в Воскресенском приходе, составлявшем почти весь город, родилось всего 8, а умерло 13 человек. В 1797 году император Павел I уничтожил в городе все присутственные места, кроме ратуши. В 1802 году Холм восстановлен на прежнем основании императором Александром Благословенным, посетившим его проездом из Осташкова в 1820 и проездом на Торопец в 1824 годах.

Город стоит на соединении реки Ловати с речкой Куньей, и от него до Петербурга 363 версты. Он тоже в достаточном количестве окружен болотами, что не мешает стоять ему высоко и быть снабженным сыпучими песками. Главное дело холмитян — сплав лесов Ловатью, дело старое, недвигающееся вперед, не обогащающее город, но дающее холмителям кое-какие заработки. Особенно сильно упали купеческие дела с 1865 года, со времени открытия железных дорог; внутренняя торговля значения не имеет, и местное купечество окончательно стухевывается. В городе около 5000 жителей и шесть церквей.

Из древностей, имеющих в наличии, следует упомянуть о Городище новгородских времен, окруженном с 3-х сторон Ловатью; замечен обрушенный вал. Свидетелями давно умолкших битв являются также многие курганы, рассыпанные по окрестности. На Клинской стороне города, в часовне, сохранилась деревянная свеча длиной полтора аршина, раскрашенная цветами, толщиной четыре вершка, с надписью, гласящею, будто бы 21 мая 997 года ее поставил холмский посадский человек Петров. Конечно, этот год невозможен, но свеча, несомненно, очень древняя, вероятно, конца XVII века. Есть в городе и Татинова сторона: имя, происходящее от слова тать — вор; была там некогда пещера, в ней скрывались воры, и, как гласит предание, еще Иоанн Грозный посылал на них своих дружинников; только с удалением татей город будто бы стал обстраиваться.

Подъехав к дому купца Павлова, Его Высочество принял почетный караул от 2-й роты 3-го резервного батальона. Обойдя весело смотревшие ряды и пропустив их справа по отделениям, Великий Князь принял представителей местных властей, дворянства и горожан. Вслед за приемом он посетил земскую больницу и острог; один из арестантов обратился к нему с просьбой о помиловании; Его Высочество отвечал, что право миловать принадлежит одному только Государю.

Часу в 10-м вечера, довольно темного, благодаря надвигавшимся отовсюду тучам, перед домом зажжены были огни на щите с вензелевым изображением имени Великого Князя. Его Высочество, приглашенный посмотреть на иллюминацию, вышел на улицу и направился к так называемому бульвару. Плотная, облегавшая со всех сторон, двигавшаяся толпа сопровождала Великого Князя, и в ярком свете затепливавшихся повсюду бенгальских огней она казалась еще многочисленнее. Бульвар, обсаженный очень старыми, густыми березами, тоже светился; он идет по высокому, крутому косогору над самою Ловатью; на противоположном берегу ее, на одной высоте с нами, далеко от нас, по мраку ночи вырисовывалось в трепетавших огнях древнее Городище, как бы принимая участие из своего далека в несомненном веселии толпившихся отовсюду холмитян. Представители города просили Великого Князя позволения ходатайствовать о том, чтобы назвать бульвар «Владимирским», на что и последовало его согласие.

Скоро вслед за возвращением Его Высочества домой разразилась давно уже собиравшаяся довольно сильная, раскатистая гроза.

29-го, около 8 часов, утром яркого солнечного дня, Великий Князь направился в управление уездного воинского начальника, где и ознакомился с состоянием пересыльной части и со всеми распоряжениями, вызываемыми формированием в военное время и временной местной команды, с порядком составления маршрутов, следования команд призывных и увольнения нижних чинов из запаса в отставку. Затем, знакомясь с действиями управления по применению требований последнего расписания главного штаба по призыву и пересмотрев составленные с этой целью расчеты и сличительные ведомости, Его Высочество проследовал

к роте, расположенной на казарменном, плацу. После ротного учения и фехтования обойдены были казармы, кухня, манеж, цейхгауз и пятипроцентный запас вещей, находящихся в распоряжении уездного воинского начальника. Только в 11-м часу Великий Князь, возвратясь в отведенное ему помещение, мог выехать далее к Демянску, сопровождаемый всем населением города, бежавшим далеко в поля вслед за коляской Его Высочества.

Демянск

Пейзаж Демянского уезда. Хлебалово. Думина гора. Историческое о Демянске. Собор. Бесхарактерность города.

Мы выехали из Холма 29 мая, в 11 часу утра. Дорога от Холма к Демянску резко делится на две части: в Демянском уезде местность очень красива. Как будто для того, чтобы оставить по себе хорошее впечатление, Псковская губерния дала тоже хорошенький пейзаж подле сельца Тоготь, над речкой Тудер, на которой стоит лесопильный завод купца Красильникова, того самого, который снабжает из Холма ближайшие уезды очень хорошим пивом своего завода. Ближайшая остановка была в погосте Аполицы, где начальника Псковской губернии Прутченко, сопрсвождавшего Великого Князя, сменил начальник Новгородской губернии Мосолов. Не доезжая Аполиц, верстах в двух, есть усадьба Заостровье, принадлежавшая еще в 1824 году, при проезде императора Александра I, князю Шаховскому. Говорят, будто владелец усадьбы, встретив Государя на крыльце, поднес ему в дар самое дорогое, что у него было, своего маленького сына, и ребенок был немедленно принят в какой-то корпус.

Часть Демянского уезда, по которой мы проезжали, гориста и богата лесами; одних казенных считается в уезде 44 000 десятины, и между ними есть настоящие медвежьи трупобы. Красиво место возле погоста Велилы, в котором недалеко от новой каменной церкви стоит в почтенном одиночестве заколоченная очень старая церковь, пережившая, вероятно, не одну сотню лет; она, как говорят, назначена на снос; нет сомнения, что кто-то должен заботиться об этом, сохранять, по крайней мере, ее рисунок. В этих

местах приходилось нам ехать по настоящему проселку; лошади были выставлены только для проезда Великого Князя, и нас покинула телеграфная проволока почти что на два дня.

Было часов около 4-х пополудни, когда мы проезжали мимо усадьбы Хлебалово, подаренной когда-то императором Павлом I графу Кушелеву и бывшей временно во владении князя Лобанова. Приходилось ехать дорогой, обсаженной столетними березами, сильно качавшимися под пробегавшим ветром. Ветер не замедлил преобразиться в мощные, резкие шквалы, и нельзя не признать большим счастьем того, что три березы, сломанные ветром и опрокинутые поперек пути, только задержали нас и не коснулись ни одного из экипажей. Все эти березы были кривы, богаты листвою, но именно та, что повалилась пред коляской Его Высочества, оказалась чрезвычайно громадною и ветвистою: прошло четверть часа времени, пока, подбежавши с топорами и пилами, народ разнес ее на части и очистил дорогу.

Очень хорош вид близ села Успенского: дорога проходит между двух церквей, звонивших с обоих холмов своих во все колокола; те же массы народа, то же поднесение хлеба-соли, убранство домов и изгородей, выставление икон и бесконечное «ура!» встречалось везде решительно. Следует заметить, что никогда ни одна из особ Царствующего Дома не проезжала этими местами. К 8 часам вечера завернули мы с пути в усадьбу Кошкино, принадлежащую Г. Н. Ельчанинову. Здесь собрались дворяне Демянского уезда для представления Его Высочеству. Здесь же имел Великий Князь ночлег. Вихрь, опрокинувший на нашем пути березы, прошел над усадьбою до нашего прибытия с особенною силою: громадные, совершенно здоровые деревья лежали подле дома на земле, перегородили дорожки и покрыли ветвями, трепетавшими совершенно зеленою, свежеею листвою куртины и клумбы богато распустившихся цветов.

В 8 часу утра, 30 мая, Великий Князь продолжал свой путь на недалекий отсюда Демянск; тотчас же вслед за усадьбой, спустившись с Думиной горы сквозь довольно узкий прорез дороги, не могли мы не любоваться очень красивым видом долины речки Щеберихи; она бежит меж-

ду двух гор: Думиной и Георгиевской; на последней церковь Святого Георгия; ряды холмов, поросших где лесом, где колосившимися нивами, уходили вдаль; от одной из соседних рощ — Корочинской, говорят, кругозор на 25 верст.

Название Думина гора происходит — так сообщают местные люди — от слова «дума», потому что на этой горе воеводы обдумывали свои походы от Москвы к Новгороду и обратно. Может быть, имя ее — и это, пожалуй, вернее — Дёмина, ветряная. Несомненно, что в этих местах бывали и сражения, так как в курганах, попадающихся по пути, довольно часто находили и кольчуги, и бердыши. Лес, по мере приближения нашего к Демянску, редел и уступал зачастую место полям. К Демянску прибыли мы около 10 часов утра, въехав в город сквозь убранный гирляндами триумфальную арку и стоявшие по сторонам плотные толпы ликовавшего народа. Городок очень невелик и имеет всего 1200 душ населения. К приезду Его Высочества оно удесатерилось, так как, несмотря на горячую рабочую пору, люди побросали работы и пришли за семьдесят и более верст; это было по всему пути.

Великий Князь направился прямо в собор, где был приветствован задушевным словом протоиерея, обращенным от лица церкви к первому и пока единственному лицу Царствующего Дома, посетившему Демянск. В соборе по стенам довольно пестрые фрески с изображениями сцен из Библии и Евангелия: избиение младенцев, поклонение волхвов и др. Из собора Великий Князь проследовал в дом уездного предводителя дворянства Сиренко, где принял почетный караул, а вслед за тем последовало представление властей.

В старину Демянск назывался Демань или Демонь, что означало будто бы — как и Демина гора — ветряное место; оно и понятно, так как город расположен на плоской возвышенности, поднимающейся к югу от озера Ильмень, на водоразделе. Мы испытали на себе сами справедливость происхождения его имени, так как вчерашние шквалы перешли в упорный, ровный, но замечательно сильный восточный ветер. Демянск был когда-то главным местом Новгородской Деревской пятины, и, вероятно, тут стояло укрепление по дороге из Торжка, которое и занял своими

войсками великий князь Василий Темный, начиная войну с Новым Городом в отместку за помощь, оказанную новгородцами в 1441 году обитателям Заволочья, восставшим на московских воевод, 30 лет спустя, тоже с войском и тоже двигаясь на Новгород, был здесь Иоанн III для окончательного покорения Великого Новгорода. В 1652 году Демянское село, по указу Царя Алексея Михайловича, поступило во владение вновь устроенного патриархом Никоном Валдайского монастыря, но оставалось за ним только два года. В 1824 году оно переименовано в уездный город Демянск, с присоединением к нему селений Селище и Селищский-Рядок; 24 декабря открыты присутственные места, но герб дань городу только в 1855 году; сноп на этом гербе изображает прежний сельский быт земледельческого села Демянского.

Его Высочество после краткого отдыха в доме, ему отведенном, посетил земскую больницу, расположенную на окраине города и тщательно содержимую. Вслед за тем произведен был смотр расположенной в Демянске резервной роте, заключавшийся в ротном учении и фехтовании; рота представилась щегольски и не раз удостоилась «спасибо» Великого Князя. Обойдя стоящие тут же казармы, Его Высочество испробовал пищу. После того состоялась поверка делопроизводства в управлении уездного воинского начальника, начавшаяся с того, что приказано было принести на стол присутствия хранящиеся на высоких дугах призывные и отчетные листы запасных. Взяв в руки алфавит, Великий Князь остановился на некоторых из фамилий, проследил постепенное движение их по ведущимся в управлении книгам ожидаемых прибылых и просмотрел соответствующие дужные листки, сверив их с послужными списками и приемными формулярами. Затем потребована была отчетность о запасных офицерах и мобилизационный план, рассмотренный со всеми соответствующими важности дела подробностями и полным вниманием. В заключение Его Высочество интересовался верностью распределения новобранцев последнего призыва, сообразно данным с этою целью указаниям главного штаба. Ведомость о росте новобранцев, как и обстоятельные ответы воинского начальника, подтвердили правильность распоряжений.

В начале второго часа Его Высочество посетил острог и вслед за тем выехал по направлению к Валдаю. При выезде из города предстала нам та же ровная, безлесная, бесхарактерная местность. Бестипичностью своею напоминает Демянск Новоржев, только что в нем меньше воды и Пушкин не посвятил ему ни одного стихотворения. Охарактеризовать Демянск едва ли возможно.

Валдай

Путь к Валдаю. Никольский рыбопроизводный завод. История этого дела. Короцкая обитель. Валдай. Историческое. Патриарх Никон. Легенда о колокольчиках. Зимогорское побоище. Валдайский монастырь. Иверская икона и ее описание. Пожары.

Путь от Демянска до Валдая гористый, но безлесный, если не считать лесом мелкий березняк, ивняк и довольно чахлые елочки. Очень красивое место подле погоста Липицы, стоящего на быстрой, сплошь покрытой камнями речке Луконице, впадающей в такую же игривую, как и она, Явань: высокие холмы, окружающие долину речки, образуют целую панораму, несомненно, горного характера. Скоро лес пропадает совсем и открываются усеянные валунами поля.

К 5 часам, быстро подвигаясь по извилистой дороге, следящей за изгибами довольно большого озера Вельевского, прибыли мы в казенный Никольский рыбопроизводный завод, находящийся в одной версте от почтового пути, чуть ли не самый большой в Европе. Завод этот, состоящий из нескольких зданий, потонувших в густой зелени, находится в ведении министерства государственных имуществ. Прибытия Великого Князя ожидал заведующий заводом профессор Grimm. Завод основан 29 лет назад частным человеком В. Врасским, известным открытием сухого способа оплодотворения икры, сохранения икринок и молок в течение нескольких дней вне организма рыбы и применением способа задержания развития рыбы при помощи низкой температуры. Врасский задался широкою мыслью — арендовать или скупить все окружающие озера, не исключая и Валдайского, и заселить их форелью и сига́ми. Смерть помешала ему, и иностранцы совершенно несправедливо отрицают его право на первенство в названных выше открытиях.

В 1869 году завод перешел в ведение министерства государственных имуществ, и назначение его изменено: он сделан опытной акклиматизационной станцией и должен стремиться путем пересаживания мальков заселить наши водные бассейны и продавать оплодотворенную икру и мелкую рыбешку. Правильному культивированию на заводе подвергаются только сиг и форель. Для акклиматизации сегов в волжском бассейне избрано было озеро Селигер; оттуда речкой Селижаровкой попадают они в верховье Волги, и несомненно, что за последние годы в Нижнем Новгороде стали ловиться сиви.

Заводу принадлежит ближнее озеро Пестовское и на речке Пестовке пять рыбозаводных прудов, поверхностью около 4 десятин. На самом заводе 8 нерестных ящиков, в которых кишмя кишат рыбешки, чрезвычайно похожие на плавающие юркие булавочки. 1000 икринок с зародышами стоят 3 рубля, 100 трехлетних форелей, ростом до 5½ вершков — 55 рублей; рассылку делали по 24 губерниям. Объяснения, данные Гриммом, были очень любопытны; Великий Князь много расспрашивал о рыбных промыслах Белого моря и Ледовитого океана, предстоявших нашему посещению.

Не доезжая пяти верст до Валдая, на берегу небольшого Короцкого озера лежит село Короцкое; мы проехали сквозь него. Село это имеет право на то, чтобы быть упомянутым, потому что в нем родился и воспитывался до 14 лет святой Тихон Задонский. Он был хиротонисан в Петербурге, в Петропавловском соборе в 1761 году, и скончался в Задонском Богородицком монастыре в 1783-м. В селе Короцке две церкви; одна замечательно древняя, деревянная, Святого Николая. Она построена, как говорят, 200 лет назад, очень невелика, срублена из соснового леса и только недавно обита тесом. Стены ее бревенчатые, иконостас трехъярусный; пред иконами и в алтаре — деревянные точеные подсвечники; над алтарем деревянная сень; окна чрезвычайно малы. Над церковью один только куполок; подле нее, в выкрашенной зеленою краской ограде, похоронены отец святого Тихона Савва, его дед, бабка и другие родные.

Всего в одной версте от нее, опять-таки на берегу Короцкого озера, стоит Короцкий девичий общежительный, во имя святого Тихона, монастырь. Это бывшая Короцкая жен-

ская община, основанная после прославления святителя на пожертвования, поступившие со всей России; она была переименована в общежительный монастырь с Высочайшего соизволения 28 февраля 1881 года, то есть в последний день жизни Царя-Мученика, и составляет, следовательно, одно из последних деяний земного существования почивающего Александра II.

К обители подъехали мы часам к 8 вечера и были встречены колокольным звоном. Здания обители совершенно новые. Посредине возвышается храм о пяти куполах с шатровой колокольной, на лицевой стороне которой — что встречается нечасто — фресковые изображения Спасителя и Божией Матери. По сторонам церкви тянутся прямыми крыльями, жилые монастырские помещения. Иконостас в храме резной; налево, под сенью, рака с частицами мощей святителя Тихона; купол внутри о восьми парусах; на нем и по стенам фресковые изображения.

Великий Князь был встречен у дверей духовенством и инокинями, с игуменьей Верой во главе, в церкви отслушал молебен и, приложившись к святыне, откушал чашку чая в помещении настоятельницы. На дворе было так холодно, что окна помещения совершенно запотели и наружный термометр показывал 5°. Здесь, говорят, эти быстрые падения температуры не диво, а ветры постоянные. В монастыре 150 инокинь; ему принадлежит озеро и около 1000 десятин земли, так что средства невелики; но монахини сами пахут, сено косят и огородничают, и нет сомнения, что при том порядке, который поддерживается в монастыре, он будет преуспевать.

Около 9 часов вечера сквозь триумфальную арку Его Высочество въехал в Валдай и направился прямо в Троицкий собор.

Весь город полон еще следов страшных пожаров 1854 и 1881 годов, истребивших его дотла; много кирпичных стен гласит о том, что он был очень красиво обстроен. Собор — тоже пожарище, и служба идет во временном помещении, хотя, если глядеть на него снаружи, он кажется невредимым; как-то странно смотреть на древние массивные иконы, временно приютившиеся на выбеленной стене. Время основания собора неизвестно; нынешний начат построением

Валдайский Иверский монастырь

в 1694 году, но некоторые части его разобраны, другие пристроены; он много раз горел, и после пожара 1881 года возобновлены только придельные храмы; главный придел остается нетронутым в своем запустении, с черною копотью по стенам и порванными железными связями на полу и под куполом. Отслушав в придельной церкви многолетие, Его Высочество осмотрел пожарище прежнего собора и направился в отведенный ему для ночлега дом городского головы Якунина. Вид на город, при въезде в него от Демянска, очень красив: видно все Валдайское озеро и на одном из островов его, в густой зелени, Иверский монастырь; местность кругом безусловно гориста, и оттеняющая одна другую горы убегают вдаль во все стороны. Гора значится и в гербе Валдая. Имя Валдай, в старину Вольдай, Волюдай, упоминаемое впервые в новгородских летописях в 1495 году, «Валдайское селище» означает, по объяснению некоторых знающих лиц, отнюдь не какое-нибудь отношение к вольностям Новгорода и его

вечу, а гораздо более скромное, непритязательное своеобразное начало города.

Тут мимо озера шел когда-то большой скотопрогонный тракт, которым двигались к людному Новгороду гурты из наших нынешних низовых губерний; тут на вечно спорной границе Новгородских вечевых и Тверских княжеских владений стояло, вероятно, нечто вроде таможни невдали от нынешнего Яжелбицкого яма, на берегу озера, и отведены были для пастьбы и отдыха скота луга; скоту, пущенному на пастьбу, и давали волю. Другие говорят, что таможня взимала не деньгами, а волами: «вола дай». Есть мнение, производящее имя города от финского языческого бога Валды. По-видимому, раньше XVI века слово «Валдай» не встречается; направляясь к Новгороду, Иоанн IV выжег село до основания вместе с другими новгородскими селениями; в 1611 году разорил его швед Делгарди. При царе Алексее Михайловиче сюда были поселены пленные поляки, по присоединении Смоленска — белорусы, при Петре I — часть стрелецкого войска. В это время село было уже довольнолюдно и богато. Когда при Алексее Михайловиче патриарх Никон задумал и создал на близлежащем озере известный монастырь, то ему приписана была, между прочим, и Подозерная слобода, или Валдай: патриарх повелел именовать озеро Валдайское — Святым, село Валдай — Богородичным, а самый монастырь — Святоезерским. Село Богородичное, Валдай то ж, состояло под управлением монастырского приказа с 1764 года и при всеобщем отобрании крестьян от монастырей поступило в ведение коллегии экономии, а в 1770 сделано городом. С целью возможно большего заселения края в числе льгот, дарованных жителям указом 2 апреля 1772 года, значится освобождение от постоя и повелено было все расходы на учреждение городских и уездных присутственных мест производить из казны, что подтверждено в 1836 году, и на полицию назначено тогда же по 200 рублей ежегодно. Проведение Московского шоссе оживило и обогатило город; проведение Николаевской железной дороги, идущей отсюда в 38 верстах, сразу остановило его процветание.

Существует нечто вроде легенды о происхождении знаменитых валдайских колокольчиков, пользующихся всерос-

сийскою почетною известностью. Толкуют, будто царь Иван, сняв в Новгороде вечевой колокол, велел нести или везти его в Москву. Государева рать дошла до Валдая, и тяжесть ли колокола, трудность ли пути или просто желание царево, но колокол был разбит. Ушло царское войско, а черепки колокола остались лежать, и их-то подобрали валдайцы и стали лить свои колокольчики, и льют их преемственно до сих пор. Коротенький рассказец, не лишенный оригинальности и картинности. Это — легенда, но вот и историческое. 22 июня 1754 года, при императрице Елизавете Петровне произошло здесь из-за клочка земли великое побоище между валдайцами и зимогорцами; сторону первых принял монастырь, которому село принадлежало. Дралось до 10 000 человек; было много убитых и раненых; суд тянулся долго, много было наказанных, и только Высочайшим манифестом 1762 года, по случаю воцарения Екатерины II, остальные прощены.

На следующий день, рано утром, Великий Князь, после проверки делопроизводства в управлении воинского начальника, направился в экипажах в Валдайский Иверский монастырь. Если бы погода была мало-мальски хороша, мы переехали бы к монастырю на катере всего три версты; но так как северный ветер, называемый здесь кронштадтским, был очень силен, шел снег и порой град, то нам предстоял сухопутный объезд 18 верст в оба конца.

Валдайское озеро лежит в своих прихотливых холмистых извилах подле самого города к северо-востоку. На одном из островов этого озера, самом большом, стоит известная обитель иноческая, отчетливо видная из города, носящая довольно длинное наименование: Валдайского Иверского Святоезерского Богородицкого первоклассного монастыря. К этому монастырю, как мы сказали, при царе Алексее Михайловиче был приписан город, тогда еще село, Валдай; озеро имеет 25 верст в окружности и соединено узким проливчиком, называемым Копанью, с другим озером, Ужинским, имеющим в округе 10 верст. Остров весь оброс могучим еловым бором, и с одной стороны его устроен к матерому берегу плавучий мост, по которому мы и переехали.

Архимандрит Леонид в полном облачении, несмотря на снег и град, встретил Великого Князя у наружных врат и предшествовал ему в соборный храм, где отслужил моле-

бен. Иконостас пятиярусный, состоящий из одиночных изображений святых, обведенных резными золочеными, обвитыми виноградной лозой и кистями рамами; куполов пять; все они с восьмигранными шейками и покрыты, равно как четыре столба и стены, фресковой живописью. Влево от входа — рака с мощами святого Иакова Воровичского, вправо — чудотворная икона Иверской Божией Матери. У входа в собор портреты царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, основателя монастыря. Кругом всего собора идет крытая обходная галерея, в которой покоятся прежние настоятели, числом одиннадцать.

Тут же виднеются парадные носилки, на которых чудотворная икона совершает свои далекие крестные ходы. Ризница монастыря, осмотренная Великим Князем, особенно богата дарами патриарха Никона.

Обитель начала отстраиваться в 1653 году, по воле патриарха Никона. За двадцать лет до того, в качестве инок Соловецкого монастыря, Никон обитал на Анзерском острове, окруженном неприветливыми волнами Белого моря. Воспоминания об этом молодом подвижническом времени жизни были дороги патриарху, и он, пользуясь своим могуществом при царе Алексее Михайловиче, задумал создать монастырь на пустынном в те дни острове озера Валдайского. Монастырь был богато одарен угодьями. По ходатайству Никона, на Афонской горе была писана иконописцем Романовым точная копия иконы Иверской Богоматери, причем во время работы «иконописец токмо в субботу и воскресенье употреблял пищу, а братия по дважды в неделю совершали всенощные и литургии». Доску, на которой икона писана, многократно обливали святою водой, получавшеюся от обливания древней, оригинальной иконы, и, смешав ее со святыми мощами, дали иконописцу для прибавления к краскам. Новописанная икона, находящаяся в Валдайском монастыре, ничем не разнится от древней иконы: «ни длиною, ни шириною, ни ликом, только слово в слово аки старая». Четыре раза посетил Никон созданную им обитель Валдайскую, свое любимое детище; при втором посещении находился он при встрече мощей св. Иакова Боровичского, перенесенных сюда в 1654 году из Боровичского Свято-Духова монастыря, посещенного Великим Князем в прошлом году; при третьем

посещении, в 1656 году, привез он в дар монастырю названную выше икону Иверской Богоматери. По отречении Никола от патриаршего престола, строгость суда обрушилась и на созданные им три монастыря, в том числе и на Валдайский; монастыри повелено закрыть, а имения отобрать. Но определение это не исполнено, и грамотой 1668 года обители возвращены все ее прежние права.

В обители четыре церкви, иноков около 40 человек и земли около 3000 десятин, из них в главном острове 320. Вид на противулежащий Валдай от монастыря очень хорош.

По возвращении в город, при невероятно дурной погоде, вихре, снеге и резавшем лицо граде, Его Высочество прибыл к роте резервного батальона и произвел строевое учение, гимнастику и фехтование; затем посетил казармы, все их хозяйственные заведения и пробовал пищу. <...> Осмотр учреждений завершился посещением острога. Как здесь, так и в других городах Великий Князь обратил внимание на их переполнение арестантами в известные периоды времени: тюрьмы нередко вмещали в себе тройное и более число заключенных, чем то, на которое они в свое время были устроены.

Около 3-х часов пополудни Его Высочество отбыл по шоссе в Вышний Волочок.

Вышний Волочок

Гидротехнические сооружения. Сердюков. Былое Вышневолоцкой системы. Казанский монастырь. Богадельня Ермакова. Владимиро-Мариинский приют художников у истока Мсты.

От Валдая до Вышнего Волочка 85 верст старого Московско-Петербургского шоссе. Оно тянулось пред нами во всю дорогу нескончаемую, утомительно прямою линией; пейзаж монотонен в высшей степени; по пути изредка попадаются длинные села, бывшие ямы, в которых ютились и жили в довольстве ямщики самого бойкого, самого доходного до появления железной дороги тракта. Указ о его постройке состоялся в 1817 году, к работе приступили в 1820 году; в 1833 году оно было готово от Петербурга до Едрова, в 1839 году — полностью завершено. Трудно объяснить себе причину замечательной разницы между селами Новгородской и смежной с нею Тверской губерний, насколько первые представляют из себя образчики разрушения, настолько вторые обстроены хорошо. Условия существования, по-видимому, те же.

Обедал Великий Князь в Едрове; в селе Коломна отклонялся Его Высочеству начальник Новгородской губернии и представился начальник Тверской — Сомов.

В Волочок въезжали мы около полуночи: население города было на ногах, окна иллюминированы, местами светились смоляные огни. Ночь была темна, и общего вида на город мы не имели. Великий Князь направился в отведенный ему для ночлега дом Большаковой.

Вышний Волочок, без сомнения, один из типичнейших наших городов и, в некотором смысле, единственный, немножко Венеция. Суть города — если можно так выразиться — в его каналах и в чудовищном водном бассейне,

достойном всякого удивления: он питает Вышневолоцкую систему.

Рассказывают почти невероятное: будто водный бассейн Вышнего Волочка, с его 60-верстной округой и чудесами гидротехники, в настоящем виде сооружен при Петре Великом Сердюковым, не то татарин, не то русским, без многосложных проектов и смет, без комиссии и их рассмотрений и, наконец, безо всякого почти административного наблюдательного персонала. Несомненно, что бейшлот строили при Екатерине II. И это водохранилище почти без ремонта действует 100 лет. Толкуют, будто Сердюков заботился только о себе, что он построил мукомольную мельницу и сделал для нее запруду; бейшлот называется и до сегодня «заводским» в воспоминание сердюковской мельницы; каменный дом, окруженный аллеями, бегущими подле бассейна, современен тем дням и, несомненно, голландских очертаний, в общем вполне сохранившихся.

Вышний Волочок расположен на Тверском канале, Цне и Цнинском канале; тут водораздел Каспия и Балтики. Открытие Николаевской железной дороги и улучшение Мариинской системы нанесли системе Вышневолоцкой смертельный удар. Тридцать лет назад сквозь первый Мстинский шлюз, находящейся отсюда в 15 верстах, у истока Мсты из Мстинского озера, проходило до 10 000 барок; теперь проходит сотня-другая. До сих пор на берегу красивого, оживленного озера Мстино и по течению еще более красивой и оживленной Мсты стоят, осиротев, огромные двух- и трехэтажные деревянные здания, служившие когда-то трактирами и ночлегами многим, тысячам народу, шедшим на барках. Теперь все это пусто, вымерло, молчит. Шлюзы, ввиду их стоимости и возможного будущего, все-таки поддерживаются. Вышневолоцкая местность водораздела действительно чрезвычайно богата водой. Множество озер, частью искусственных, болот и речек, по сторонам Вышнего Волочка, Мсты и Тверцы шлюзованы, и запасы воды громадны. Запасы эти, несмотря на нынешнюю судьбы системы, все-таки необходимы, потому что они могут быть направлены в случае надобности и исключительно в Волгу, чрез Тверцу.

В 1785 году, в мае, Вышний Волочок дважды посетила императрица Екатерина II по пути в Москву и проез-

Вышний Волочок. Набережная Цны и летний собор

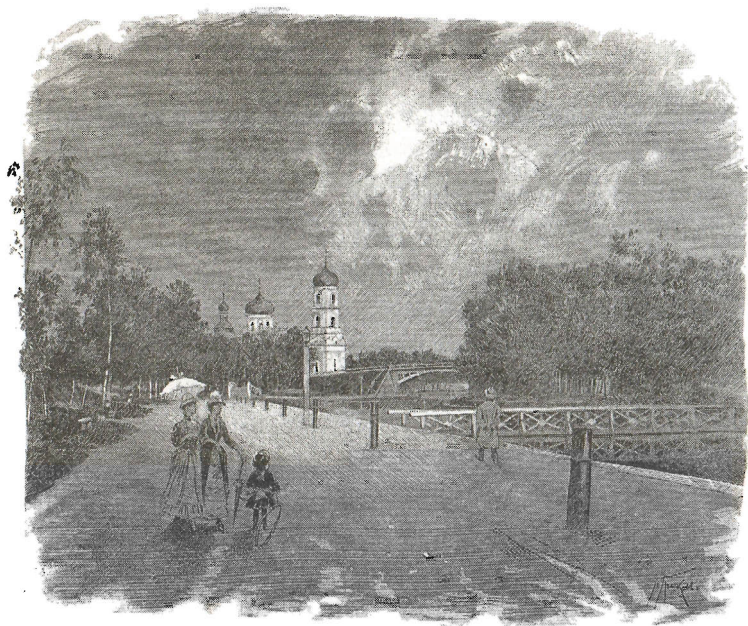
дом оттуда обратно на Боровичи, по Мсте, озеру Ильмену, Волхову, Ладожскому каналу и Неве. Путешествие это длилось с 24 мая по 20 июня. Въезд в Вышний Волочок был торжественный. Императрица молилась в церквях, дважды обходила шлюзы. В свите императрицы находились, в числе других, светлейший князь Потемкин и московский генерал-губернатор граф Брюс. 30 мая, значится в «Камерфурьерском церемониальном журнале», «в 3-м часу, ее императорское величество изволила воспрять отсутствие в путь» на Москву. В 1801 году, проездом на коронацию, был здесь также и император Александр I. В 1826 году, в глубокую зиму, прибыли в Вышний Волочок печальные останки его по пути из Таганрога.

Первый въезд Великого Князя утром 1 июля, в 9-м часу, был в собор; иконостас его трехъярусный, и весь собор в значительной степени покрыт фресками незначительной работы. От собора путь лежал за город, где в двух верстах от него под-

нимается богатый ряд зданий Казанского женского монастыря. Лет одиннадцать тому назад тут была пустошь и стояла простая часовенка с чудотворною иконой Казанской Божией Матери. Благодаря энергии управляющей и по сегодня монастырем игуменьи Досифеи, образована была подле часовни женская община, а в последний год царствования Александра II обращена она в монастырь. В нем около 500 инокинь, которые к приезду Великого Князя стояли шпалерами от въездных ворот до самого храма; глубокие поклоны их темных рядов справа и слева, пение хора, предшествовавшего Его Высочеству, множество народа и надо всем этим совершенно новая, красивая, в стиле Возрождения, со многими куполами, построенная соборная церковь представлялись очень картинно.

Чудотворная икона принадлежит не монастырю, а вышневолоцкому собору и находится в особо построенной для нее церкви. Великий Князь отслушал многолетие в обоих храмах и зашел вслед затем на чашку чая к матери игуменье. В числе портретов, висящих на стене ее помещения, виднелось в двух экземплярах изображение Петра Углицкого: очень типичное, отшельническое, обрамленное длинными седыми волосами; он был наставником игуменьи Досифеи и умер не очень давно. Не по его ли мысли явился и самый монастырь, едва ли не единственный по быстроте своего возникновения?

Заводский бейшлот, посещенный Его Высочеством, главное водохранилище Вышневолоцкой системы, находится в четырех верстах от города. Поверхность его покрывает 55 квадратных верст, и бассейн заключает в себе около 55 миллионов кубических сажен воды. На карте, представленной Великому Князю, очень ясно обозначалось прежнее течение реки Цны и Шлены и те рощи и поля, которые стусевались, ушли в огромный водный бассейн резервуара. Заводской гранитный бейшлот, подле которого стоит каменный дом голландской постройки, неоднократно посещавшийся Петром I, настолько стар, что, на всякий случай, ниже его, по направлению к городу, поставлен вспомогательный деревянный. Отсюда питается Вышневолоцкая система и может быть питаема Волга через Тверцу; говорят, существует и рассматривается проект приспособления для той же

Вышний Волочок. Набережная Цнийского канала.
Зимний собор

цели озера Селигера. При отъезде Его Высочества с бейшлота путейское начальство обратилось к нему с просьбой позволить поставить на этом месте его бюст в ознаменование того, что он был первым из лиц Царствующего Дома, после Петра I, посетивших это место. Согласие Великого Князя было дано.

С видимым удовольствием посетил вслед за тем Великий Князь расположенную в другом конце города богадельню Ермакова. Обидно, что такие благотворители, как Ермаковы, недостаточно известны у нас. В Волочке существует очень обширная бумагопрядильная и ткацкая фабрика товарищества Я. Я. Ермакова с сыновьями, возвышающаяся своими кирпичными стенами на самом берегу Цны. Я. Ермаков, отец нынешних собственников, оставил здешнюю богадельню на 160 человек и, закрепив за нею все здания, положил еще и капитал в 50 000 рублей. Этого мало; для поддержки действительно замечательной по роскоши и целесообраз-

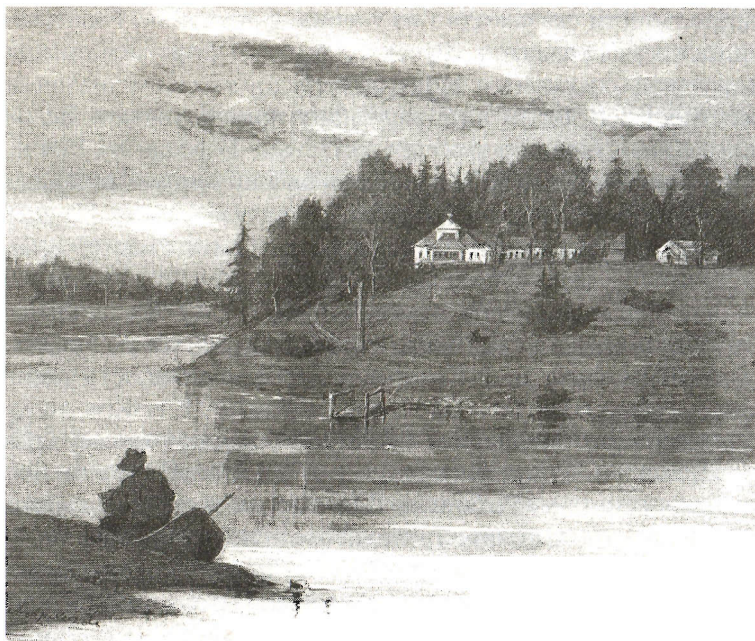
ности учреждение и сыновья покойного великодушно дают на богадельню «сколько нужно». И не только тут дают они «сколько нужно».

Есть Ермаковские приюты и Москве, и ублажают они старость целой тысячи старичков и старушек; да воздастся это им, благотворителям, сторицею! Портрет основателя, висящий в первой комнате, изображает человека глубоко симпатичной наружности. Великий Князь обошел решительно все помещения, останавливаясь преимущественно, как и всегда, у бывших военных.

Обозрение служебное началось в 9½ часов утра с управления уездного воинского начальника. <...>

К 2-м часам пополудни Его Высочество оставил Вышний Волочок, с тем чтобы проследовать на станции Мста и посетить Владимиро-Мариинский академический приют, открытый в прошлом году.

Дело в том, что в 20 верстах от Волочка, у самого истока Мсты из озера Мстино, стоит над озером довольно высокая гора. Местность очень красива; холмы, чуть-чуть пониже, окружают ее; две деревни и две усадьбы находятся подле; воды и зелени много. У самого источника Мсты воздвигнут грандиозный, в гранитном обрамлении, первый Мстинский шлюз. Во время процветания Вышневолоцкой системы тут была главная пульсация и сходились тысячи судов и тысячи народа. На этой горе возвышалось каменное здание, служившее местопребыванием начальника дистанции Вышневолоцкого округа путей сообщения. На этой горе во время рытья каналов часто жилал Петр I; этот дом на каменном фундаменте поставлен был Сердюковым для самого себя и возобновлен Екатериною II. Он оказался совершенно ненужным, когда прошли хорошие дни Вышневолоцкой системы, и он-то обращен теперь в академический приют. Цель его — дать возможность нашим академистам-художникам, проживая летом в очень красивой, разнообразной, типической местности, делать этюды, совершенствоваться, подготавливать картины, и не безучастны будут при этом и исторические воспоминания. Приют носит имя Великого Князя и его Августейшей Супруги; в прошлом году помещалось в нем семь академиков, в нынешнем — 29. Академисты получают на проезд, кроме того, малую стипендию и живут на всем готовом,

Городок у Мстинского шлюза

подчиняясь одному начальствующему лицу. Попечителем приюта состоит В. А. Кокорев, усадьба которого находится близехонько, на противоположном берегу Мсты. Заметим, что в 1785 году, 10 июня, ровно сто лет тому назад, Екатерина II, возвращаясь из Москвы, обедала в здании нынешнего приюта, называвшемся тогда «городком, что при Мстинском шлюзе». Мысль учреждения этого приюта и оригинальна, и удачна, и принадлежит Великому Князю, президенту академии художеств, а осуществление — В. А. Кокореву.

В начале 4-го часа подъехали мы к приюту; у входной арки, обвитой зеленью, встречен был Его Высочество попечителем приюта. Хор музыки, нарочно выписанный им из Петербурга, не мог покрыть своими звуками гудевшего из толпы народа «ура!». Великий Князь проследовал прямо в роскошный, только что отстроенный попечителем и поднесенный Его Высочеству в дар павильон. Здесь представились Великому Князю начальствующие лица, гости хозяина и все обитатели приюта; приветственную речь с выражением глубокой при-

знательности сказал один из учеников академии. Находившийся здесь редактор «Русского Архива» Бартенев прочел мастерски составленное описание исторического значения местности. В числи лиц, желавших приветствовать Великого Князя, были профессора академии: Верещагин, Вениг, Орловский и Якобий, бывший московский голова Третьяков и редактор «Вестника Изыщных Искусств» Сомов. Из зданий приюта два назначены для жилья, одно под мастерскую, остальные — хозяйственные. Местность, как сказано, очень живописна; вода, зелень, холмы, ближние села образуют один из выделяющихся своею миловидностью пейзажей. Совсем русский человек, В. А. Кокорев дал нам возможность услышать хорошую игру на гуслях и на балалайке. К вечеру, когда значительно стемнело, Его Высочество, пожелав приюту пресуспения и поблагодарив радушного попечителя и хозяина, отбыл на станцию Рыбинско-Бологовской железной дороги Мста, где нас ожидал экстренный поезд, иллюминация станции, те же бесконечные крики «ура!». Поезд отошел к Бежецку, согласно маршруту, ровно в 11 часов вечера.

Бежецк

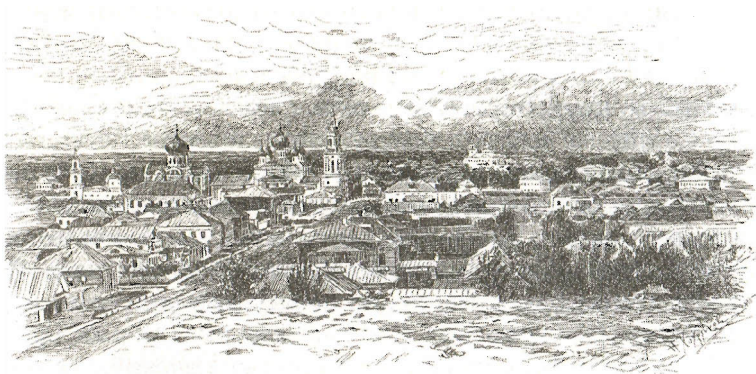
Историческое. Происхождение имени. Процветание города.

В Бежецк, на одну из станций Рыбинско-Бологовской железной дороги, Великий Князь прибыл 2 июня в начале 10-го часа утра. Приняв на станции начальствующих лиц московского военного округа, временно командующего войсками генерала от инфантерии Ганецкого 2-го, начальника кадров гвардейского кавалерийского запаса генерал-лейтенанта Томановского, начальника штаба московского военного округа генерал-майора Духовского и начальника 18-й местной резервной бригады генерал-лейтенанта Курлова и обойдя под звуки драгунского марша почетный караул из чинов 2-го кадра гвардейского кавалерийского запаса, Его Высочество направился вдоль расцвеченных флагами и гирляндами, обрамленных народом улиц в собор и принял на пути выстроенный подле отведенного ему дома почетный караул от местной команды. Мы проехали мимо старейшей церкви города, Введенской, с ее небольшими синими куполами и отдельно стоящею шатровою колокольней. Внутренность собора характерна тем, что из числа четырех массивных круглых столбов, поддерживающих барабан купола, два вошли в иконостас и закрыты его богатыми резными украшениями, вследствие чего алтарная часть церкви очень просторна, так как она занимает почти треть ее.

Бежецк был когда-то центральным местом Новгородской пятины того же имени и упоминается уже в уставе 1137 года о денежных взносах в пользу новгородских епископов. Характерно, что перечисления всяких взносов, даней, пошлин, всевозможные виды фиска доставляют у нас исто-

рическим исследованиям значительную долю опоры; исчезли люди, города, области, а скромная цифирь той или другой повинности неуклонно говорит исследователю о том, что было. В помянутом уставе, между прочим, сказано: «А се бежитьской ряд: в Бежичех с гривен и 8 кун, в Городецке полняты гривны» и т. д.

Бежецк, Бежичи находился прежде на другом месте, на 11-й версте ниже по течению Мологи, там, где теперь село Бежицы. Построен он новгородцами, бежавшими «от гибели и нестроения» из своего города. Легендарные сведения восходят до X века и даже далее, ко временам Гостомысла. В 1245 году в Бежецкой пятине имел место несчастный бой с литвой, но подоспевшая от Новгорода помощь восстановила дело и отняла всех взятых в плен в Бежецке. После 1273 года, вследствие разгрома старого города тверским князем Святославом Ярославичем, новгородцы стали возобновлять его на новом, нынешнем месте, вверх по течению; отсюда летописное название — Бежецкий Верх. Великий князь Василий Дмитриевич отнял Бежецк в 1396 году от Новгорода, но потом возвратил его, потому что в новгородской договорной грамоте с князем Тверским, 1426 года, говорится, что тверская граница проходит мимо Бежецкого Верха. Бежецкий Верх был razорен Василием Косым, когда он в 1435 году шел из Костромы в обход на Москву. Бежецкий Верх был границей новгородских владений и в 1436 году и в следующие два года дважды ограблен князем Тверским в наезде его на Торжок. В 1449 году Бежецкий Верх был уступлен Василием Темным князю Можайскому после примирения с ним, а в духовном завещании 1461 года Василий Темный передал его уже как свою собственность в наследство Иоанну III. Но упрямые новгородцы все-таки считали его своим и указывали на это, договариваясь с Казимиром Польским, принявшим любезное посредничество для уложения распри Новгорода с Москвой. После подчинения Новгорода Иоанном III не могло быть более и речи о принадлежности Бежецка той или другой стороне. Он сохранил предел пятины до Петра I. Иоанн III построил в Бежецке укрепление — новый город, острог и посад; еще до того времени существовал тут монастырь Введенский, упраздненный в 1764 году; вместе с ним упразднен

Общий вид Бежецка

был и женский Крестовоздвиженский, просуществовавший только 80 лет.

По возвращении из собора Великий Князь остановился для приема властей в доме купца Неворотина. Может быть, фамилия эта имеет некоторые общие причины происхождения с именем самого города. Когда в Новгороде почти тысяча лет тому назад, согласно новгородской летописи, были «распри велицы и побегоша мнози от гибели и нестроения крыющиеся в отдаленных и пустых местах Новгородского владения», и поселившиеся здесь люди стали называться бежичанами, бежавшими, то некоторые из них домой «не воротились».

Расположен городок очень весело на холмах при реке Мологе; он много оживляется присутствием наших гвардейцев 1-го кавалерийского запаса. По-видимому, это место злачное для кавалерии, так как сено в настоящую минуту стоит только 10 коп. пуд. Главная торговля производится мешками, около 1½ миллиона штук, на 300 000 руб., идущими отсюда в Рыбинск, Нижний и Москву. Проведение железной дороги немало помогло городу, относящемуся к гвардейскому кадру очень внимательно, так как за последнее время постройки для него обошлись городу около 35 000 руб. С 1872 года существует городской общественный банк; баланс его в текущем году 321 000 руб. Жителей в Бежецке 8700; доходы города достигают 33 000 руб.

По приеме властей Великий Князь направился в казармы местной команды, произведя которой смотр и обойдя казармы, кухню и столовую, посетил острог и земскую больницу. Смотр 2-му кадру гвардейского кавалерийского запаса заключался в поверке пешего строя: ружейных приемов, перестроений и церемониального марша, а также в езде на молодых лошадях кадровых отделений — конно-гренадерского, уланского и гусарского Его Величества полков. При прохождении мимо Великого Князя всадников, справа по одному, каждый из них называл выезженную им лошадь как по имени, так и по месту происхождения. Посетив кадровые казармы, приемный покой, столовую, кухни, конюшни, конский лазарет и манеж, Великий Князь благодарил за найденный порядок как начальника кадра, так и начальников отделений и всех офицеров. Нижним чинам неоднократно выражено спасибо. Осведомясь, что обширные и удобные казармы были выстроены без особой от казны субсидии и выслушав доклад ближайшего начальства об участии и сочувствии к войску городского головы, Его Высочество удостоил его подания руки и милостивой благодарности. <...>

В 2 часа мы были вновь в вагонах нашего поезда и двинулись к Рыбинску.

Рыбинск

Царская рыбная слобода. Центр Мариинской системы. Судьбы Крюхина, Белозерска, Череповца. Возникновение пароходства на Волге. Данные о движении грузов. Сравнение трех систем. Собор. Канатная фабрика и судостроительный завод Журавлева. Биржа. Гавань. Речная полиция.

К Рыбинску Его Высочество прибыл около 6 часов вечера и был встречен на вокзале железной дороги командиром 13-го армейского корпуса генерал-адъютантом Манзеем, начальником 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом Даниловым и начальником Ярославской губернии Левшиным и немедленно направился к собору. Город, обыкновенно оживленный в это самое горячее для него время, был как полная чаша полон людьми, и если бы — это говорится без преувеличения — кому-либо вздумалось пройтись по головам, то это могло бы быть исполнено с достаточным удобством. Можно представить себе гудение и возгласы этой толпы. Собор очень красив и покрыт могучим куполом: множество икон одеты богатыми ризами, вкладом нашего богатого волжского купечества. Отслушав многолетие, Великий Князь отправился в дом М. Н. Журавлева и принял перед ним почетный караул со знаменем от 1-й роты Волховского полка.

Рыбинск основан неизвестно когда, но уже в 1137 году платил «волжскую гривну» и назывался тогда Рыбанск. В 1504 году «Рыбная слобода» отказана была в завещании Иоанном III старшему сыну его Василию, с обязательством для жителей ловить рыбу для дворца. При Михаиле Федоровиче назывался он «дворцовой ловецкою слободой». Он стал быстро возрастать с возникновением Петербурга и сделан уездным в 1777 году. Живет Рыбинск перегрузкой с большого волжского пути на пять отдаленных водяных и железных путей, идущих к Петербургу.

В Мариинской системе одним из существенных узлов, является Рыбинск. Мариинская система положительно подавляет все остальные, что очень хорошо видно из следующей таблички, приведенной в сочинении г. Прокофьева: «Наше судоходство». За последнее пятилетие наши три водные системы перевозили от Рыбинска к Петербургу:

	Пудов	Число судов	Суток
Мариинская	34 265 000	2594	62–67
Вышневолоцкая	8 723 000	615	40–80
Тихвинская	1 381 000	896	15–25

Это преобладающее значение Мариинской системы выяснилось не сразу; не сразу занял и Рыбинск то положение, которое занимает теперь. Согласно колебанию различных порядков водяного пути, те или другие местности Мариинской системы поочередно обмирали или оживали. Тогда как на Вышневолоцкой и Тихвинской системах не появилось за долгие годы ни одной новой лодчонки, на первой ходят все те же барки, на второй — те же тихвинки и соминки. Мариинская система то и дело применяла новое. «Водяная команда» ее следовала изменениям системы, на которой чистили фарватер, вводили пароходство, ускоряли ход судов, увеличив их вместимость. Теперь даже трудно представить себе то время, когда, словно черепахи, ходили расшивы и тянули их бурлаки. До прорытия Белозерского канала большинство волжских грузов шло по Вышневолоцкой системе; главными двигателями были тогда белозерцы и крохинцы: им одним принадлежали лодки-белозерки, единственный флот Белого озера, числом до 400. Они шли до Вытегры или Вознесенья, разгружались и возвращались назад за вторым и третьим грузом. Белозерцы и крохинцы были монополистами по озеру и Шексне; они были лоцманами, шкиперами и коренными: они одни строили суда в то время, когда постройка одной белозерки стоила двадцати унжаков; богатство прилиvalo к ним.

Но судьбы переменчивы. С прорытием Белозерского канала в 1846 году прежде всего пал Крохин; там теперь почти ничего более не строят, а лоцманов и шкиперов не надо.

Белозерск поддерживается только тем, что в нем живут летом путинные рабочие и проедают свои заработки. Судь-

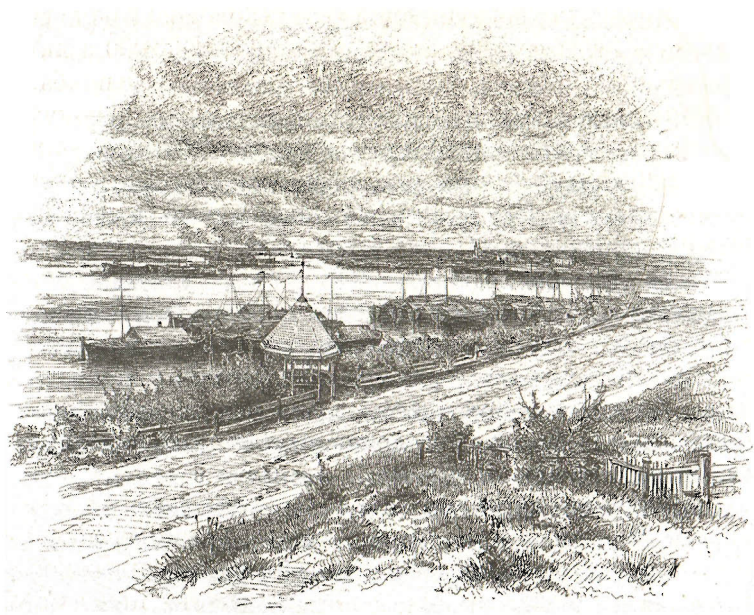
бы Крохина и Белозерска — судьбы временно возникающих торгово-промышленных центров. Их счастье перехватили Череповец и Рыбинск; Рыбинск сам завел тихвинки, межеумки, унжаки; последние вытеснили все дорогие суда, так как они переживают только одну воду и идут потом на дрова. Потянулись из Рыбинска разнообразные суда не в одиночку, а караванами. Для этого нужна была лошадь, и с пятидесятих годов, по исправлении бечевников, лошадь победила человека. Да и как было не победить ей, когда подле Шексны заливных лугов много, и лошадь обходилась дешевле человека. Все харчевни по пути взяли в свои руки череповцы; они богатели благодаря порогам и заливным лугам; они пошли бы и дальше Коленца, но дальше встретили их Кирилловны, да и рыбинские не теряли времени: они тоже колонизовали Шексну.

С 1843 года учреждено было первое пароходное «Общество по Волге»; машины привезены из Голландии, собирались в Рыбинске. С 1854 года устроено кабестанное¹⁸ пароходство и первым был пароход «Опыт»; кабестаны, маленькие пароходики которых завозили вперед якоря, исчезли, как неподходящая более форма; исчезли и предшествовавшие им коноводки, имевшие по 300—400 лошадей. Ныне умерший Н. Журавлев имел 4 коноводки и сам принялся за постройку сначала кабестанов, — машины делались на Выксунских заводах, — а потом и буксирных; с 1862 года сосредоточил он постройку пароходов в Рыбинске, как буксирных, так и пассажирских, и в 1879 году выпустил первую наливную шхуну «Шексна», для перевоза нефти из Баку; иностранцы напрасно утверждают в «Economist», что наливные шхуны — их изобретение.

С развитием работы паром прошло время исключительности конной тяги и ужасов сибирской язвы, цветущее время местных коноводов, но Рыбинск богатеть продолжает. В нем строят до 1000 судов, в нем идет валовая перегрузка на железную дорогу или на суда меньших размеров

По 1 октября 1884 года из Рыбинска отправлено было разных судов 4782, а именно:

¹⁸ Кабестан — паровое судно, двигавшееся с помощью завозимого вперед якоря.

Слияние Шексны с Волгой

	По перегрузке	Без перегрузки
По Волге	1414	300
По Шексне	2274	198
По Мологе	502	94

Преобладающее значение Шексны и важность для Рыбинска перегрузки видны из этой таблички очень ясно. Значительное число грузов направилось по Рыбинско-Бологовской дороге. По воде и рельсам прошло:

Пшеницы чистые	3 283 161
Овса	3 842 099
Соли пудов	3 294 487

Это крупнейшие цифры; но если бы перечислить все рубрики, число их 37 различных, грузов, значащихся в сведениях местного биржевого комитета, то пришлось бы дойти до десятков миллионов. От каждой перегружаемой четверти Рыбинск получает свой доход; приносят ему доход и зиму-

ющие грузы. Для показания широты рынка достаточно сказать, что в 1884 году прибыло: пустых мешков 600 000, а рогож и кулей 530 000 штук. Наполните их содержимым и прибавьте к тому, что привезено в мешках и кулях, и вы получите ясное понятие о грузовых массах, идущих чрез Рыбинск и лежащих в его амбарах и на пристанях. Ко времени нашего приезда на Волге и Шексне стояло около 1500 судов разных наименований.

По приеме властей, уже к вечеру, Великий Князь отправился на пароход министерства путей сообщения «Ярославль» на канатную фабрику и механический и судостроительный завод М. Н. Журавлева, находящиеся в пяти верстах от города на Шексне, в трех верстах от ее впадения в Волгу. Когда пароход отваливал, вид на высокий берег Волги был восхитительный. Все откосы берега, вся далекая набережная были словно усыпаны людьми, и докуда мог видеть глаз эту набережную — виднелась темною полоской необозримая толпа, тянувшаяся вдоль зеленевших откосов и высоких каменных домов. Со всех судов неслись клики, а судов, уставленных правильными рядами, было видимо-невидимо; виднелись могучие беляны с домиками, над ними виднелись не меньшие, чем оне, расшивы; даже допотопная коноводка и та присоседилась к ним, поражая глаз своею неуклюжестью и несовременностью. При проезде нашего парохода пущены были в ход брандспойты пожарных пароходов, окрашенных ярко-красною краской; их три: один из них назван «Сберегатель», и все они построены только за последнее пятилетие, на «остатки» от разных ассигнований.

На самом устье Шексны расположены с двух сторон села Васильевское и Покровское. Канатная фабрика Журавлева, представившегося Его Высочеству еще раньше, одна из самых больших не только у нас, но и по сравнению с иностранными. Длина строения, в котором тянутся и свиваются канаты, 240 сажень, и оно трехэтажное; этой длины совершенно достаточно, так как канаты не делаются длиннее 180 сажень; самые крупные имеют 16 дюймов в окружности. Очень оригинально попискивание многих сотен барабанчиков, участвующих в свивании прядей: это какой-то шумный концерт охрипших соловьев. Любо-

пытнее других тягальная машина, в которой на протяжении каких-нибудь 5–10 дюймов из нескольких десятков отдельных прядей получается, вытягивается сразу свернутая веревка. Человеку, не знакомому с делом, как большинство посетителей, приходится услышать тут совершенно незнакомые наименования: стренга, пасем и т. д. На фабрике 450 рабочих; канатов готовит она в год 115–120 000 пудов, по продажной пене на 670 000 рублей; идут отсюда канаты и веревки всех сортов на Черное, Азовское и Каспийское моря, на суда и рыбную ловлю; так как в последнее время кожаные ремни на машинах стали заменяться канатами, то крупною потребительницей их является Москва. Великий Князь подробно осматривал все работы, посетил котельную, сварочную, механическую, а также верфь. Механический завод выпускает ежегодно 4–5 пароходов, преимущественно буксирных в железных корпусах, с нефтяным отоплением. Здесь же выделяются и некоторые заводские машины и приспособления; при нас находилась в работе седьмая по счету машина для 150-сильной мельницы. Есть тут также крупчатный паровой завод, конный завод на 70 голов и ферма на 20 голов рогатого скота. Очень хороша заводская больница на 30 человек, тоже осмотренная Великим Князем. Заметим, что все служащие на фабрике и заводе — русские, и дело от этого идет далеко не хуже, чем с иностранцами, столь любимыми нами.

Если картинно было отплытие на завод, то возвращение было еще картиннее. Когда по тихой, блестящей в полумраке Волге возвращались мы к городу, набережная Рыбинска горела огнями и особенно ярко обозначалась, как и следовало, Рыбинская биржа. Нужно отдать полную справедливость тому удивительному порядку, который царствовал на улицах при проезде Его Высочества между живых стен ликовавшего народа. Пришлое население, как оно ни пестро, сдерживалось по сторонам без малейшей суматохи, а для этого нужно было действительно великое искусство.

Рыбинская речная полиция имеет пароход в 30 сил, выбрасывающий 350 ведер воды в минуту, и винтовую лодку, выбрасывающую 550; при пароходе есть приспособле-

ния тушения паром. Хорошо устроена и городская пожарная команда с шестью паровыми машинами, из которых одна выбрасывает 300 ведер воды в минуту.

Нам не удалось видеть гавань, устроенную городским обществом с затратою 420 000 рублей. Цель ее — доставить удобство разгрузки в амбары, принадлежащие городу и вмещающие до 8 миллионов пудов, и на железную дорогу, для дальнейшего следования. Кроме того, в гавани ютятся на зиму 50 больших волжских барж, до 20 пароходов и мелких судов до сотни; устроена гавань шлюзованием речки Черемхи и прорытием вместо старого ее устья канавы; в гавани имеется и док для починки.

Вечер заключился представлением в театре, данным городом в честь Его Высочества.

На следующее утро массы народа двинулись к лагерю Болховского полка; в ожидании проезда Великого Князя полк был выстроен впереди первой линейки в батальонных колоннах в одну линию; на правом фланге его стояли высшие начальствующие над ними лица. Около 9 часов утра, объехав весело смотревшие ряды, Его Высочество пропустил полк церемониальным маршем два раза, ротами и батальонами, причем полковой командир назвал фамилии батальонных и ротных командиров. После этого Великий Князь назначил одному батальону батальонное учение; из другого батальона одной роты — ротное, уставное; из третьего батальона — одной полуроте гимнастику, а другой — фехтование и, наконец, из новобранцев четвертого батальона была сформирована для учения сводная рота, которая проделала все эволюции, начиная от ружейных приемов, как обыкновенных, так и ефрейторских, до более сложных перестроений. Во время учения батальона за ходом следил командир полка, за учениями рот следили командиры соответствующих батальонов.

По производстве этой подробной и всесторонней пробы хода подготовительных учебных занятий, Великий Князь направился в лагерь, где, обращая особенное внимание на его санитарные условия, заходил в несколько солдатских и офицерских палаток и осчастливил посещением барак полкового командира. Обойдя столовые и кухни, испробовав пищу и посетив офицерское собрание, Его Высоче-

ство обратился к собранным там офицерам полка и выразил им произведенное на него смотром приятное впечатление. «Все, что я видел, — сказал он, — доказывает мне правильность одиночного образования людей, вообще успех в производстве зимних занятий, а общий повсюду вид свидетельствует о строгом утверждении в полку внутреннего порядка и примерной заботливости о благосостоянии людей. За труды ваши я тем более счастлив благодарить вас, что могу сделать это именем Государя Императора, по Высочайшему повелению которого указано мне производство смотров войскам московского военного округа». Ответом на эти слова было дружное офицерское «ура!», подхваченное по всему лагерю. Посетив затем тюремный замок, городскую больницу, казарму Болховского полка, Его Высочество произвел смотр местной команде и обошел все ее помещения. В управлении уездного воинского начальника Великий Князь потребовал сведенья о наличном состоянии запаса, с тем чтобы убедиться, насколько средства уезда соответствуют требованиям, предъявленным к нему расписанием главного штаба, причем проследил ход установленной в этом отношении отчетности, интересуясь результатами сличения сведений управления воинского начальника с соответствующими данными местного полицейского управления, а также и организацией сборного пункта. Ознакомившись с порядком перечисления людей из запаса в отставку и формирования ополчения, Его Высочество выслушал доклад воинского начальника о всех его действиях по приему и отправлению в войска новобранцев последнего призыва.

Следуя в городскую думу, Великий Князь посетил биржевое купечество, собравшееся в своей сравнительно необширной биржевой зале. Здесь он видел образцы всех товаров,двигающихся по нашим водным системам, и выслушивал разъяснения сведущих людей об условиях производства, обработки и транзита их к местам назначения. Выразив купечеству пожелание дальнейшего процветания, вписал свое имя в книгу посетителей биржи. Сообщено было характерное сведенье, что здание биржи давно уже было отстроено, а купечество, как исстари, продолжало собираться под открытым небом на так называемом «толчке», на Крестовой площади.

Только с 1880 года, благодаря особому случаю, биржевой зал был предпочтен толчку.

В 3-м часу последовал отъезд Великого Князя в Ярославль. Проводы были шумнее и многолюднее встречи. В память посещения Его Высочества учреждена купцом Фроловым в строящейся больнице для судорабочих стипендия его имени. Его Высочество выразил пожелание, чтобы больные, пользующиеся этою кроватью, не умирали.

Волга от Рыбинска до Ярославля

*Романов-Борисоглебск. Толгский монастырь. Легенды. Храмы.
Авраамовские постройки. Кедровая роща. Полушкина роща
под Ярославлем.*

Около 3-х часов дня 3 июня Великий Князь был уже на пристани, чтобы отбыть к Ярославлю на пароходе «Ярославль». Описывать впечатление берега, залитого народом, опускавшимся с откосов широким живым потоком к самой воде, значило бы повторяться. Кликам не было конца, и густой, басистый свисток нашего парохода положительно тонул в этих волнах звуков «ура», несшихся отовсюду.

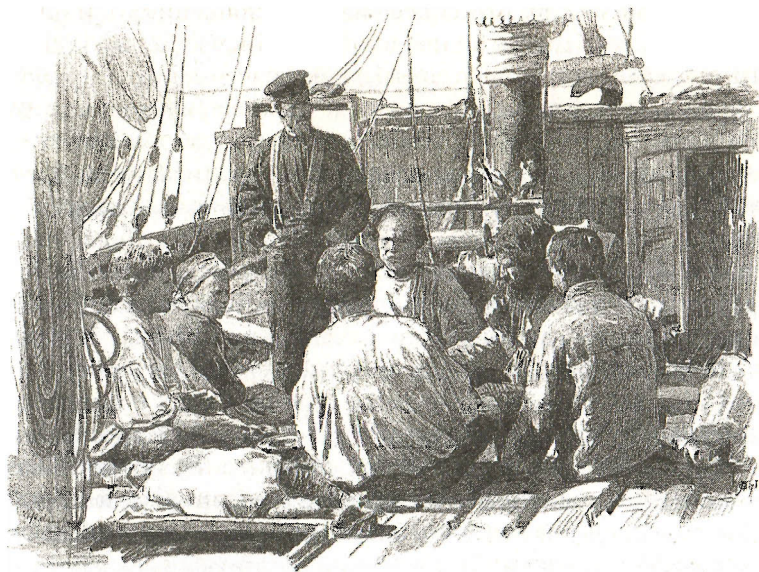
Как красива, как оживлена Волга между Рыбинском и Ярославлем! Она еще не очень широка здесь, и оба берега, отступающие назад при движении парохода, кажутся вам с высокой палубы так близки, близки! Села, приселки, церкви, усадьбы, гостиницы, фабрики бегут справа и слева. Над желтоватою водой колеблются пестрые флаги судов и мелькают их названия, выписанные очень четко, но далеко не изящно; на палубах и полупалубах ползущих и проплывающих барок, барж, лодок, полулодок и коломенок, имеющих каждая свою особенную физиономию, очень хорошо здесь известную и весьма самостоятельную, видите вы везде настоящих русских людей, без других маскирующих их элементов.

На Волге русский человек дышит полною грудью. Волга не приняла еще здесь своей обычной, довольно утомительной физиономии нагорного и лугового берега. Оба они еще спорят друг с дружкой, которому одолеть, порой перебегая, словно отыскивая свои места. Подле Романова-Борисоглебска они оба круты и высоки, и оба города смотрят на нас с двух сторон. К Романову подъезжали мы около 5 часов. Паро-

ход наш был только еще подле первой, ближайшей к нам по пути, древней церкви Казанской Божией Матери, как понесся навстречу к нам от далекой пристани настоящий грохот «ура!» и густой колокольный звон. Пока пароход описывал по Волге широкую дугу, чтобы пристать к пристани против течения, нельзя было не любоваться тем, что мы видели. Крутой, высокий берег у Романова, подле пристани, прорезывается глубоким оврагом, и тут-то именно, по обоим скатам, и ярком свете солнца под голубым небом, были как бы разостланы два ковра, составленные из пестрых масс людских, это были как бы два живые людские конуса; тут взлетали черные шапки, мелькали белые платки, реявшие, будто белые мотыльки над цветистой травой. Сойдя с парохода, Великий Князь принял караул от 8-й роты 83-го резервного батальона и местных властей. Здесь же Великому Князю поднесены были два романовские полушубка, которые в дальнейшем путешествии нашем на север могут оказаться далеко не лишними.

Город Романов, лежащий на левом берегу, к которому мы пристали, поминается впервые в XIV веке, с именем князя Романа Владимировича; Борисоглебск, лежащий напротив, — не ранее XV. Оба они сделаны были уездными городами в 1777 году, а слиты в один в 1822. На каждой из сторон Волги кустится зелень садов, виднеются церкви и строения, теснящиеся вдоль кручи самого берега. Как декорация, это одна из самых законченных, с первыми и вторыми планами и дальними перспективами извивающейся и уходящей в даль Волги. Милостиво простившись с войсками и народом, Его Высочество взошел на пароход, и мы двинулись немедленно дальше.

За Романовым-Борисоглебском живописность берегов и их населенность остаются те же самые. Не доезжая восьми верст до Ярославля, на правом берегу раскинулась знаменитая Норская мануфактура бумажных и льняных изделий, принадлежащая товариществу, главными пайщиками которого состоят гг. Хлудов, Прохоров и Прохорова. Она открыта в 1860 году, имеет до 1800 рабочих и двухмиллионный годовой оборот. Лен, кудель и льняные очески приобретаются из ближайших губерний, а хлопок идет сюда из Америки и Египта. Фабрика вырабатывает пря-

Обед судорабочих на волжской полубарке

жи бумажной и льняной по 75 000 пудов каждой. Посещение этой фабрики в наш маршрут не входило, и она, будто декорация, оживленная людьми, быстро пронеслась перед нами.

Почти что наискось фабрики, на левом берегу Волги, как прямая противоположность движению и шуму мануфактуры, замкнувшись в белокаменную ограду свою, из-за которой виднеется темная зелень кедров, выступает Толгский монастырь, получивший имя свое от протекающей тут речки Толгоболки. Зеленые, синие и жестяные купола, белизна ограды в бойницах, розовая окраска одного из монастырских храмов, местами изразцовые украшения стен — производит впечатление очень пестрое, отчасти сглаживающееся темною, задумчивою зеленью кедров, высящихся из-за стен. Основан монастырь в 1314 году, при Ярославском князе Давиде Федоровиче Святом, на месте явления иконы Божией Матери святителю Трифону. Явление это было очень картинно. Святитель возвращался из обозрения своей паствы и велел своим спутникам, слугам и сторожам раскинуть к ночи на пустынном

тогда месте шатер. Когда все спали, и священники, и клирики, ему сопутствовавшие, пробудившись в полночь, святитель замечает, что шатер его озарен светом, шедшим снаружи. Он вышел из шатра и видит всю необъятную страну за Волгой, поросшую в те дни дремучим бором, озаренною светом, а через Волгу перекинулся будто бы световой мост. Святитель, никого не разбудив и взяв жезл свой, спустился к реке и пошел по этому мосту, чувствуя его под ногами, и видит он там, где сияние было сильнейшим, икону Богоматери. Помолившись иконе, он по тому же мосту вернулся на свой берег, нашел всех спящими, как прежде, и сам уснул. Наутро пришло время собираться в путь; но святитель, шествуя ночью в видении, забыл на том берегу свой жезл. Посланные за ним, по его указанию, слуги переплыли реку в лодке и действительно нашли посох, а подле между деревьями и икону. К полудню того же дня была уже отстроена на берегу церковь и икона внесена в нее. Это начало монастыря.

В 1553 году царь Иоанн Васильевич, возвращаясь из Кирилло-Белозерского монастыря и будучи одержим болезнью в ногах, посетил Толгский монастырь и получил исцеление; в 1609 году монастырь разграблен литовцами и русскими изменниками и 46 иноков и послушников перебито. В 1681 году патриарх Никон, возвращаясь из заточения, настигнутый предсмертным изнеможением, пристал у монастыря и причащался; тут произошла трогательная встреча его, умирающего, и сосланного сюда же архимандрита Ярославского Спасского монастыря Сергия, когда-то судившего патриарха и более других досаждавшего ему. «Брате Сергие! — сказал ему умирающий Никон. — Восстани, сотвориши прощение», — и старцы помирились. В 1683 году посетил монастырь царь Феодор Алексеевич; в 1763 — императрица Екатерина II; в 1863 покойный цесаревич Николай Александрович.

Соборный храм Введения, о пяти зеленых главах на розовых шейках и при нем отдельная колокольня, построен в самом конце XVII века; кроме него в монастыре есть еще три церкви. Главная святыня — икона Божией матери, просиявшая над Волгой; она писана древним греческим письмом на доске и убрана жемчужною и алмазною

ризой. Икона эта совершает ежегодно четыре крестные хода. Иконостас изобилует золочеными витыми столбами с виноградными гроздьями; все стены покрыты фресками, голубой фон которых бросается в глаза; в куполе громадный Деисус. В орнаментику наружных стен входят, как сказано было, местами цветные изразцы. Здания монастырские очень велики. Ограда 550 сажен длины, имеет 9 аршин вышины и 3 толщины и снабжена девятью башнями. Она опоясывает монастырь как бы широкою белою тесьмой, из-за которой резко выделяется темная зелень старинных сибирских кедров, расстилающих горизонтально свои длинные, оттененные мягкими иглами ветви. Когда построена стена, когда посажены кедр — неизвестно. Монастырь имеет игуменов и архимандритов с 1392 года — 68; сколько было их до того времени, тоже неизвестно. С 1834 по 1844 год заведовал им жительствовавший на покое преосвященный Авраам, управлявший до того ярославскою кафедрою с 1824 года и отличавшийся особенным рвением в ломке и перестройке древних церквей. Много сокрушено было за его время бесценных памятников одной из старейших епархий русских; для новых построек создавал Авраам свои планы, и здания эти известны под именем «авраамовских построек». С каким-то особенным рвением преследовал он колокольни; так поступлено с колокольнями ярославского кафедрального собора и толгскою монастырскою; рисунок последней, 1806 года, сохранился: она была красива и типична, нынешняя авраамовская — бесхарактерна. Толгский монастырь пестрит архитектурной длительностью Авраама; случайно уцелел и красив в своей простоте придел Святого Федора, Давида и Константина.

Великий Князь, сойдя на берег, подошел к воротам, в которых ожидал его с монашеством по сторонам архимандрит Павел. Прослушав в храме многолетие и поклонившись иконам, Его Высочество обошел знаменитую кедровую рощу, на одном из кедров которой явилась икона, о чем свидетельствуют надпись и лампада, и возвратился на пароход, сопровождаемый и тут народом, входившим даже в воду, чтобы быть поближе к Великому Князю.

От Толгского монастыря до Ярославля очень близко. Когда подъезжаешь к «волжскому красавцу», Ярославлю,

Борисоглебский Воскресенский собор

с этой стороны и начинаешь отличать одну за другой его многие церкви, включительно до самой отдаленной, до собора, с его золотыми маковками, пароход движется вдоль старой сосновой рощи правого берега; это не лишенная исторического значения для русского театра Полушкина роща — единственное место прогулок ярославцев. Полушкин, от которого идет имя рощи, имеет прямое отношение к русскому театру, возникшему, как известно, в Ярославле. Мать Федора Григорьевича Волкова, родоначальника нашего театра, овдовев, вышла замуж за Полушкина, и он, как отчим, оказал на Волкова очень благотворное влияние. Когда, по возвращении из Петербурга в Ярославль, Волков, в день именин отчима, поставил на сцену драму «Эсфирь», старик был в восторге: ему особенно понравились поднимавшиеся и опускавшиеся облака. Видевший представление это ярославский воевода Мусин-Пушкин угово-

рил дворян и купцов построить в Ярославле театр, с которого и пошло театральное дело в России. До его построения Волков давал свои представления в одном из сараев Полушкина двора. Скоро вслед за тем Екатерина II вызвала Волкова в Петербург.

Облака, которые понравились старику Полушкину, давно исчезли, а те, которые ходили над Ярославлем к вечеру 3 июня в день приезда Великого Князя, были расцвечены всеми чудесными красками летнего вечера, тихо переходившего в светлую теплую ночь.

Ярославль

*Красота и радующие встречи. Историческое. Успенский собор.
Архиерейский дом и его воспоминания. Первые дни воцарения
Дома Романовых.*

Если что было великолепно, так это приезд Его Высочества к Ярославлю, к 8 часам вечера. От паровой пристани довольно пологий подъем идет под мост, перекинутый здесь над спуском и соединяющий обе части бульвара, тянувшегося параллельно Волге и устроенного в 20-х годах. По всем краям спусков, вдоль всех длинных линий их откосов, начиная от самой поверхности Волги, сплотились необозримые толпы людские. Это была тоже своего рода Волга, широкая, бесконечная, будто налипшие берега настоящей Волги для приветствия государева брата, Великого Князя. Несчетные церкви ярославские, от первой по пути Петра и Павла, Благовещение, Никола Найденный, Косьма и Дамиан, и вплоть до собора гудели во все колокола. При оглушительных кликах толпы Великий Князь, сошед на берег, сел в коляску и направился в собор, где был встречен архиепископом Ионафаном и всем городским духовенством. Отслушав многолетие, приложившись к святым иконам и обойдя собор, Его Высочество направился к губернаторскому дому, в котором должен был иметь ночлег. Из всех домов начальников губерний едва ли не лучший именно этот дом, из окон которого и с балкона открывается бесконечный вид на все Заволжье и на самую Волгу, и вверх, и вниз по ее течению. Приняв почетный караул, состоявший из роты со знаменем, от Нежинского пехотного Ее Высочества великой княгини Марии Павловны полка, Великий Князь вслед за тем, уже в зале губернаторского дома, ознакомился с представителями местных властей и горожан.

История Ярославля начинается в повествовании Карамзина довольно оригинально. «Думаю, — пишет наш знаменитый историк, — что город построен великим князем Ярославом; двое из жителей его, кудесники и обманщики, ходили по Волге и объявляли, что бабы причиной всего зла и скрывают в самих себе хлеб, мед и рыбу; к обманщикам приводили женщин, и они, надрезывая им плечи и высыпая из своего рукава жито, кричали: «Видите, что лежало у них за кожей!» В конце концов, кудесников повесили. Карамзин не говорит о том, когда это происходило, но летопись указывает на 1073 год, то есть время великого голода, посетившего Ростовскую и Ярославскую области.

Разоряли окрестности города новгородцы, разоряли татары, хозяйничали и пожары, и язвы, и тем не менее одною из волжских красот был и будет Ярославль. Очень вероятно, что он существовал уже тогда, когда далеко кругом этих мест еще жили весь и меря; но центром края был не он, а Ростов, за которым утвердилось даже название Великого и в который уже Рюрик посадил «своего мужа». Много пользы было Ярославлю от открытия торговли с Англией через Белое море при Иоанне IV; он, как и Вологда, был складочным местом и имел иностранные конторы, закрывшиеся с основанием Петербурга. Лихолетие со всеми его ужасами тоже не прошло даром для края; здесь в 1506 году жила под надзором жена Лжедмитрия, красавица Марина: она пробыла здесь до 1608 года, когда Ярославль сдался полякам и примкнул было к самозванцу, но не замедлил отрезвиться, в 1612 году сюда к князю Пожарскому стягивались рати, шедшие на освобождение Москвы, и отсюда шли с нею переговоры. Выборные, назначенные призвать на царство Михаила Феодоровича, собрались тоже в Ярославль, и здесь же с 21 марта по 16 апреля 1613 года молодой царь Михаил Феодорович провел первые дни своего воцарения, так что в истории благополучно Царствующего Дома на первых страницах, так сказать в первых строках, красуется Ярославль.

Много есть на свете неоконченных сочинений, недописанных книг, но те несколько точек, которыми завершается история Карамзина, возбуждают всегда глубочайшее сожаление. История его точно оборвана. Яркие страницы

Ярославль. Вид на бульвар и проезд к городу от Волги

ужасов 1611 года, выступающий у нашего историка так наглядно, как хорошо завершились бы оне описанием стоянки князя Пожарского и его рати, этой надежды России, в Ярославле; как сердечно звучали бы его вдохновенные строки, преисполненные любви к России, повествуя о первых днях воцарения Михаила Феодоровича, проведенных им в Ярославле, о наступлении времени умиротворения. Эти дни мира и тишины не могут не рисоваться в памяти каждого посещающего город, и красота Ярославля, глядящегося с высоты нагорного берега во всю матушку-Волгу, становится и понятнее, и внушительнее. Думал ли о чем подобном Бирон, когда в 1742 году был он сослан сюда и жил с семьею до 1761 года! Чем была, чем могла быть для бывшего правителя России ярославская святыня!

И действительно, если на Москве храмов много, то в Ярославле их, сравнительно, еще больше, и они поражают глаз, как блестящее осечение города. Общий вид на Ярославль бесподобен.

Два князя, святой Василий и Константин, почивают в соборе, и три иконы их перенесены сюда из домов их.

Ярославль. Соборная площадь

Успенский кафедральный собор основан в 1215 году, но сгорел в 1501 году: его заменил второй храм, нынешний. Третий счетом, построен в 1646 году, но и он не раз страдал от пожаров, и в 1744 году обгорели даже мощи благоверных князей, и останки их были собраны в два ковчега и положены в новую раку, которую заменили ныне существующую в 1862 году. Иконостас пятиярусный, богат иконами; в восточной алтарной части четыре абсиды; окна в два света, небольшие наружные стены расчленены простыми пилястрами и главный корпус собора — почти правильный куб; над крышею высятся на довольно высоких барабанах пять золоченых куполов, снабженных массивными восьмиконечными крестами. Одно из богатств собора — это обилие стенописи, произведенной в 1674 году, о чем свидетельствует надпись, начертанная крупною вязью и опоясывающая три стены собора. Живопись покрывает сплошь все стены, своды, алтарные части и даже дверные и оконные откосы. Это целый мир изображений, едва ли не из самых обильных, имеющих на русской земле. Ни южной и северной сте-

нах олицетворение семи вселенских соборов, на западной — Страшный суд, на столбах — мученики, в алтаре — учреждение таинств причащения и отцы православной церкви; храм оживлен, одухотворен ими. К несчастью, стенопись эта дошла до нас не такою, как она была писана при митрополите Ионе Сысоевиче, потому что в 1825 году отчасти подновлена при архиепископе Аврааме, о странной деятельности которого мы упоминали, говоря о Толгском монастыре. Общая планировка собора, его размеры, темень времени, положенная в купола с их оконцами, — все это очень близко напоминает московский Успенский. Отсюда, от собора, двинулась рать Пожарского на освобождение Москвы. Собор стоит в центре «рубленого» города, древнего города: по выражению Нестеровой летописи, у нас не строили, а «рубили города». В Ярославле сохранился очень оригинальный, невидимый след этого рубленого города, о котором нет более и помину: это крестные ходы с иконой Владимирской Божией Матери, которые совершаются будто бы как раз по тому пути, где стояли некогда давно позабытые древние стены тогда еще небольшого Ярославля. В те дни, во дни Ярославовы, люди обходили фактически город; теперь обходит он несуществующий, но невидимо присутствующий призрак его. Может быть, остатки оврага, называемого «Медведицей», напоминают о том времени, когда Ярослав, убив на охоте медведицу секирой, велел срубить на этом полюбившемся ему месте город. Медведь и секира в гербе ярославском напоминают об этом полумифическом событии. Нельзя не заметить, если судить по колоссальному деревянному гробу или, правильнее, колоде, в которой обретыны мощи князя Феодора Черного, хранящейся в Спасо-Преображенском монастыре, что люди минувших дней были не в пример крупнее наших и смело могли ходить на медведицу один на один.

Главная святыня Ярославля вслед за собором, бесспорно, архиерейский дом, бывший Спасо-Преображенский монастырь. Это тоже своего рода Кремль, обнесенный могучими стенами; в них, как в каменном кольце, заключены пять каменных церквей; до упразднения монастыря, до обращения его в архиерейский дом, в 1788 году их было семь. До этого года владыки ярославские жили в Ростове, а мона-

Ярославль. Спасо-Преображенский монастырь.
Внутренность двора

стырь был сам по себе, был богат, люден и имел, главное, долгое прошедшее, которое, конечно, при нем и осталось. Основан он в 1216 году великим князем Константином Всеволодовичем; в 1463 году, при Иоанне III, открыты нетленные мощи князей Федора, Давида и Константина, неизвестно почему остававшиеся в склепе под церковью более столетия непогребенными: когда решено было предать их земле, началось отпевание, от княжеских тел пошли чудеса, ясно стало нетление и благоухание их и они признаны святыми, и покоятся в храме, носящем их имя, соприкасающемся Спасо-Преображенскому. Этот же храм служит родовой усыпальницей князей Ярославских и других знаменитых родов, но даже след этих могил исчез, присутствуют одни безымянные воспоминания. Замечательно у нас это исчезновение могил: как неизвестны начала множества городов, церквей и монастырей, так свеяны и воспоминания могильные; странным может показаться, например, что неизвестно, где лежит последний удельный ярославский князь Александр, скончавшийся уже совсем в историческое время,

в 1471 году, и похороненный в Спасском монастыре. В этих неясностях всяких начал и исчезновение следов есть какое-то необъяснимое, но чувствуемое присутствие вечности: точно сам Господь создавал их, сам и убирал. Как особенность Спасо-Преображенского храма следует упомянуть о том, что алтарный иконостас его и амвон выше солеи на одну ступень, а солея двумя ступенями выше пола церковного.

Из более выдающихся событий за время существования монастыря надо упомянуть о неудачной осаде его в 1609 году поляками, о том, что в 1612 году митрополит Кирилл, призванный из Москвы для умиротворения несогласий в дружинах Минина и Пожарского, стоявших в Ярославле, и достигши своей цели, жил в Спасском монастыре; о том, что 1 марта 1613 года прибыл сюда и встречен крестным ходом, хлебом-солью и богатыми дарами юный царь Михаил Феодорович, что он прожил 26 суток в архиерейских кельях со своею матерью и временным советом и встретил Святую Пасху и что отсюда же послана им в Москву в земскую думу первая от царя грамота о согласии его на принятие царского венца. Почти все государи, государыни и великие князья наши посещали Спасский монастырь. Ныне царствующий Государь и Его Высочество великий князь Владимир Александрович были здесь в августе 1866 года. В этих палатах, полных самых дорогих воспоминаний для Царствующего Дома Романовых, откушал Его Высочество чашку чая, посетив высокопреосвященного владыку.

Следует упомянуть, что в 1747 году открыта была в монастыре славяно-латинская семинария и что в библиотеке последнего из настоятелей монастыря 1 июля найдена знаменитая рукопись «Слова о полку Игореве». Заметим, кстати, что в 1786–1787 годах в городе Ярославле издавался журнал под характерным названием «Уединенный Пошехонец», это был чуть ли не первенец в числе провинциальных.

4 июня с 8 часов утра начались официальные посещения Его Высочества. Первый выезд был направлен к войскам. Сводная бригада из Моршанского и Нежинского полков стояла в линии развернутых колонн почти параллельно Ярославско-Вологодской дороге, отделяв-

шей ее от лагеря. Обойдя ряды, Великий Князь пропустил бригаду церемониальном маршем поротно и побатарейно, после чего вызвал в каждом полку от одного из батальонов по роте для уставного учения, от других для гимнастики и фехтования и, наконец, приказал составить от одного из батальонов сводную роту исключительно из одних новобранцев. При том была проведена одиночная подготовка нижних чинов, не исключая прикладки и знаний строевого устава.

Посетив затем лагерь, Его Высочество повсюду испробовал пищу, заходил в офицерские и солдатские палатки и в офицерские общие столовые. Лагерь был расцвечен флагами и зеленью с надписями подвигов обоих полков в бытность их в составе рушукского отряда, как известно, состоявшего под высшим командованием ныне благополучно царствующего Государя Императора¹⁹. Среди войск Великий Князь провел 3 часа времени и, расставаясь с ними, высказал начальству и офицерам свои впечатления осмотра, заключив их, как и в Рыбинске, выражением благодарности за труды, которую он высказывает с тем бóльшим удовольствием, что может это сделать от имени Державного Вождя, так как осмотр произведен им по Высочайшему Повелению. Простившись с войсками и, следуя вдоль столпившегося народа, Его Высочество отправился в тюремный замок, после чего посетил: местный лазарет, казармы и произвел смотр роты 83-го резервного батальона. <...> Недалеко от вокзала Его Высочество остановился для посещения Ярославской военной прогимназии; войдя в церковь и выслушав многолетие, Великий Князь направился к училищному двору, где собраны были все чины училища, имеющего 500 человек воспитанников. Пройдя шеренги, Его Высочество обошел все здание и лазарет.

Около трех часов пополудни мы были уже в вагоне, направляясь к Ростову, и простились с Ярославлем, с волжским красавцем. В описании Ярославля, составленном А. Титовым, приведены стихи на Ярославль местного поэта XVIII века, сравнивающего египетский Нил с великорус-

¹⁹ Имеется в виду Александр III.

скою Волгою. Если бы, говорит поэт, древний Египет взглянул на наш Ярославль, то

...он бы обелиски,
Которы к облачным пределам сделал близки,
Давно бы возносить хвалами перестал,
Когда б еще тот план хоть темно начертал,
Который в новый вид наш град преобразает
И славу тем его повсюду расширяет...

Ростов Великий

Реставрации. Историческое. Центр деятельности Святых Стефана Пермского и Дмитрия Ростовского. Их характеристики. Как и кто реставрировал кремль? Белая палата. Пещерная церковь. Музей. Яковлевский монастырь. Ростовские колокола.

К Ростову прибыли мы около половины пятого пополудни. Приняв на станции почетный караул от 28-го резервного батальона, хлеб-соль от города и местные власти, Великий Князь направился в собор.

Ростов расположен на берегу одноименного с ним озера, называемого, впрочем, также Неро. Берега озера плоски; тем рельефнее выдаются многочисленные церкви города, составляющего древнейший центр края, более старый по своему значению, чем Ярославль.

Посещение Ростова составляет экскурсию в сторону от нашего прямого пути, и оно предпринято Великим Князем исключительно во внимание к древностям ростовским и к той замечательной реставрации древнего кремля, которая завершилась очень недавно, в октябре предпрошлого года. Шевырев посетил Ростов в 1847 году, видел все это в печальных развалинах и глубоко грустил. Если б он посмотрел теперь! Реставрация действительно стоит самого полного одобрения: кремль опять существует, воскрес. За год до освящения реставрированной святыни кремля, говорят очевидцы, глазам представлялись развалины без крыш, без столбов, с потеками от дождей, птичьими гнездами и даже целыми рябинами, приносившими плоды и выраставшими на крышах; одну из этих рябин сохранили в назидание потомства, чтобы показать, до чего мы небрежны и как много может сделать частная предприимчивость, энергия и пожертвования. В храме Григория Богослова помещались курень и бойня. А между тем в Белой

палате угощал трапезой Великого Петра Святитель Димитрий Ростовский.

Значение Ростова в истории нашего северо-востока очень велико, как центра Суздальской земли, в которой развилось и окрепло великорусское племя, которая предшествовала Москве в понимании объединения и собирания разрозненных сил наших в одно великое целое. Кроме этого, тут был духовный центр, из которого пошла проповедь христианства в языческую Пермскую землю, во главе которой стоял знаменитый Святой Стефан Пермский. Почти одновременно с ним жил и трудился в Ростове другой видный деятель церковный, известный жизнеописатель Святых нашей церкви, Епифаний Премудрый. И тот и другой воспитывались и учились в той братской духовной академии, которая существовала здесь 500 лет назад под именем «Затвора», храм которой воскрешен теперь завершившейся недавно реставрацией.

Стефан Пермский — одна из крупнейших подвижнических личностей нашей церкви, как Кирилл Белозерский, Нил Сорский и многие другие. Сын псаломщика, пришел он в Ростов пешком из Великого Устюга, прослышав о том, что в тамошнем «Затворе» «книги многы быша ту»; это то же самое, что «книжицы» Преподобного Кирилла: прочная основа дальнейшего пути для готового подвизаться человека. «Затвор» не был мертвою схоластическою школой; в нем имели место ученые и богословские препирательства и диспуты между учениками. Десять лет пробыл Стефан в «Затворе» и решился просветить соседнюю Пермскую землю. Он составил зырянскую азбуку, перевел на зырянский язык нужные книги и, посвященный в иеромонаха, с охранными грамотами великого князя пошел на подвиг. Охранные грамоты защищали его, однако, немного; на него не раз нападали, думали убить, свергли с моста. Бесстрашно ходил он по кумирницам, и ночью и днем, говорит исследователь К. В. Барсов, и по лесу, и по полю, и без народа, и пред народом, «обухом в лоб бияше идолов и сокрушаше им носы»; он снимал с главных кумиров священные пелены и «их без труда износил отрок его Матвейка». Пермь была уже присоединена в то время к Москве, но это не пособляло Преподобному. До нас дошли любопытные сведения о борьбе его с главным

Ростов Великий. Вид с озера

волхвом Памом, говорившим своим людям, что непригодно им слушать Стефана, потому что «Москва угнетает нас пода-тями; разве от Москвы может вам быть какое-нибудь добро? Не оттуда ли тиуны и приставники, дани и насильства»? Но Преподобного все-таки слушали. Пам думал взять обманом и предложил ему пройти сквозь огонь и воду. Зажжена была хижина, огонь уже пылал и трещал; Стефан двинулся к огню и сказал волхву: «Идем!» Волхв не пошел; однако не решился он нырнуть и в прорубь, чтобы вынырнуть из дру-гой, на что был готов Стефан; народ хотел предать обманно-го волхва смерти, и только по настоянию Стефана ограни-чился изгнанием его в Сибирь.

Читая Жития Святых, составленные другим учеником «Затвора», Елифанием Премудрым, «мы, — говорит г. Бар-сов, — присутствуем при двух основных процессах нашей истории: мы встречаемся лицом к лицу с древнерусским человеком, который, неустанно двигаясь с крестом, топором, с сохой, в зипуне и монастырской рясе, делал одно немалое дело — расчищал место для истории от берегов Днепра до Северного океана и в то же время, несмотря на такую растя-жимость, умел собрать силы на создание государства, сдер-жавшего вторжение с Востока и пропаганду с Запада».

Третьим замечательным лицом в длинном ряду иерархов ростовских является Святитель Димитрий, вдохновенный составитель духовных песен и Четий Миней. В самый день кончины своей, стоя у печки и «греясь сердцем», слушал он, как исполнял их его любимый, прекрасно обученный хор. Наслушавшись песен вволю, отпустил он певчих также слуг своих, остался один, склонился на молитву и умер. «Св. Димитрий, — говорит г. Барсов, — был муж высокого образования. Он знал языки: славянский, латинский, греческий, еврейский и польский. Были и другие в его время славные ученые, но их слава менее прочна в исторической науке. Феофан Прокопович был больше политический деятель и панегирист тогдашних преобразований; Стефан Яворский был больше проповедник и православный полемизатор; честь первого археолога и историка в Великой России бесспорно принадлежит Св. Димитрию Ростовскому».

Неудивительно, что Ростов, центр той деятельности, которую мы помянули, изобиловал и памятниками исторического зодчества, воздвигшего величественные кремлевские здания. По замечанию Д. И. Иловайского, ростовский собор служил образцом при постройке суздальских храмов вообще, а следовательно, и для характерного суздальского стиля. Восстановление в прежнем вид церкви Св. Григория Богослова, княжих теремов, Белой палаты, начавшееся в 1883 и завершившееся в октябре 1884 года, факт в высшей степени замечательный. Дай Бог, чтобы нашлись ему подражатели. Очень много сделал для этого нынешний начальник губернии Левшин, примеры подражания которому были бы очень желательны. Главным руководителем почти всех работ был И. А. Шляков. Великий Князь решился отклониться в сторону от своего пути, чтобы почтить вниманием своим, как президент академии художеств, действительно замечательное дело.

«Почти все существенное в кремле, — говорит исследователь, — было построено или возобновлено митрополитом Ионой III Сысоевичем в конце XVII века. Реставрация произведена прекрасно; небольшие остатки стенных бойниц дали рисунок для восстановления стены с бойницами; едва видные детали одной дымовой трубы послужили образцами для возведения остальных труб. То, что погибло совершен-

но, восстановлено по соответствующим современным образцам: так оконные рамы исполнены по образцу слюдяных рам ярославских церквей XVI и XVII веков; узор восстановленного на коньке крыши гребня взят из рукописи XVI века; отпиленные у сводов серьги приделаны вновь и т. д. Можно, пожалуй, упрекать — как это и сделано — в том, что древние серьги были короче и типичнее, что тут пробита новая дверь, а там заложено старое окно, что тут пестро, а там неполно; но, во-первых, все это надо доказать, а во-вторых, делая эти замечания, по иностранной пословице, люди «из-за деревьев леса не замечают». Факт воссоздания кремля налицо, и это дело усилий местных людей, воплощение глубоко почтенного чувства уважения к своему былому.

Следует упомянуть, говоря о ростовской кафедре, что тут было когда-то у ростовских святителей сильное желание облечься величавыми образами светской власти, о чем в своем повествовании, вспоминая патриарха Никона, говорит Шевырев. Это довольно явственно сказавшееся в свое время стремление, как нечто нам совсем неподходящее, отошло, конечно, в вечность, несогласное с остальным складом русской жизни. Духовенство этим самым точно отделяло себя от народа, и характернейшим образчиком этого, если можно так выразиться, католического пошиба является реставрированная храмо-крестовая церковь — Спас-на-Сенях, где, солея поднята выше роста человеческого и шестью золочеными колоннами с высоким архитравом точно отделила прихожан от причта. Странно, что это негармоничное движение имело место именно в Ростове, в чисто православном центре, отличающемся и по сегодня самыми гармоничными колоколами. Ростовский собор, древнейшее здание города, 1230 года, в котором почивают ростовские митрополиты, имеет на своей колокольне замечательный хор колоколов и свои особенные музыкальные звоны. Звоны эти обозначаются именами учредителей колоколов: Ионинский, Георгиевский, Иокимовский. Всех колоколов тринадцать, от 2000, 1000, 500 пудов веса до 20 и менее. Совершенно правы те, кто говорят, что подобного звона нет нигде решительно; но, помимо достоинства колоколов, необходимо и умение пользоваться ими, и оно тут есть, и звон этот удивительно приятен.

Белая палата в Ростовском кремле

Говоря о ростовских реставрациях, нельзя не сказать о последней: о пещерной церкви, найденной в 1884 году в Успенском соборе при перестилке чугунного пола. В пещерную церковь эту, совершенно уже открытую²⁰, спускаются из собора; она очень невелика; справа и слева фрески XV века, значительно пострадавшие, с изображением сцен погребения и явления мощей Преподобных Леонтия и Игнатия. Первый из них покойтся тут же, направо от схода, тогда как Святой Игнатий и Исайя почивают в раках своих, в самом соборе, с обеих сторон алтаря. Фрески самого собора сохранились очень хорошо; очень красиво изображение Тайной Вечери в больших фигурах в самом алтаре; Спаситель и Апостолы окружают алтарь внушительным полукружием, ясно видимым и из церкви, благодаря своим блестящим оглавиям. Нам сообщали, будто поиски мощей Святого Василька оказались тщетными. Замечательно, как быстро исчезают вос-

²⁰ Восстановление ее торжественно отпраздновано в Ростове 29 сентября 1885 года, т.е. через три месяца после посещения работ Великим Князем (*Примеч. автора*).

поминания: при раскопках этой церкви стали также искать входа в находившуюся под собором усыпальницу: нашлось несколько человек, когда-то ходивших в нее, и, тем не менее, входа не нашли: все это будто сваялось.

Его Высочество, в сопровождении глубокопочтимого здесь ярославского архипастыря, обходил весь кремль: он посетил церковь Иоанна Богослова, с ее массивными, крупными иконами пред алтарем и горним местом и обильно снабженную фресками; был он в Крестовой церкви, о которой мы упоминали; посетил терема, проходя по узким галерейкам, по которым можно обойти весь кремль. Белая палата задержала Его Высочество особенно долго. Это довольно обширное четырехугольное помещение под парусным на четыре ската сводом, с могучим столбом посредине; она обращена в музей ростовских древностей. Здесь слушали мы исполнение двух очень характерных вещей: был спет кант Спасителю, сочиненный Святым Димитрием Ростовским и начинающийся словами: «Похвалу принесу сладкому Иисусу», и тут же священник, отец Аристарх, дал нам возможность насладиться его превосходными камертонами. Камертоны эти построены в лад ростовских колоколов, и на них воспроизводятся с удивительной точностью все их характерные звоны. Эта гармоничнейшая музыка долгое время разносилась кругом нас по Белой палате; толпа посетителей стояла неподвижною, безмолвною, и можно бы было слушать музыку эту в бесконечность, так она удивительно хороша. Не надо забывать обстановку, в которой мы ее слушали: в палате этой угощал когда-то Димитрий Ростовский Петра Великого, мы только что обошли терема, тайники и галерейки одной из древнейших свидетельниц старорусской жизни, ростовского кремля, и поклонились всей почтенной ростовской святыне. Время, проведенное нами в ростовском кремле, будет, конечно, одним из характернейших и лучших во всем путешествии.

В Яковлевский монастырь, находящийся близехонько от города, приехали мы в экипаже. Его Высочество был встречен у входа в монастырь архимандритом Илларионом с братией. В церкви отслушал он многолетие и приложился к святыне. Направо от входа в церковь поживает Святой Димитрий, налево, близ алтаря — Св. Иаков. Храм обильно снабжен

фресками, расположенными одне над другими по параллельным поясам. В монастыре 45 иноков. Великий Князь зашел испытать чашку чая в помещение настоятеля; принесены были древняя шапка и посох Святого Димитрия; шапка эта находилась на нем во время обретения мощей. Пред входом к настоятелю, у дверей стоял экипаж, служивший когда-то Святителю, сохранившийся очень хорошо; это нечто вроде громадной брички, с весьма узким верхом, на изогнутых дрогах и огромных, чуть не в рост человека колесах; выкрашена она масляною серою краской.

Возвращались мы в Ростов на небольшом пароходе и любовались с него одним из лучших наших видов, несмотря на безусловную плоскость берегов озера. Тихо плескавшееся в зеленеющих берегах озеро Неро, обрамленное множеством деревень, в которых живут знаменитые ростовские огородники, деревень, из которых в каждой белая церковь, богатый комплекс ростовских храмов, числом 22, и почти непосредственно подходящая к городу массивная стена с 6-ю башнями Яковлевский обители с ее куполами составляли декорацию удивительную. От берега неслись клики бежавшего народа, а поверх всего стоял густой, гармоничный, музыкальный звон ростовских колоколов, возвещавших о близости Великого Князя. Этот звон нужно слышать именно с озера и, если возможно, в вечерний час, как слышали его мы, для того, чтобы насладиться им вполне. Органы католических церквей, как бы хороши они ни были, звучащие под сводами, не могут сравниться с мелодичностью ростовских колоколов, говорящих под открытым небом и посылающих звуки свои далеко, далеко...

По возвращении в Ярославль мы изготовились немедленно к отъезду в Вологду. Ночь была свежая, но ясная; толпы народа, озаренные иллюминацией, были неисчислимы. Пред самым отходом поезда Великий Князь простился с провожавшими его лицами и принял начальника Вологодской губернии Кормилицына, в губернии которого нам предстояло выехать.

Вологда

Историческое. Чудские могилы. Пребывание Иоанна Грозного и его постройки. Собор. Пять приездов Петра I. Непея и Саватеев. Домик Петра I. Спасообыденная церковь. Воспоминания о Батюшкове и архиепископе Иренее. Прилуцкий монастырь. Две поговорки.

Этого нельзя не признать, что Вологда, один из древнейших и почтеннейших городов наших, лежит на совершенно ровной, частью болотистой местности, что чувствуется на некоторых из городских улиц и в недостатке хорошей воды для питья.

В Вологду прибыл Великий Князь 5 июня около 9 часов утра и направился прямо в местный собор сквозь густые толпы стоявшего шпалерами народа, при несмолкаемых кликах приветствия. На паперти был он встречен архиереем Израилем и всем городским духовенством. Отслушав многолетие, обойдя собор и поклонившись святыне, Его Высочество направился во Всеградскую церковь, оттуда в дом губернатора, где принял почетный караул со знаменем от роты 82-го резервного батальона, а затем местных властей и многих других представителей от горожан.

Вологжане считают свой город по числу храмов пятым в России, а их 42. Собор построен при Иоанне Грозном под личным его наблюдением в 1568–1570 годах; говорят, будто постройка производилась с такою тщательностью, что строение покрывалось на ночь лубками. Однажды Царь вошел в собор; что-то оторвалось от свода и упало ему на голову; Царь разгневался, велел было сломать постройку, едва смилостивился: место в своде, с которого что-то упало, показывают и до сих пор. Собор о пяти куполах, иконостас пятиярусный; по зеленому фону окраски золоченая орнаментика: фрески, покрывающие стены, конца XVII века, но сильно возобновлены лет 30 назад и кажутся светловатыми, блед-

ными. В храме покоятся мощи неканонизированных угодников Антония и Пимена. Красиво смотрят из алтаря высокие, в полтора роста, фигуры святых. В соборе почивают вологодские архиереи. Совершенно нейдет к собору новая колокольная в стиле не то ренессанс, не то готики. Недалеко от собора течет река Вологда, вероятно, давшая имя городу.

Вологодская губерния — одна из частей древней фантастической Биармии того Заволочья, от которого богател Великий Новгород, торгуя с Азией; это бывшие пепелища чуди, потомками которой являются зыряне, населяющие два уезда губернии: Яренский и Усть-Сысольский; когда-то было их гораздо больше, но они русеют. Должно быть, борьба чуди с напиравшими на них славянами началась Бог весть когда; первое упоминание об этой борьбе имеется в летописи 1078 года, где сообщено, что в Заволочье убит князь новгородский Глеб Святославич. Где? В каком месте? Борьба эта шла не на жизнь, а на смерть; смерть выпала на долю чуди, жизнь — на долю славян; в качестве последней защиты чудь выкапывала ямы, укрывалась в них настилками на подпорках, и если, отбиваясь, сидя в этих ямах, видели они неминуемость поражения, то разрушали подпорки и гибли; так объясняют некоторые специалисты происхождение «чудских могил», этих ям «погибельниц», имеющих в достаточном числе в Вологодской губернии.

Вологда однолетка с Москвой, если верить легендарному сказанию, в котором говорится, что когда в 1147 году в эти места прибыл из златоверхого Киева преподобный Герасим, то он нашел уже здесь селение и малое торжище на площади и вскоре имел спор с купцом Пятышевым за участок земли: дом против церкви Троицы, в которой почивают мощи Преподобного Герасима, до 1843 года принадлежал Пятышевым. Это ли не прочность землевладения?

Упоминается Вологда как волость в грамоте Ярослава III в 1265 году. Много потерпела она от новгородцев, потому что, будто предвидя будущее, постоянно тянула к Москве, под властью которой окончательно закрепилась и успокоилась при Василии Дмитриевиче. Ослепленный Шемякою, Василий жил здесь и с помощью вологжан возвратил себе московский престол. При Иоанне III Вологда служила для многих местом заточения.

Вологда. Дом начальника губернии и церковь Святых
Косимы и Савватия

Особенно нравилась Иоанну Грозному Вологда, чрез которую шел торный путь наших царей на богомолье в Кириллову обитель на Белоозере. Он хотел даже сделать ее столицей, начал обносить каменною стеной и был тут три раза, в 1545, 1565 и 1568 годах, прожив в последнее посещение очень долгое время; местные источники говорят о двух и более годах. Он построил, как сказано, Софийский собор и недалеко от него, вдоль течения Вологды, заложил огромное подземное здание для казнохранилища, следов которого искали, но не нашли; им же прокопаны канавки для осушения города. С 1553 года завязался, как известно, торг с англичанами через Белое море, и город Вологда сделался тогда очень важным складочным местом. Первый посол русский в Англию, сопровождавший отъезжавшего Ченслера, был вологжанин Иосиф Непея. В междоусобице Вологда пострадала от польских шаек; молодому царю Михаилу Феодоровичу пришлось обносить город деревянною стеной. В 1655 году половина жителей погибла от моровой язвы, и в эту-то тяжкую годину построена была в один день «Спасообыденная Всеградская церковь». Храм начали строить в ночи, срубили

за два часа до света, святить начали в 5-м часу дня, так что совершили в храме в тот же день все божественные службы; значит, обыденное построение заключалось не только в рубке и кладке, но и в богослужении. От этого храма нет и следа; он имел 3 аршина длины и 8 ширины; нынешняя, каменная церковь построена в самом конце XVII века; свод над церковью шапкой, о четырех скатах, встречающийся здесь часто; по стенам, на штукатурке, живопись масляными красками; алтарь — полукругом. В 1780 году Екатерина II открыла в Вологде наместничество; в 1796 году Вологда сделана губернским городом; в 1824 году посетил ее император Александр I, в 1858 — Александр II, в 1870 — великий князь Алексей Александрович. Вологда относится к числу тех городов, торговое значение которых убито возникшим Петербургом, и создатель Петербурга, Петр I, был в ней пять раз. «К несчастью, все дошедшие до вас сведенья, — говорит г. Арсеньев, — толкуют больше о том, что делали «для» царя Петра во время его приездов, а не о том, что делал он сам».

В первый раз прибыл царь вероятно в первое путешествие к Архангельску, в 1693 году, и взял здесь себе Макарова, будущего кабинет-секретаря. Вторично был он в 1694 году, когда в нем созревала окончательно мысль открыть России через Архангельск морской путь; он приехал в Вологду в июне, со свитой в 105 человек, и прожил в ней три с половиной дня; до Вологды ехал он из Москвы в карете на рессорах, обитой внутри разноцветным трипом; в свите его было сорок стрельцов и два карлика, Ермолай с Тимфеем; обедал царь у архиепископа, а готовили дворцовые повара. От Вологды до Архангельска, где оставался царь более двух месяцев, ехали на семи карбасах.

На третье путешествие Петра I к северу заготовлены были для царя в Вологде уже 22 карбаса и в свите его находилось 300 человек. Четвертое посещение состоялось в 1702 году, и на этот раз по адресу шведов взяты были Петром, кроме свиты, 4000 преображенцев и державному отцу сопутствовал двенадцатилетний царевич Алексей; царь возвратился не через Вологду, а проделал свой знаменитый богатырский Нюхацкий поход от Белого моря через дебри Архангельской и Олонецкой губерний к Повенцу навстречу шведам. В пятый и последний раз посетил Петр Вологду в 1724 году, возвра-

щаяся с императрицей Екатериной Алексеевной с олонечких марциальных вод. Замечательно, что как первым послом нашим в Англию был вологжанин Непея, так и с Китаем, при Петре, вел торговые сношения опять-таки вологжанин Иван Саватеев. В 1872 году открыты были документы, касающиеся этого любопытного факта, — это грамоты царя Саватееву. До того были известны только шесть случаев сношений наших с Китаем; при Петре I эти документы прибавляют к ним еще одно. Насколько выгодна была эта торговля, видно из того, что купчина Саватеев в одну из своих поездок в Китай доставил государству прибыли на 223 550 рублей, что составляло ни более, ни менее, как часть всех государственных доходов того времени.

Памяти Иоанна Грозного и Петра Великого как-то близко сочетались и живут в Вологде. Близ церкви Феодора Стратилата находится дом, в котором пребывал в течение двух дней Петр I, а церковь построена Иоанном IV при получении им известия о рождении ему сына Федора. К приезду Его Высочества домик Петра I был приведен в надлежащий вид, и акт о его возобновлении и освящении подписан Великим Князем. Домик стоит на берегу реки Вологды; он очень невелик и состоит всего из двух отделений: одного — большого, другого — малого. В нем помещен небольшой исторический музей; он хранит некоторые местные древности; тут же имеется столик, ножки которого подпилены собственно-ручно Александром I, так как столик, должно быть, качался, и хранится медное яблоко с балкона, на которое император опирался; замечательна бронзовая ваза, несомненно древнегреческая, найденная в Усть-Куломской волости, Усть-Сысольского уезда. В садике перед домом стоит Петровская пушка и повешено старое церковное било.

Двадцать четыре года тому назад, то есть в 1862 году, печально окончил в Вологде свое существование наш поэт Батюшков. Он жил тут долгое время сумасшедшим, сначала буйным, затем кротким, меланхоличным. Милость государя Николая I не забывала его: он имел пенсию. Будучи безумным, Батюшков чрезвычайно любил детей, сохранил память и читал наизусть Корнеля, Тасса, Державина; он любил вспоминать время своей военной службы, походы, бой при Гейльсберге, в котором был ранен. Малиновая бар-

хатная ермолка не сходила с его белых волос; главное занятие его состояло в рисовании; он воспроизводил все один и тот же пейзаж: белая лошадь, разноцветные деревья, замок, крест, вдали море с кораблями, темное небо и бледная луна. Батюшков родился в Вологде; литературное имя его было уже составлено, когда, во внимание к нездоровью, он назначен был состоять при нашем посольстве в Неаполе; но это не помогло; в 1823 году уже в Симферополе замечено было начало умопомешательства; Батюшков перевезен в Вологду, где и прожил после того около сорока лет.

В Вологду же привезен был в 1831 году известный своими странностями Ириней Нестерович, архиепископ Иркутский. В наших исторических журналах помещено было несколько статей и заметок о нем, о его резких пререканиях с генерал-губернатором Восточной Сибири Лавинским, о так называемом «бунте», им произведенном, окончившемся поселением его в Вологду, в Спасо-Прилуцкий монастырь. Его считали одно время помешанным, другие полагают, что он был последним представителем духовной оппозиции местной светской власти, был подражателем архимандриту Фотию. В Вологде жил он мирно, получил даже вновь разрешение на архиерейское служение, а затем переведен в Толгский монастырь, недавно посещенный нами. Он умер в 1864 году. В 1847 году посетил покойного профессор Шевырев и с глубоким чувством говорит об уме и характере архипастыря. Прилуцкий монастырь, в котором был заключен Ириней, находится в пяти верстах от Вологды; Великий Князь прибыл к нему на третий день местного праздника и был встречен архимандритом Нафанаилом.

Начало обители — конец XIV века; Святой Дмитрий Прилуцкий, основатель ее, современник Дмитрия Донского. В этом монастыре в 1812 году в течение трех месяцев лежали привезенные из Москвы все неоглядные сокровища патриаршей ризницы кремлевских соборов, Сергиевской лавры и монастырей. В церкви монастырской поклоняются мощам Преподобного Дмитрия и Углицкого князя Иоанна, сосланного сюда Грозным и принявшего тут схиму. Обе раки, в которых почивают их мощи, серебряные, стоят вправо от входа, над каждой из них теплится по шести лампад; тут же хранятся их вериги и так называемый киликий-

ский крест, привезенный Святым Дмитрием из Переяславля; он деревянный; изображения на нем из слоновой кости. В монастыре 14 человек инок, с послушниками 25 человек; в нем всего 13 приделов; обнесен монастырь могучими стенами с круглыми башнями. Великий Князь, поклонившись святым, осматривал ризницу; в ней хранится риза, пожертвованная Дмитрием Донским, посох святителя и надгробные пелены, пожертвованные Строгановыми. Приехали мы в монастырь в экипажах, возвращались в город на небольшом паровом катере министерства путей сообщения «Орешек». В городе через реку два моста; судостроение по реке Вологде очень развито, и спускаются здесь на воду ежегодно около 300 судов.

Нельзя не вспомнить двух характерных поговорок, касающихся Вологды и Грязовца, мимо которого проехали мы по железной дороге ночью, поговорок, идущих, вероятно, от времени Иоанна Грозного. Привели однажды вологжане в дар царю жеребенка с серебряными подковами. Иоанн был недоволен: «А то не жеребенок, а теленок», — сказал Царь и велел вологжанам съесть его. Они ели и все сомневались: не теленок ли? И только доев до подков — убедились. Отсюда пословица: «вологжане телятники, жеребенка с подковами съели». Так подшучивали над ними в Грязовце, где будто бы это предание рассказывают; на это вологжане отвечали: «пьяница Грязовица; семь кабаков, одна церковь». «В этих колких шутках, — замечает Шевырев, — как бы отзываются древние распри наших городов, еще напоминающие времена уделов».

В течение дня, 5 июня, Великим Князем были посещены гимназия и Александровский детский приют. Собственно служебные посещения начались с лагеря. 82-й резервный пехотный батальон ожидал Его Высочество в четырехзвонной батальонной колонне. Обойдя ряды, Великий Князь пропустил батальон церемониальным маршем, поротно и батальонно колонной, после чего одной роте произвел уставное учение, другой — полевою гимнастику. Затем осмотрен был лагерь. Его Высочество заходил в офицерские и солдатские палатки, кухни, столовые и офицерское собрание, где, оставшись всем весьма доволен, благодарит, офицеров Высочайшим именем Государя за отличную службу.

Управление уездного воинского начальника Его Высочество посетил на следующий день; он прибыл в управление в 8 часов утра. <...> Осмотрев затем местный лазарет и опросив каждого из состоявших в них больных, Великий Князь возвратился в губернаторский дом.

Порядок во все время нашего пребывания в Вологде был самый полный; тут не могло быть той красоты обстановки, что в Ярославле, но радушия, радости, осенения крестными знаменами, кликов, летающих шапок и мелькающих платков было вволю. Вечером 5 июня перед домом губернатора, на реке Вологде, сожжен был замечательно хорошо приготовленный отставным местным бомбардиром фейерверк; желтые, лиловые и зеленые краски бенгальских огней были исключительно хороши; треск фугасов и щелканье ракет покрывали собою бесчисленные голоса неподвижно стоявшей по обоим берегам реки толпы; на самой реке сновали во множестве челноки и ялики. Вечер был достаточно свеж, чтобы напомнить нам о предстоящем пути нашем на далекий север.

Река Сухона до Тотьмы. Тотьма

Характеристика реки Сухоны. Воспоминание о Петре I. Село Шуйское. Дедов Остров. Сергиева пустынь. Тотьма. Историческое. Спасо-Суморин монастырь. Характерные иконы. Соляные варницы. Выставка.

Его Высочество около десяти часов утра 6 июня прошел пешком на пароход «Купец» для дальнейшего следования реками Вологдой, Сухоней и Северною Двиной до Архангельска; оба берега довольно широкой в июне месяце реки Вологды были усеяны народом; эти берега скоро приблизятся один к другому, так как вода опадает тут очень быстро, по 1–2 вершка в день. От флагов и гирлянд пестрело в глазах; жители ухитрились устроить из цветов и лент плавающие вензеля имени Его Высочества, раскинутые по реке. Мы отъезжали не одни, так как, кроме конвоирующей нас «Казани», вологодское купечество с семьями своими провожало Великого Князя на пароходе «Филипп Булычев» до первого большого села на Сухоне — Шуйского, отстоящего на 36 верст; с ними был оркестр музыки. Пароход «Купец», на котором мы ехали, принадлежит купцу Кандакову, нарочно отделавшему его для Великого Князя; он должен был служить нам до самого Архангельска.

Пароходы, идущие от Вологды на Архангельск, грузятся обыкновенно в четырех верстах от города; они могут сделать за навигацию до пяти рейсов; идет в Архангельск отсюда до 1½ миллиона пудов хлеба. Не доходя верст 30 до Сухоны, пароход проходит так называемые «Озера», место колоссальных разливов, достигающих 75 верст ширины. Быстрота спада вод и ширина разливов — отличительные черты наших рек, ожидающих регулирования. Так как река Вологда очень извилистая, вскрывается обыкновенно ранее Сухоны, то этим обуславливается иногда любопытное явле-

ние обратных течений реки к Кубинскому озеру. Недалеко от устья Вологды, на Сухоне, существует так называемый «Прокоп», сажень в 300 длиной, уничтожающий для путников луку реки в 26 верст. Говорят, будто неизвестно кем этот прокоп вырыт. Эти неведения на русской земле поразительны. Если неизвестно кем, так, конечно, или самой природой, или Петром I. Пароход наш прошел этим «Прокопом». От города Вологды по реке Вологде до ее впадения в Сухону 34 версты.

Удивительно схожи, родственны одне другим наши реки: оне порожисты, переменчивы, имеют быстрое падение и непременно слишком много или мало воды. Тоже и с Сухоней. Заметим, что следует говорить С^ухона, с ударением на первом слоге, а никак не на втором, как это делается. Сухона от Кубинского озера до Великого Устюга, то есть до образования Северной Двины, имеет 523 версты протяжения и делится на две различные одна от другой половины: 267 верст до Тотьмы она глубже, удобнее; на следующих 256 верстах очень порожиста, причем в малую воду на некоторых порогах, например в «Опоках», имеет не более 7 вершков глубины. Всех дурных порожистых мест около 53. По фарватеру много гряд, переборов, одиноков, а песчаные мели меняются словно по фантазии по нескольку раз в навигацию. В весеннюю воду по Сухоне могут ходить суда с осадкой 8 четвертей, но с начала июня вода спадает очень быстро, в особенности после закрытия шлюза «Знаменитый». Обозначать стрежень реки вехами не стоит, потому что он виден, так сказать, на глаз; шлюзовать реку невозможно благодаря ее ширине. Надо, следовательно, довольствоваться малым: заниматься по возможности расчисткой порогов. Существует предположение закрывать шлюз «Знаменитый» периодически совсем и спускать из него воду для пропуска судов только временно; это дает возможность при очень низкой воде с успехом расчищать переборы Сухоны и иметь в Кубинском озере большой запас воды.

Окрестности Сухоны довольно богаты хлебом; по ней идет много леса; судостроение сосредоточивается главным образом между Тотьмой и Шуйскою слободой, и мы видели по обоим берегам ее строящиеся в большом количестве

суда, главными образом так называемые каюки. Остовы их, окруженные щепой, белели справа и слева, наклоняясь над водой иногда так высоко, что не сообразить: как это по окончании работы спустят каюк²¹ на воду?

Лесу здесь достаточно. До самой Тотьмы и дальше оба берега сплошь покрыты лесами. Так как на людей не угодишь, то капитаны пароходов называют эти леса своими врагами: большие деревья, зачастую подмываемые водой, то и дело падают в реку и нередко ломают у пароходов колеса. С низменных берегов глядят на вас повалившиеся и готовые повалиться деревья, эти кандидаты на вражду капитанов. Мы шли благополучно и благодаря высокой воде ничто не задевали. Пароход наш делал по 18 верст в час.

Петру I, исследовавшему самолично все северные пути, Сухона была очень хорошо знакома, и память его живет здесь повсюду. Недалеко от села Наремы, которое миновали мы в 3-м часу, есть камень «Пролей кашу», о который толкнулось будто бы судно царевы и выплеснуло из тарелки его кашу; близь реки Юрменга, не доезжая Устюга, есть деревня, будто бы подаренная Петром какому-то лощману. Царь, рассердившись, сбросил лощмана в воду, но лощман этот, видя, что судно направляют не так, как бы следовало, плыл подле и продолжал распоряжаться; Петр I наградил его деревней. В селах Димитриевом и Бобровском есть памятники, свидетельствующие о проезде Великого Князя Алексея Александровича. У деревни Череменино замечен с реки бьющий из скалы ключ Васька. Черт когда-то катил к реке камень, чтобы помешать судоходству или, как тут говорят, сделать «пакость»; но закричали утренние петухи, он должен был оставить работу, не докатив камня, треснул по нем со злости рукою, и с тех самых пор бьет ключом «Васька».

К 4½ часам пополудни подъехали мы к одному из люднейших сел Сухоны — к Шуйскому, лежащему на обоих берегах реки; две церкви с пятью золотыми куполами каждая и с колокольнями, снабженными шпилями, схожие, точно два родные брата, глядят одна на другую через

²¹ Речное грузовое судно, вроде полубарки, с двускатной крышей-палубой, с загнутым кверху носом и каютой.

Река Сухона. Дедов остров. Пустынь

реку. Судьбы этих церквей вовсе не одинаковы; храм правого берега имеет какого-то неизвестного благотворителя, украсившего его так, что внутреннее убранство этой сельской церкви под стать любой столице; благотворитель этот остается неизвестным, и чтобы поминать его, неведомого, устроен в храме придел во имя Всех Святых. Жители Шуйского — так называемые питерщики, то есть ходят на заработки и для торговли в Петербург, и благодаря им село богато и людно.

Сойдя с парохода по длинному пути, выстланному красным сукном, Великий Князь прошел в церковь, где прослушал многолетие, затем посетил местную земскую школу для девочек, число которых более 60, и обедал в доме одного из крестьян. В Шуйском живет много отставных солдат, одевших к приезду Его Высочества свои старых форм мундиры; солдаты входили в состав импровизированной пестрой фаланги, защищавшей дорогу, по которой шел Великий Князь, от напора громадной собравшейся издалека толпы. Многих из них Великий Князь опросил. Часа чрез полто-

Река Сухона. Церковь села Шуйского

ра после прибытия Его Высочество был снова на пароходе; перед тем посетил он пароход, прибывший с провожавшими его вологодским купечеством, и, выпив чарку вина, простился с наполнявшими его вологжанами. Ночевали мы в 63 верстах от Тотьмы на якоре и двинулись в путь снова рано утром 7 июня.

Берега Сухоны по мере приближения к Тотьме растут и начинают становиться замечательно живописными. Между темных лесов широкими изгибами бежит река, постоянно подернутая струями вследствие быстроты падения. От поры до времени скользит вдоль молчащих лесов безмолвным ходом одинокий каюк или тянется узкий бревенчатый плот, по-здешнему «ведило», и на нем разведен костер, подле которого обрисовываются ночью ярко-красным цветом рабочие люди за котелком, а днем высится голубая струйка дыма. Такие же костры виднеются по берегам. От верховьев своих до порога Скородум, на протяжении 266 верст, Сухона падает на $4\frac{1}{2}^{\circ}$; ниже, на протяжении 259 верст, падение это

достигает 24°; это обуславливает при существовании порогов некоторую опасность; малая Двина на протяжении 65 верст падает на 4°, большая Северная Двина на 437 верстах только 15°, так что Сухона является сравнительно самою капризною, она же и самая красивая. Замечательных мест по красоте много, если не все. Не доезжая 9 верст до Тотьмы, есть речка Царева, где Петр I пил чай, — так утверждает легенда, хотя чай в те дни едва ли распивался; в 7-ми верстах на небольшом острове приютилась в соснах и елях маленькая Сергиева пустынь. Ее Высочество приказал остановить пароход и сошел на островок. Переполох произошел великий; старенький иеромонах в старенькой ризе вышел к Великому Князю навстречу и окропил его святою водой. Церковь очень мала; иконостас, однако, пятиярусный — зеленое с желтым; в церковке масляною живописью по стенам или, лучше сказать, на некоторых местах стен, вразброс, совершенно неправильно, точно пробы кисти, намалеваны самые первобытные изображения Марка-гробокопателя, искушений Феодосия и Арефы Печерских, Иоанна Многострадального и хари многих диаволов-соблазнительей. Пустынь стоит на Дедовском острове; подальше будут острова Бабий и Внуков. От каких дедов, баб и внуков эти названия? Но как глубоко скромна эта пустынь и как велик был переполох, в ней произведенный. Говорят, что сюда ссылают на покаяние провинившихся монахов; тотемцы ездят сюда для прогулки.

Мы прибыли в Тотьму 7 июня, около часу пополудни. Уездный городок, этот, имеющий около 4000 жителей и 7 церквей, вырисовывается на левом высоком берегу Сухоны очень красиво; на правом против него стоит одиноко кладбищенская церковь, бывший женский монастырь, в котором до пострижения в Суздальском монастыре жила первая супруга Петра Великого, Евдокия Феодоровна, — так говорят, по крайней мере, местные источники; чуть-чуть подальше от этой церкви расположен так называемый Выползок, небольшое поселение, выползшее из города. Так как хорошая погода решительно балует нас, то и предстала пред нами Тотьма вся во флагах и гирляндах, высыпав всех людей своих на высокий берег в горячем солнечном освещении. Особенно много людей столпилось подле пристани, между собо-

ром и церковью Успенскую. Вдоль пути Великого Князя от парохода к коляске стояли девочки женской прогимназии и сыпали цветы, главным образом желтоголовики, которые в настоящее время, в июне месяце, в средней России отцвели. Вид на пристань и высокого берега сильно напоминал встречу в Романове: те же живые ковры людские, но только не на двух, а на трех холмах.

Великий Князь проехал прямо в собор; он о пяти куполах, с очень длинною колокольней, выкрашен желтою краской, а купола зеленые, что некрасиво; каменный купол только центральный, остальные деревянные на длинных шейках. Иконостас его в стиле Возрождения, с коринфскими колоннами; над царскими вратами, под высокою дугой, писанная масляными красками Тайная Вечеря; центральный купол внутри также на четыре ската.

Из собора, после молебствия, Великий Князь отправился в дом Замятина, где принимал властей. Тотьма стоит при впадении в Сухону речки Песья Деньга. Известно, что в 1539 году казанские татары разрушили прежнюю древнюю Тотьму, бывшую верст на 15 ниже, и жители разбрелись по лесам. Два года бушевали татары в этих местах, неистово злодействуя, и тут разыгрались многие кровавые драмы, о которых летопись сохранила тяжелые воспоминания. Когда с наступлением лучшего времени жители начали снова выходить из лесов, они селились в двух верстах от нынешней Тотьмы, близ соляных варниц. Когда-то посетил город Иоанн IV и стоял лагерем на лугу, называемом и сегодня «Государевым», и тут же он чинил суд и расправу, для чего имелась виселица на месте, называемом виселкой, и сохранилось много преданий. В судьбах Тотьмы играют видную роль Строгановы, вероятно, родственники тех, что обогатили Сольвычегодск. Мало-помалу от варниц жители селились все ближе к Сухоне, и таким образом выросла нынешняя Тотьма.

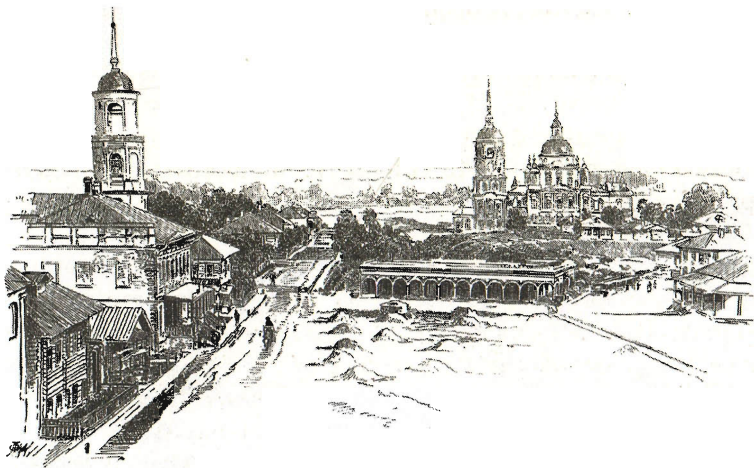
Городок Тотьма сильно пострадал в лихолетье. Вместе с Вологдой сдалась она Самозванцу, но после, надумав думу, отреклась от него и с другими городами севера послала своих людей стоять за правое дело. В соборе, выбиравшем царя, были также и тотмичи. В XVI и в особенности в конце XVII века Тотьма много торговала с Сибирью, транзит

Село Бобровское. Церковь

из которой шел сюда; это был золотой торговый век наших северных городов, но они очень быстро обеднели. Петр I был в Тотьме три раза, по пути к Архангельску, посетил соляную варницу и пустил бадью в рассол, за что и потребовала платы. В восьми верстах от Тотьмы лежит в Сухоне, вне фарватера, справа, камень «Лось», на котором Царь будто бы обедал. При нашем приезде он был виден очень хорошо, и на нем красовался флаг. Посетив это место в 1864 году, геолог Барбот-де-Марни исследовал камень и нашел, что это гнейсовидный красный гранит, превосходящий величиной по крайней мере вдвое Гром-Камень, попираемый Петровыми конем в Петербурге.

Главная святыня города, мощи Преподобного Феодосия, хранятся в Спасо-Суморином Феодосиевом монастыре, отстоящем от него не свыше двух верст. Монастырь окружен стеной с башнями, снабженными шпильями, и представляется, со своими девятью куполами и очень высокою колокольней, с гостиницей и помещением монашествующих, даже очень большим; но это не так, потому

Тотьма. Вид на собор от рыночной площади

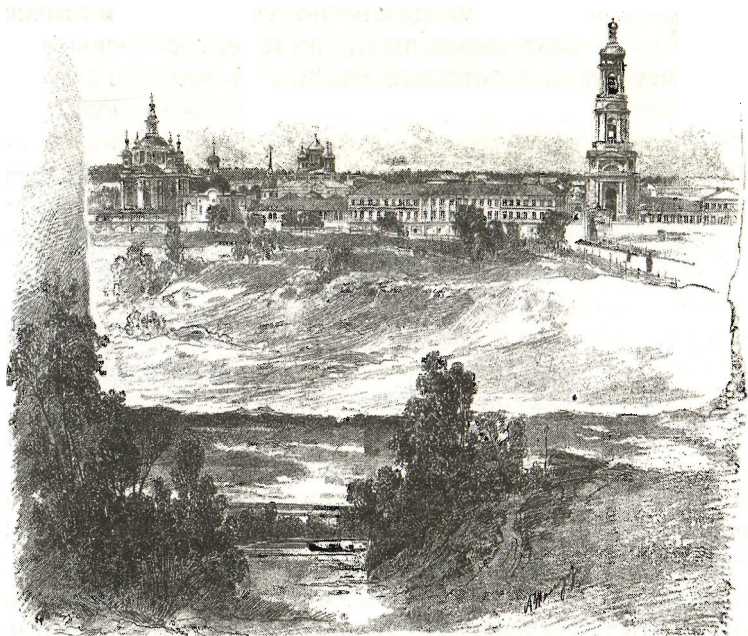
что монастырей здания очень узки и только декоративно вытянуты по лицевой стороне, обращенной к городу. Обману глаз содействует и то, что монастырь находится в котловине. Иноков в нем 18 человек, всех живущих около 80. Над главным храмом большой купол с двумя полукуполами по сторонам; на них фрески совершенно новые; иконостас деревянный, тоже совершенно новый: центральная часть его как бы уменьшенная римская триумфальная арка. Мощи Угодника помещаются влево от входа в серебряной раке, под массивною серебряною сенью, покоящаяся на витых столбах; над сенью почему-то держава. Подле раки видели мы темную, неподвижную фигуру схимника; лицо его было полузавешено нахлобученным верхом одежды; мертвые головы и кресты четко белели по глубокой тьме одеяния.

Великий Князь, принятый у входа духовенством, прослушав многолетие, поклонился Угоднику и обошел церковь. Показаны были реликвии, от него оставшиеся: часть крыши деревянного гроба, кожаные сапоги и завешание, писанное им собственноручно: свиток в три аршина длины. Нельзя было не обратить внимания на то, что в этом храме, равно как и в нижнем, имеются иконы, изображавшие Преподобного почившим. Мы как-то не привык-

ли видеть иконы, не глядящие на того, кто им молится; одно из подобных изображений занимает даже очень видное место на иконостасе. Заметим, что жители Вятской и частью Костромской губернии считают своею обязанностью побывать у Феодосия; 28 января собирается здесь до 10 000 народа. Около 1554 года Преподобный был надзирателем местных варниц.

Немного далее монастыря находятся соляные варницы Кокорева и Ракова, посещенные нами; они расположены в волнистой местности, на берегу небольшой речки Ковды. Рассол получается из трех колодцев: ближайший из них очень слаб: содержит не более 7 % соли; всех варниц три и на каждой получается до 200 пудов соли в сутки, всего в год около 100 000 пудов; цена соли здесь за пуд 32 копейки в продаже; по расчету хозяев, получают они дохода $\frac{1}{4}$ копейки с пуда. Способ добычи соли вполне первобытный: рассол выпаривается на длинных железных протвинях, висящих над огромными крытыми кострами, и пожирает невероятное количество топлива; нам объяснили, что градирная система была бы здесь неприменима вовсе; но экономии в топливе можно было бы достичь несомненно.

К приезду Его Высочества в здании клуба устроена была выставка местных произведений. Видное место занимали меха: медведь, выдра, норка, куница, выхухоль, рысь; за медвежью шкуру, очень большую и совершенно черную, заплачено было 22 рубля; любопытны были фисгармоники, устроенные крестьянами-самоучками Чучковым и Двойнишниковым; был тут очень курьезный глиняный самовар, ценой 1 рубль; здесь же стояли образчики ружейных, березовых лож для Сестрорецкого завода и еловые весла, идущие отсюда к нашим яличникам на Неву; цена лож и весел за пару по 5 рублей. Виднелось достаточное количество сильно поломанных мамонтовых костей, разные тканья и пряжи и очень прочные полотна; в числе местных произведений красовалась и пшеница; любопытны были образчики глауберовой соли с находящегося отсюда в 30 верстах казенного Леденгского солеваренного завода. В небольшом саду клуба были разложены и висели по деревьям орудия рыбной ловли: курмы, верши, перепеты; стерлядь, довольно редкая здесь, в осо-

Река Сухона. Спасо-Суморин монастырь

бенности при полной воде, ловится на переметы, без приманки, то есть попросту сама зацепляется за крючки, когда идет; белая нельма и розовая семга, и та и другая совсем свежие, которые нам довелось испробовать, были привозные и в Сухоне необычны.

Его Высочество посетил учительскую семинарию и земскую женскую прогимназию; в последней 153 воспитанницы. Местное земство и город делают здесь очень много. Ясно сознав мысль законодателя о хозяйственном своем значении, они исполняют это с замечательною добросовестностью; доказательства хотя бы в женской гимназии и больнице, в устройстве казарм и тюрьмы. Все это было найдено Великим Князем в отличном состоянии и вызвало выражение полного удовольствия Его Высочества, причем он заметил, что подобное ведение дела есть доказательство существования тесной связи между различными органами уездного управления, что было тут же подтверждено и начальником губернии.

Смотр местной команде и ротное учение Ведший Князь произвел на казарменном плацу, после чего обойдены были казармы, кухни и столовые, где Его Высочество отведал горох и гречневую кашу. <...> После окончания проверки управления, идя к коляске, Его Высочество заметил рослого, старого отставного преображенца и ласково обратился к нему с вопросом; оказалось, что это унтер-офицер Неустроев, в отставке с 1861 года, пришедший за 70 верст взглянуть на Великого Князя.

Мы выехали из Тотьмы в 7 часов вечера. Около 10 часов вечера прошли один из пяти довольно опасных порогов, Жидятин, и к 11½, часам бросили якорь для ночевки у Кувакинской выставки, в 65 верстах от Тотьмы. Еще ранее Тотьмы Сухона, как мы сказали, становится рекой очень красиво, но ниже Тотьмы представляет она еще более типичности и художественной красоты. Повторять, что берега реки во весь путь оглашались кликами, ныне не будем, но заметим только, что количество детей здесь очень велико, и большею частью это здоровые, крепкие белокурые северяне. Не желая отступать от принятых, по-видимому, обычаев в крае, и на пароходе нашем жена смазчика машины произвела на свет мальчика — Владимира.

Устюг Великий

От Тотьмы до Устюга Великого. Нюксеница. Ревизия волостного правления. Опоки. Устюг. Историческое. Волго-Двинская железная дорога. Цифровые данные о Волге и Двине. Церкви и монастыри. Выставка.

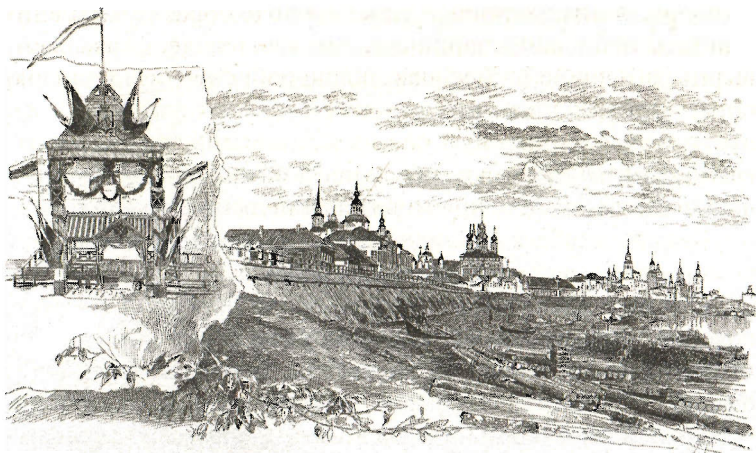
Ночевка на пароходе у Кувакинской выставки в ночь на 8 июня прошла безусловно тихо, не смотря на присутствие на берегу значительного количества людей, обозначавшихся в полусвете ночи отдельными группами. Еще по прибытии, сойдя вслед за Великим Князем на возвышенный пустынный лесистый берег, словно вымощенный камнями подле самой воды и изрытый местами посохшими буераками, по которым по весне сбегали, видимо, очень могучие воды, заметили мы в полусвете ночи большой, словно вытканый из елей павильон; внизу, на воде: виднелись лодочки, душегубки или долбежки, с русскими флагами на носу и на корме, вытянутые вдоль берега для задуманной рыбной ловли. Ночь была светла и безоблачна, но все-таки еще не совсем светла, а по-петербургски, так как мы находились тут на одной с ним параллели и пойдем к северу только от Устюга. Его Высочество довольно долго гулял по берегу, и толпа женщин, мужчин и детей, не нарушая тишины ночи, следовала за ним по пятам. На месте елового павильона задумано местными людьми поставить в память посещения Великого Князя часовню.

Рыбная ловля не могла быть особенно удачна; пока строили павильон, приходили лодки, и наконец появились два парохода, рыба догадалась уйти, но несколько пудов мы все-таки наловили. Длина здешних неводов 60°, тянуть их очень трудно вследствие каменистого дна и множества коряг всяких возрастов и размеров. Переправляясь на лодках с одного берега на другой к месту вытягивания неводов, мы по сно-

су лодок могли убедиться в быстроте течения Сухоны. По прибрежным кустам виднелось одно очень красивое, вьющееся растение, которое местные люди зовут лесным плющом; лист его напоминает наш обыкновенный *Vitis*²², но цветы белые, большие, о четырех лепестках, замечательно грациозны; они схожи с весенними анемонами, но разнятся количеством лепестков и их размерами, обвисали вдоль всех прибрежных кустов и, не находя на них довольно места, спускались на землю и тянулись по траве.

Около 9 часов утра пароход снова бороздил Сухону, которая, несмотря на то, что была у нас перед глазами уже второй день, не могла не нравиться. Берега по-прежнему высоки, волнисты, покрыты лесами; порой виднеются поперечные долинки; на берегу зачастую заметны временные становища рыбаков и их заколы. Здешние села отличаются красивыми, прочными избами, большею частью двухэтажными, с балкончиками и далеко вперед выступающими навесами крыши на швейцарский лад. В том, что и внутри избы эти хороши и чисты, могли мы убедиться с самою полною наглядностью приказаania, данного Великим Князем, неожиданно остановить пароход подле села Нюксеница, расположенного на высоком левом берегу реки. Всполох в мирной деревне был очень велик, когда во множестве стоявшие на берегу сельчане в изумлении заметили поворот, делаемый пароходом. Надо было видеть с рубки эту суетню и беготню, поднявшуюся в неожиданно посещаемой Великим Князем лежащей совсем в стороне ото всяких путей и вне маршрута деревни! Но откуда что взялось! Принесли бабы полотна и разостлали их дорожками; появилась хлеб-соль во многих экземплярах; одна из солонок изображала довольно большого, крашенного синею краской деревянного двуглавого орла, в спине которого лежала соль. Зазвучала также песня, и мелькнули по сторонам крынки с молоком для угощения. Великий Князь, сойдя на берег, взошел в избу крестьянина Казакова, обошел ее всю и подробно расспрашивал о местных заработках, о порядке посевов, о том, как, когда и чем занима-

²² *Vitis* — один из видов европейской лианы, дикий или лесной виноград.

Устюг Великий. Набережная

ются люди, уходя на заработки, и как пользуются близостью водной системы.

В волостном правлении Его Высочество неожиданно приказал волостному писарю прочесть за май месяц входящий журнал и книгу решений волостного суда: прочитано было разбирательство спорного дела между одним крестьянином и отставным солдатом; решение по этому делу оказалось замечательно логичным. Едва ли был где-либо другой случай подобной ревизии волостного правления Великим Князем, и всякий, кто имел какое-нибудь дело с книгами волостных правлений, не мог бы не отдать полной справедливости кому следовало в данном случае: по всем бумагам и решениям исполнения были уже сделаны и отмечены, а великокняжеская ревизия была несомненно вполне неожиданною.

Его Высочество уже направлялся на пароход, когда заметил с высокого берега подчалившую лодку и бежавших в гору людей; один из них был лицом духовного звания и оказался священником села Брусенского, Христорождественской церкви. Он взбежал на гору как раз пред Великим Князем: худенький, весь запыхавшийся, с заплетенными косичками, священник следил за пароходом «на авось», на протяжении 27 верст, и достиг своей цели: он увидел Его Высочество

и говорил с ним. Уже по пути к пароходу обратили мы внимание на небольшие парнички, или, как их здесь называют, вырци, стоявшие на бревнах, подле изб, с весьма молодой порослью; на вопрос: что это такое? — дан был ответ, что это высеян чрезвычайно нужный плод, а именно брюква, называемая тут голландкою; климатические условия здесь таковы, что сеять брюкву прямо в гряды нельзя.

Гораздо круче и выше чем прежде становились берега Сухоны; кое-где виднелись очень тонким слоем известковые обнажения, а поверх их могучие толщи мергелей и песков; над всеми ними тянулся нескончаемый лес.

В селах, довольно частых, попадались иногда очень старинные деревянные церковки, как, например, в Березовой Слободке и Копылове, с маленькими, чуть не волоковыми окнами и низенькою колокольной, обведенною поверху галерейкой, сквозившею на светлое небо своими жиденькими столбиками и маленькими колоколами. Сухона не меняет своего характера на всем протяжении, пароход то и дело шел тихим ходом и производились промеры. Сухону называют здесь также Чортовою рекой: нес черт орехи в решете, просыпал, и орехи обратились в камни, и попадали в Сухону. Около 6 часов вечера были мы в селе Бобровском, где Великий Князь отстоял всенощную. В 1870 году посетил это село великий князь Алексей Александрович, и о пребывании его гласит стоящая на берегу небольшая часовенка с подходящею надписью: с согласия великого князя Владимира Александровича прибавлена будет вторая надпись, о его посещении, так как на постройку другой часовенки он согласия своего не изъявил.

Самое опасное место Сухоны — это Опоки, оно же очень красиво. Длина этого порога, или перебора, немного менее версты, но река делает тут крутой изгиб, выписывает нечто вроде буквы Z и так быстра, что падение заметно на глаз. У церкви села Никольского, на левом берегу, с высокою, обитою блестящей жестью колокольной, здешние судохозяева и судорабочие крестятся и входят в стремнину. Левый берег достигает вышины 200 аршин; он совершенно отвесный, обнаженный и представляет огромное количество редких наслоений мергелей и розовато-серых глинистых песков, тянувшихся математически правильными параллелями. Чрез-

вычайно удачно и метко было сделанное на пароходе сравнение этой горы с громадною пастилой; такие пастилы в Милютинских лавках²³ называются «союзными».

Пароход наш прошел совершенно благополучно; в этом не могло быть сомнения только тогда, когда мы поравнялись со Святым ручьем, прорезающим левый берег, с одноименной ручью деревней на вершине горы; тут конец порогов; на правом берегу виднелось село Порога.

Ночь провели мы на якоре в Герменино и с рассветом двинулись дальше; перед отъездом Его Высочество, сойдя на берег, раздал крестьянам и крестьянкам многие безделушки: радости и удивления было много; здесь тоже строят суда, и остовы их стоят здесь так высоко над водою и многие наклоненными, что удивляешься тому, как спускают их на воду? Около 11 часов утра подъезжали мы к Устюгу Великому, в котором простимся наконец с Сухоной. Вид на древний город, с широко раздавшейся перед ним Сухоной, с двумя десятками высоких церквей, заметных с парохода — всех церквей в городе 26 — с высокою набережною, обделанною бревнами, поставленными торчком, и громадною толпой народа, приветствовавшего Августейшего Путешественника, не обманул ожиданий. Пристань была устроена подле тех трех главных церквей: собора Прокофия Праведного и Иоанна Праведного, заключенных в одну общую ограду, где хранятся главные святыни города: чудотворные иконы и мощи угодников. Его Высочество принял на пристани местные власти и хлеб-соль и направился в собор пешком для того, чтобы отслушать литургию, так как 9 июня было воскресенье. Он был встречен у входа архимандритом Архангельского монастыря Иоаннием и городским духовенством. После литургии Великий Князь, обойдя все три смежных церкви, направился в отведенный ему дом В. И. Грибанова, у входа в который стоял почетный караул от местной команды. Обойдя ряды и пропустив мимо себя караул по отделениям, Его Высочество принял некоторых из представлявшихся ему чинов и отправился посетить учреждения и достопримечательности города.

²³ Милютинские лавки — известные торговые ряды в Санкт-Петербурге (Невский, 29).

Устюг — родина Святого Стефана Пермского. Древний «Глядень» был построен против самого начала Малой Двины, но постоянные нападения чуди заставили жителей с 1212 года переходить мало-помалу на нынешнее его место, к так называемой Черной Луке. Имя города произошло от Устье-Юга и в настоящее время ему, собственно говоря, не подходит; древнее, прежнее место его на соединении трех великих рек: Двины, Сухоны и Юга — было величественно и остается таковым.

В XV веке Великий Устюг считался одним из богатейших городов всей России; почти все коренные сибирские купцы по происхождению устюжане; в нем и поныне совершаются некоторые обороты беломорской торговли. Река Сухона во все время существования Устюга имела на него нехорошее влияние и то и дело подмывала и подмывает город; наводнений не перечсть; самое губительное из них имело место в 1761 году; тогда были снесены водой дома, разрыты кладбища. Еще недавно, лет восемь назад, принуждены были снести церковь Прасковьи-Пятницы, стоявшую крайней на берегу по направлению к соединению Сухоны с Югом. Некоторую пользу приносят шесть небольших поперечных дамб, поставленных вдоль набережной в последние годы.

Устюгу следовало бы быть губернским городом. Он в центре губернии. Это один из красивейших городов наших, если судить по виду, в особенности подъезжая по реке от Вологды; над ним заметен невысокий холм — Соколиная гора — с женским монастырем. С 1802 года Устюг — уездный город.

Слияние Сухоны с Югом образует только что упомянутую так называемую Малую Двину; при впадении Вычегды начинается Большая Северная Двина, катящая свои желтые воды к Белому морю. Здесь именно то место наших северных водных систем, которому несомненно суждено в самом скором времени оживиться и оживить все наше северное богатое поморье. Мы говорим о проектируемой Волго-Двинской железной дороге. О богатстве Севера будем мы говорить при посещении Его Высочеством поморья, будем говорить на основании самых прочных данных; здесь надо сказать несколько слов о той путине, которая свяжет его с центром России, с ее юго-востоком и Азией. Каспий-Волга —

это 10 000 верст водного пути, это, так сказать, наше внутреннее море, и такого моря нет у других; 800 пароходов, 1000 морских шхун, 2000 сорокасаженных судов, 5000 разных судов со способностью поднять 250 миллионов пудов груза, плавают по ней. И все это создалось и живет без крупной субсидии правительства: следовательно, это нужда, это насущная правда, это сила. Что же будет, когда так или иначе присоединятся к этим путям бассейны Сибири? Что будет, если вложить душу в северное поморье и воскресить заглушающую там жизнь?

Четырнадцать железных дорог уже упираются в Волгу, и вся эта масса капиталов и грузов, тяготеющих к Петербургу, сводится, так сказать, к одному знаменателю — к Николаевской железной дороге, с некоторою помощью Мариинской системы. Выражаясь словами одного из видных промышленных деятелей наших, все государственное тело наше в хозяйственно-экономическом отношении «подвешено к рельсам Николаевской дороги». А оборвись они?.. И разве не поэтому сказываются у нас по Волге завалы товаров? А что будет при включении сибирских путей? А что будет, если почему-либо закроется Балтийское море или сгорит хотя один из шлюзов Мариинской системы?

Это вопрос чрезвычайной важности. Безусловно необходимо открыть доступ к нашему родному, собственному, небрежно заброшенному Северному морю. Хороша мысль о соединении каналом Онежского озера с Белым морем. Мысль, несомненно, долженствующая воплотиться, но несравненно важнее мысль о Волго-Двинской дороге. Необходимо всего только соединить Вятку с Двиной от Великого Устюга или, вернее, от лежащего против него Дымкова с бассейном Волги у Котельнича на протяжении 350 верст, или проложить путь на Казань, что составит 550 верст; считая по 50 000 версту, расхода будет около 28 миллионов рублей, но зато будет дано окончательное устройство этому *pendant*²⁴ Николаевской дороги. Вот некоторые любопытные, взятые с натуры данные. Стоимость провоза от Казани в Петербург при скорости 25 дней, составляет 2 руб. 20 коп. с десятипудовой четверти; по Мариинской в 55 дней пути расхо-

²⁴ *Pendant* (фр.) — пара, подобие.

дуются 2 руб.; через Нижний и Москву, в 20 дней — 3 руб. 70 коп. Если проведется проектируемая дорога, то от Волги до Архангельска, в 20 дней, провоз обойдется только 1 руб. 80 коп. Дешевизна эта бьет в глаза, и главное возражение состояло бы в том: способно ли Белое море к продолжительной навигации? Цифры говорят в пользу дела и тут: продолжительность навигации петербургского порта — 180 дней, архангельского — от 120 до 150, разница небольшая. Фрахты от Архангельска будут, конечно, немного выше, чем от Петербурга; от Архангельска в Англию груз идет морем от 8 до 10 дней и стоит с пуда 12–18 коп.; из Петербурга идет от 6–8 дней и стоит с пуда 7–10 коп. Но если взять в расчет вышеуказанную дешевизну доставления грузов до Архангельска, то эта разница покроется с избытком, и мы оживим север с его 5 000 000 населением и будем иметь собственное море, и не будем рисковать висеть, как на нитке, на одной Николаевской дороге.

Волго-Двинская железная дорога вошла, как известно, в высочайше утвержденную сеть. Сначала была она проектирована между селом Котласом и городом Котельничем длиной в 395 верст; затем вместо Котласа взят исходным пунктом Великий Устюг, то есть Дымково. Вопрос об этой дороге, являющийся вопросом насущным, составляет тут предмет обычных разговоров. Вечером, когда Великий Князь после различных осмотров и посещений отдыхал против его дома, на противоположном берегу Сухоны, в Дымкове, ярко пылали иллюминационные костры и выдвигали село это из окружавшего его полумрака, как бы напоминая, ходатайствуя о его будущих блестящих судьбах.

Церкви, посещенные нами за этот день, во многих отношениях очень любопытны.

Городской собор, Успенский, существовал уже в 1290 году, но нынешний построен в 1658 году. Чудотворная икона Одигитрии пожертвована в 1290 году ростовскими князьями Дмитрием и Константином Борисовичами и стоит на том именно месте, которое определено ей Петром Великим. Иконостас собора, резной, золоченый, с коринфскими колоннами, в два яруса, очень хорош; это один из лучших, виденных нами, если бы не впечатление крашенных скульптурных неудачных фигур Спасителя на кресте и многих ангелов; эти распятия

над иконостасом, эти крашенные, большею частью некрасивые, мумиеобразные ангелы попадают здесь чуть ли не в каждой церкви и только портят впечатление. Соседняя с собором церковь Прокофия Праведного; она о пяти куполах с богатым, но вычурным резным иконостасом; мощи Преподобного покоятся в раке налево, под деревянную золоченую сенью. Замечательны вышитый жемчугом образ его, пожертвованный в 1684 году московским гостем по прозвищу Скорая Запись. Еще менее велика церковь Иоанна Праведного, покоящегося налево от входа в нее, под деревянную, золоченую сенью на восьми витых столбах; и тут опять уже на самой сени сидят неудачные изображения ангелов, держащих зажженные свечи. Очень много сходства между шитою иконой Прокофия Праведного и такою же Иоанна Праведного, хранящихся в одноименных им церквях: контуры обведены жемчугом, черты выцветшего от времени лица — черным шелком.

По выезде из дома Великий Князь посвятил богадельню, призревающую 27 мужчин и 25 женщин, и ремесленный приют на 30 воспитанников, откуда направился в мужской Архангельский монастырь, основанный в XIII столетии и имеющий около 20 иноков. Главная церковь его о пяти куполах на длинных шейках, с таким же, как в соборе, скульптурным распятием над иконостасом. Все монастырские здания свидетельствуют о большой древности; во дворе есть нечто вроде кремлевского крытого Красного крыльца; дверь из собора, ведущая к настоятелю, имеет вместо стекол слюду. Характерны одни из монастырских ворот, состоящие из трех проходов под арками, между которыми высятся длинные шпильи, напоминавшие китайские мотивы.

Женский Предтеченский монастырь, посещенный вслед за тем, однолеток Архангельскому мужскому: он стоит на Соколиной горе, и вход в церковь его идет по довольно высокой, крутой лестнице; к несчастью, внутренние столбы церкви обелены и украшены местами плохую, совершенно новою живописью, которая решительно не гармонирует с почтенными архитектурными очертаниями храма и древностью многих резко отделяющихся от белых стен темных икон. В первом из этих монастырей Великий Князь был встречен архимандритом Иоаникием, во втором — игуменьей Флорентией и заходил в помещения обоих на чашку чая. В женском монастыре число сестер — 180.

Вообще сказать, Устюг изобилует церквами; если смотреть от пристани, к которой мы подъехали и от которой будем уезжать, то можно видеть их одну подле другой, длинным рядом. В одну сторону от собора и храмов Прокопия и Иоанна Праведных идут церкви Алексея Митрополита, Спаса-на-городе, Рождественская, Николаевская, Варваринская, Иоанна Предтечи, Мироносицкая, Варлаамиевская, Петра и Павла, Симеона Столпника; в другую — Ильинская, Леонтьевская, вдали — Янковский монастырь; против города, на другой стороне Сухоны, видна церковь Дымковской слободы во имя Серия Радонежского; значительно дальше, в глубине обширнейшей панорамы, на берегу Юга, сливающегося с Сухоной, белеет Троицкий монастырь церкви: Морозовская, Спасоубруйская, и наконец, самая далекая — Ивана Праведного в Пухове. Это целый словарь имен Святых, наиболее чтимых народом, писанный от века каменными буквами. Это живое кольцо церквей, большею частью совершенно древних, придает Устюгу некоторое сходство с Ростовом Великим, однолетком его, только вместо озера Неро является здесь Сухона, сильно утомившаяся в своем долгом течении, разлегшаяся шире, как бы довольная тем, что меняет свое каменистое дно на более мягкое, песчаное в Малой Двине. Устюжане, как это замечено, кажется, Костомаровым, никогда не присягали Лжедмитрию, и когда недалекая Тотьма и даже сама Вологда временно поклонились ему, Устюг выжидал и остался непреклонным, твердым своими многочисленными храмами, окружающими его каменным кольцом.

Много любопытного представляла устроенная к приезду Его Высочества выставка местных произведений в городском саду, в павильоне, напоминающем устюжанам о посетившем их в 1870 году великим князем Алексеем Александровичем. Очень видное место занимали на ней, конечно, полотна, скатерти, салфетки из недалекой Грибановской мануфактуры, которую мы посетим завтра; значительный отдел составляли шкатулки и шкатулочки всех величин со всякими хитростными замками, настолько хитростными, что забыть секрет очень нетрудно, и тогда судьба шкатулки быть взломанною самим собственником; шкатулок было главным образом два вида: поверхность одних блистала разноцветною фольгой

с вырезными на ней узорами из бересты: поверхность других была составлена из полосной жести, покрытой «морозом», то есть теми острыми, лучистыми оттенками жести, которые так хорошо известны нам по дорожным ящикам и погребцам Апраксина двора.

На выставке имелись очень недорогие меха, — лосиная шкура стоила 5 руб., имелась бумага с фабрики Сумкина в Ляльске, мыла Полднева, щетина с завода Кострова, идущая сюда сырцом из Сибири и обрабатываемая в количестве 4000 пудов на 200 000 руб. в самом Устюге; из отбросов, получаемых при обработке щетины, делают коврики, башмаки, туфли, последние ценой в 20 коп. Тут же виднелись разные сорта зерновых хлебов; Кошков представил серебряные изделия с чернью. Великий Князь, подробно выслушивая каждого из экспонентов, интересовался мнениями торговых людей Двины и Поволжья, давно уже связанных общими интересами, разрешение которых находится в прямой зависимости от окончательного решения железнодорожного вопроса.

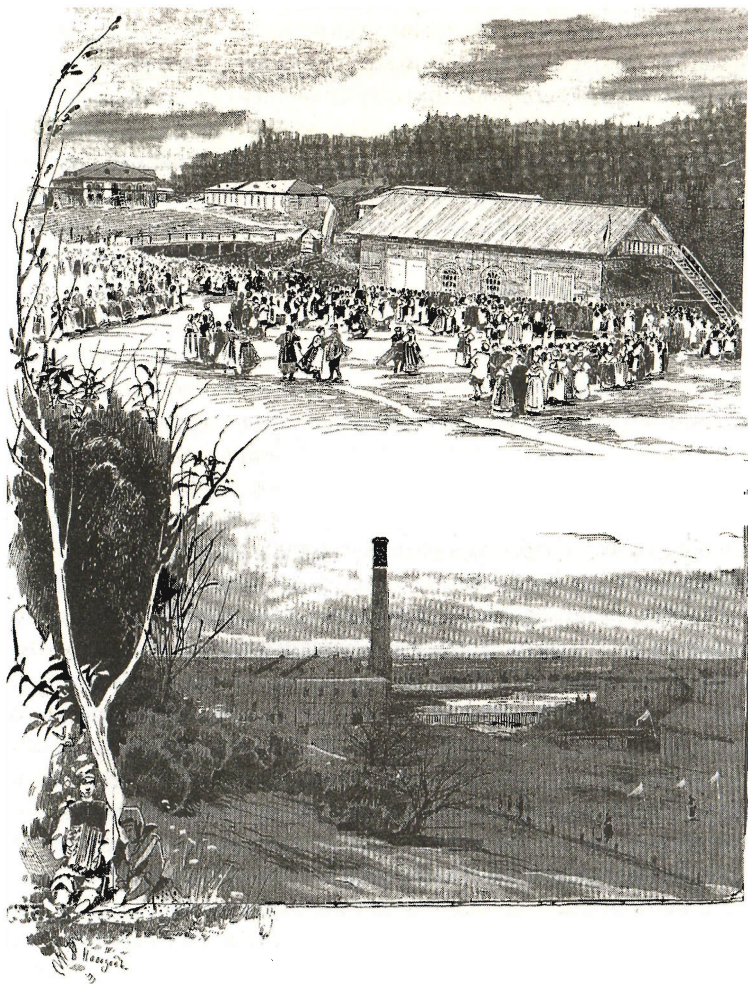
<...> Посетив казармы, столовую, кухню и испробовав пищу, Великий Князь отправился прямо на пристань, от которой предстояло отвалить около 11 часов утра. До ближайшей остановки нашей, в 26 верстах от Устюга, для осмотра мануфактуры Грибанова Его Высочество провожало городское общество на пароходе «Двина» и имело при себе оркестр музыки. День был вполне роскошный, совсем не северный; мы простились с Устюгом, с его многочисленными, выстроенными в ряд церквами и многочисленную, расцвеченную красными и розовыми сарафанами женщин, толпой, при кликах «ура» и густом колокольном звоне.

От Устюга до Сольвычегодска

Грибановская мануфактура. Праздник. Пляска. Малая Двина. Ее характеристика. Забытый Екатерининский канал. Распространение стерляди.

Длинный ряд устюженских церквей еще раз взглянул на нас, когда мы, едва покинув город, вышли на Двину и круто повернули налево к северу; из-за плоской песчаной косы глянули оне все разом и уходили от нас, будто засыпаемые подвижными двинскими песками. Сухона сливается с Югом в широкой равнине, окаймленной на далеком расстоянии очень невысокими лесистыми холмами, причем Юг значительно уже Сухоны и кончает свое самостоятельное существование недалеко от старого Троицко-Введенского монастыря, очень хорошо видного с парохода. Тут же начинаются прибрежные пески, подвижные острова, своенравные двинские протоки или рукава, засорявшиеся иногда с одной из сторон и получающие тогда название «курье». С этими главными мотивами пейзажа не расстанемся мы более до самого Архангельска.

Льнопрядильная и полотняная фабрика В. И. Грибанова расположена в двух верстах от Двины, на левом берегу ее, по почтовому тракту от Устюга на Сольвычегодск. Мы прибыли к пристани около полудня и направились к фабрике в экипажах. Она расположена очень красиво на берегу небольшой речки Синеге; вдоль узкой долины, с крутыми скатами, поросшими лесом, следуют одно за другим ее красивые кирпичные здания, начиная от прядильной до беленой и складочной; это слева от дороги; справа на горе поднимается дом хозяина, с балкона которого видна вся фабрика как на ладони, вся хорошенькая долина Синеге и бесконечная двинская даль.

Грибановская мануфактура. Пляс рабочих

Фабрика основана в 1851 году и вырабатывает пряжи, полотен и изделий на 680 000 рублей. Леннопрядильная и ткацкая действующего 50-сильною паровую машиной, для отбельной имеется машина в 20 сил; все аппретурные машины двигаются водяным колесом в 25 сил; рабочих на ней 1000 человек; лен до 30 000 пуд скупается в полуобработанном виде в уездах Устюжской и Сольвычегодской, а главный

сбыт изделий — столицы, ярмарки Нижегородская и Ирбитская. В том, что количество полотен, вырабатываемых на фабрике, велико, убедились мы еще издали, с парохода, так как поверхность одного из холмов была устлана белившимся полотном и напоминала солдатский лагерь; это отбеливание полотна производится не один, а несколько раз. Пряжи работают здесь нумерами, с 10 по 145, то есть фабрика не производит самых толстых сортов, до номера 10, и не занимается вовсе батистовым производством, с номера 145 и выше. Из хорошо вычесанного льна производятся тонкие полотна, из оческов или пакли работают более грубые фламские полотна — равентухи и коломянки. Все более тонкие сорта, все скатерти и салфетки делаются здесь ручной работой машинами, то есть ткацкий станок приводится в движение ногой, а челнок пропускается поперек пряжи посредством привода, подергиваемого рукой. Очень любопытно воплощение различных рисунков посредством картонажей с прорезными дырочками: чем сложнее рисунок, тем больше картонок. Все это производство должно быть отнесено к чистым, если исключить паковую пыль в чесальной и запах хлора в белильной. Изобразителями чистоплотности являются 10 красных молотов, очень приличных размеров, заменяющие прачек. Самая большая ширина пряжи, здесь выделяваемой, три аршина; хорошая работница при задельной плате получает 10–12 руб. в месяц; за пуд льна платят от 6 до 8 руб.

Его Высочество внимательно обходил все мастерские, принявшие праздничный вид, и осведомился о хозяйственной стороне дела и значении его для края. Все женщины, сидевшие за ставками, были в пестрых праздничных платьях, и все, без исключения имели на головах платки, повязанные тремя, четырьмя характерными, особенными способами.

В том, что платок и грация его обвязки составляют здесь существенную часть наряда, имели мы возможность убедиться в устроенном на площади, внизу перед домом хозяина, гулянии и пляске заводских жителей. Благодаря хорошей погоде гуляние это удалось вполне.

Смотреть с высокого балкона в глубь долины было любо. Поперек площадки шла так называемая улица, где выстро-

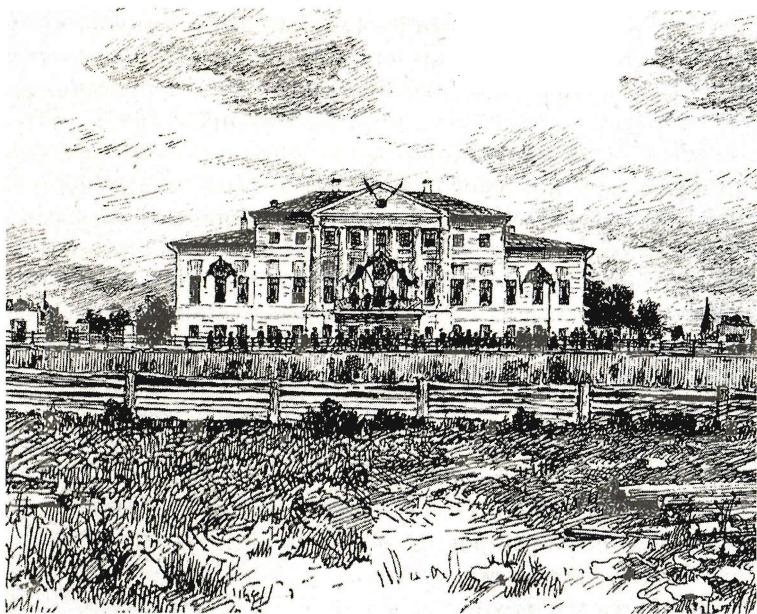
ны были двумя длинными рядами мужчины и женщины, и, двигаясь медленно, как бы в раздумье, проделывали тихим, мирным шагом разные эволюции. Влево плясала молодежь, состоявшая из семейств лиц, заведующих заводом, и тут особенно красивы были шитые нарочно для этого праздника шелковые сарафаны с серебром и изящные кокошники. Вправо гораздо большим кругом шел забористый пляс рабочих: посредине восседал артист гармоники, и подле него на земле валялись десятки шапок, брошенных плясавшими парнями; шел трепак, гудела песня, встряхивались кудри, у гармоник позванивали особые музыкальные молоточки, чудесно обозначая такт, шло угощение пряниками, коврижками и фруктами.

Сойдя после обеда с высокой горы, Его Высочество долгое время ходил между плясавшими и пешими; трудно было сказать, что блестело больше всего: очи плясавших девушек или стеклярус их широких, обшитых густою бахромой косынок, платков, монист и кушаков.

По пути к пароходу Великий Князь посетил заводскую школу на 150 человек, и в 4½ часа двинулись мы по Двине дальше.

От слияния Сухоны с Югом на протяжении 66 верст Северная Двина называется Малою Двиной; воды в ней достаточно, но Юг приносит с собою огромное количество песчаных наносов, образующих много кос и заструг, что не исключает также присутствия каменных град. В Большой Двине воды всегда много, но она имеет дурную привычку всех наших великих рек: чрезвычайно широка и идет часто рукавами; в ней тоже попадают заструги в 4 четверти глубины, мели очень подпилены и кроме гряд есть и одиноки; искусство лоцманов далеко не всегда предупреждает разбиение пароходов.

Движение грузов по Двине так деятельно, что в полной мере заслуживает содействия казны; существующих 453 вех и 5 бакенов далеко не достаточно. Двину необходимо расчислить, особенно 15 мест камней; нужно углубить стрежень ее или подвижными щитами на судах, как это делается на Рейне, или железными граблями Быкова, действующими на Волге; новая обстановка бакенами и вехами необходима, и в этом смысле и действует наше министерство путей сообщения.

Устюг Великий. Дом Грибанова

Так действовало оно на Волге и достигло того, что лоцмана на ней становятся предметом роскоши и, пожалуй, уйдут в былое, подобно ящикам старых шоссейных трактов!.. На Двине лоцман пока что совершенно необходим, а наука здешнего лоцмана — практика, и, как тут выражаются, тот не лоцман, кто не топил судов.

Двина, по верному замечанию г. Максимова, не осмыслилась ни в одной народной песне, нет ей хвалебных, ласкательных эпитетов, потому что уж слишком переменчива и плыть по ней не выгодно. Длина ее 614 верст, и нам придется ознакомиться с нею на всем протяжении.

Подвижность мелей в Двине обуславливает и очень резкие перемены в очертаниях берегов, в постоянном нарождении и исчезновении целых островов. Это особенно заметно в самом устье; там, где были острова и стояли деревни — теперь идет глубина и наоборот. Предание говорит, что на Кег-остров, лежащий против Архангельска, когда-то перебрасывались из города церковные ключи; теперь между ними с лишком две версты водной поверхности.

Значение Двины в нашем государственном хозяйстве огромное, но оно будет несравненно больше с проведением Волго-Двинской дороги. Сольвычегодск, к которому мы направлялись, стоит почти у самого впадения в Двину Вычегды, приносящей с Урала огромное количество воды; кроме воды оттуда могли бы приходить и суда с грузом, если бы не погиб Екатерининский канал. Будучи в этих местах, нельзя не вспомнить об этом зачахнувшем канале. Он соединял обе Кельтмы и посредством них по Вычегде Волгу и Двину. В 1781 году составлена была комиссия по вопросу о соединении обеих Кельтм; она выработала в 1785 году проект Северо-Екатерининского канала и предполагала затрату в 400 000 рублей. Работы начаты в 1786, прекращены в 1788 году, по случаю Шведской и Турецкой войны; возобновлены в 1803 году. В 1810 году поднят был странный вопрос о том, нужен ли вообще этот начатый канал? Хотя во время производства работ он потерпел значительные повреждения, прорывы, но, тем не менее, в 1812 году выемка земли была кончена, как вдруг разразилась Отечественная война и приостановила дальнейшие сооружения. Никто, однако, не предвидел тогда, что эта приостановка будет и концом: в 1839 году решено, что так как шлюзы сооружаемого канала пришли в ветхость, то и сам канал не нужен; он был передан в гражданское ведомство и погиб.

Не мешает, однако, хотя бы из любопытства, сопоставить длину этого безвременно погибшего пути, шлюзы которого характерным образом до открытия канала сгнили, с другим водным путем, существующим и сегодня: которым из двух легче было добраться до моря, а в этом, как известно, весь вопрос. Вот эта параллель, считая от Перми до Белого и Балтийского морей, говорящая сама за себя — Кама, Кельтма, Екатерининский канал, Кельтма, Вычегда, Северная Двина, Архангельск — 1738 верст; Кама, Волга, Шексна, каналы, Свирь, Нева, Петербург — 2840 верст. Из этой параллели ясно, что, если бы существовал Екатерининский канал, часть грузов направилась бы, безо всякого сомнения, не в Петербург, а на Архангельск.

Но так как нет худа без добра, то разрушение Екатерининского канала сослужило службу: стерлядь, вкусная стер-

лядь прошла из Камы в Двину и расплодилась в ней замечательно. Сначала, в двадцатых годах, ее на Двине не ели, считали за змею, но какой-то солдат научил есть. Теперь за большую двинскую стерлядь платят в Петербурге свыше двухсот рублей. Кроме этой прибыльной ловли добывают на Двине в достаточном количестве и семгу, и нельму, и налима. Так у Анисимова Взвоза, верст 50 выше Сии, приметного с реки своими алебастровыми берегами, идет порядочный лов семги; она для метания икры доходит до этих мест из моря, обращается тогда в «лоха», «ошает», как говорят местные люди, на нижней ее челюсти вырастает рог, вся она удлиняется и принимает свою обычную форму только впоследствии, возвратясь в море.

Река Вычегда. Сольвычегодск

Историческое. Строгановы. Собор и его неоценимые древности. Иконостас, иконы, ризница. Подземелья. Введенский монастырь. Вспокошный колокол. Выставка. Посещение Котласа.

Часу в 9-м вечера повернули мы, пройдя село Котлас, к востоку и вошли в реку Вычегду, чтобы сделать по ней 18 верст до Сольвычегодска. Вычегда очень схожа с Двиной, только значительно быстрее; характер берегов, подвижность песков, количество островов — те же самые. Мы шли спокойным ходом против течения, завивавшего реку быстрыми струйками, по которым зачастую скользили столбики пены и крутились пузыри. Вычегда, как и Двина, то и дело «снимает» свои острова, «ударит» в один берег, рвет его и накладывает на другой, так что фарватер меняется иногда два, три раза в навигацию. Разрушительную работу реки видели мы, проходя почти вплотную к одному из островков, поросших густым, прочным ивняком; острый нос острова, обращенный к течению, подтачивался и сокрушался в момент прохода нашего, и корни вырванного, лишенного почвы ивняка тут же промывались дочиста, добела, и уносился такой, будто обмытый для похорон, куст стремниною. Вода в Вычегде падает в июне быстро, по пяти вершков в сутки.

Сольвычегодск, с 1796 года уездный город, в котором никогда не бывало никого из лиц Царствующего Дома, увидели мы верст за двенадцать; верхушки церквей его тонули в глубокой дали и, выглядывая из-за низких островов, то пропадали, то обозначались снова. Яснее других виднелись белый собор и темноватое очертание высокого Введенского монастыря.

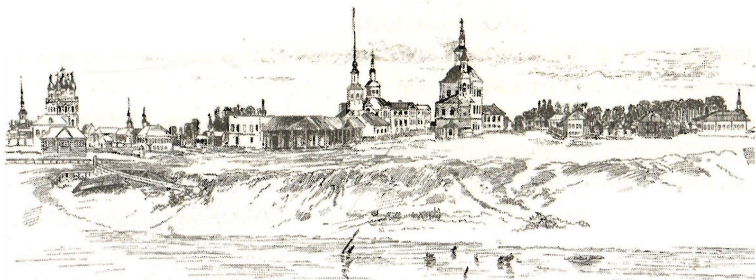
Давным-давно в трех верстах выше нынешнего города находилось когда-то селение Чернигов, бойко торговав-

шее с древнею Сибирью, когда Московское царство только еще начиналось. Путь в Сибирь был общественною тайной тогдашнего города; знаменита была и характеризует эту торговлю «соболиная» ярмарка.

Как Сухона в Устюге, так и здесь, Вычегда занималась и занимается подмыванием берегов; жители прежнего города, теснимые рекой, переселились со старого места к соляным варницам, и таким образом возник нынешний город, называемый народом просто «Солью». Зыряне называют его «Соль-Дор», что значит соленый край. Семья Строгановых направила город к богатству, заведя в 1517 году свои соленые варницы; позднее, как говорят, Аника Строганов открыл Иоанну IV тайну существования Сибири, тайну торговли с нею, а Ермак покорил ее. С переездом Строгановых в Москву город быстро захирел, варницы его покинуты, но воспоминания о последних сохраняется посреди не города и сегодня, в весьма значительной зловонной луже, которую непременно следовало бы засыпать. К несчастью, эта антикварная лужа пользуется преимуществом перед другими древностями, уничтожаемыми у нас без всякого сожаления. Вычегда, оставаясь верною своим привычкам, подходит к городу все ближе и ближе, точно преследует его и угрожает собору — последнему памятнику былого богатства и радения городу Строгановых.

Около 9-ти часов вечера подошли мы к пристани, устроенной подле самого собора, стоящего на довольно возвышенном холму, окруженного деревянною оградой и березами. Когда с парохода забросили на берег «легкость», то есть бечеву с тяжестью на конце, к которой прикреплен причал, «ура» и колокольный звон давно уже стояли в воздухе, над ярко пестревшюю по берегу и по скату холма толпой; сидели люди на деревьях, заборе, виднелись и с колоколен. До собора близехонько, и Великий Князь прошел в него пешком, отслушал многолетие, осмотрел внимательно замечательные древности собора, вклады Строгановых, и отправился в отведенный ему дом купца Хаминова, где тотчас же и принял властей.

Сольвычегодск очень мал; он, так сказать, виден весь насквозь, так что приходится удивляться даже тому, где помещаются его 1760 человек жителей. Это та блаженная

Общий вид Сольвычегодска

страна, где нет еще телеграфного провода, где дичь продается не по родам ее, а просто — 1 р. 20 к. с пуда «пера». Тем величественнее вырисовывается в нем почтенное обличие его древнего Благовещенского собора, основанного в 1560 году именитыми людьми Строгановыми и богато одаренного ими. Внешность собора очень проста: поверх кубического корпуса пять небольших куполов на длинных шейках и отдельно стоящая колокольня. По верхнему краю стен тянется простенький, сложенный из кирпича, довольно широкий фриз; стены ярко выбелены, крыши выкрашены зеленою краской, так что по внешности собор ничего замечательного из себя не представляет, — он вполне зауряден. Зато поразительна внутренность собора, имеющая полное право быть поставленною, — не по богатству, конечно, но по художественности, по высокому археологическому интересу, — рядом с лучшими образчиками Московского кремля, Киево-Печерской лавры, Ярославля. И это где же? В Сольвычегодске. И кем это сделано! Одною родовитою семьей верных сынов церкви и государевых слуг, еще не императорской, но царской России — Строгановыми. Мало на Руси храмов, сохранившихся в такой удивительной неприкосновенности: входя в него, вы входите в настоящий XVI век. Под пятью куполами с восьмигранными шейками, от самых вершин их до низу стены развивается в древних, нетронутых рукой поправителя, фресках великая эпопея Библии и Евангелия. На стене, противоположащей алтарю, во всю ширину живописованы ад и рай. И входите-то вы в церковь не прямо с земли, а поднимаетесь по крутой, высокой лестнице, минуете поперечную галерею

и идете сквозь низкую дверь под грузною круглою аркой, составленную из трех выпуклых поясов. При входе в церковь пред вами тянутся к своду два высокие, длинные, испсанные ликами столба, отчасти закрывающие величественный, четырехъярусный иконостас; в нижнем ярусе его, между образами, поблескивают золоченные коринфские колонки, шафты²⁵ которых словно насечены поперечными углублениями и, если хотите, напоминают не формой, но покровом своим столбики кукурузы; выше, в третьем ярусе иконостаса, на выступающих красивых кронштейнах поставлены витые колонки с коринфскими капителями. Пред образами иконостаса висят массивные бронзовые позолоченные паникадила, из которых каждое — археологическая замечательность; низ их состоит из круглых, шарообразных выступов удивительно гармонических очертаний. Люстра, очень небольшая, пред царскими дверями повышена на трех широких металлических тесьмах и имеет по низу очень широкий, характерный металлический обод. Иконы собора все древние, все неподновленные; большинство их одето ценными ризами и, так и кажется, что мало им было места в алтаре и по иконостасу, и вот обогнули они по низу длинными поясами весь храм, обошли кругом все его стены и основания колонн; все, которые покрупнее, разместились внизу, которые помельче — заняли место повыше, и висят оне бессчетные, вплотную одна к другой, и кажутся каким-то блистающим золотом риз, по черни ликов, удивительным ожерельем. Сколько времени должно было пройти, чтобы собрать здесь столько икон, сколько молитв совершено над ними, сколько печалей облегчено?!

Центром, собирающим в себя все это удивительное единство церкви, являются царские врата, совершенно единственные, исключительные в своем роде. Они малы, узки, невысоки и состоят из арки о трех круглых, углубляющихся к алтарю частях; по бокам дверей имеются два столбика, составленные каждый из пяти шаров, связанных невысокими тактиками о четырех гранях с утолщением к середине; шафтики образованы каждый из двух усеченных пирамидок, сложенных широкими основаниями. Над аркой дверей

²⁵ Шафт — здесь: ствол или тело колонны.

три образка, на самых дверях по три на каждом створе, по столько же на каждом из столбиков, да еще одна с наружной стороны их. Весь этот оригинальный комплекс самых простых геометрических фигур облицован довольно богатой прорезью, сделанною из олова, положенного на покрытую слюдой фольгу красного, белого, синего и зеленого цветов. В общем впечатлении царские двери исключительно характерны, красивы и совершенно подходят к стилю всего храма. Вправо от алтаря замечательно по цельности и сохранности архиерейское место под сенью.

Очень хороша своею простотой деревянная сень над алтарем. Фрески в алтаре и диаконнике тоже древние, необыкновенные. Любопытны изображения в рисунке стиха Херувимской: «ныне силы небесные с нами невидимо служат»; художник задался мыслью изобразить невидимое служение и поставил двух священнодействующих, голов которых не видно из-за пламени, обвившего их; в самом пламени, образующем языками своими облики херувимов, огненное изображение Спасителя, обвитого пламенною плащаницей.

Создав эту замечательную церковь, именитые люди Строгановы богато одарили ее. Превосходны многие шитые образа, между которыми имеется несколько экземпляров с изображением того, как Качалов резывает царевича Димитрия²⁶, душа которого — в виде дитяти — вылетает из него; оригинальны же шитые изображения Благовещения: Ангел благовествует Богоматери, а в утробе ее уже обозначен Святой Младенец. Перечислить все редкости собора невозможно. Очень любопытен складень, сделанный из доски с гроба митрополита Петра, с изображением на нем, между других Святых, Василия Блаженного, осеняющего двуперстным знаменем. В подвальном помещении собора хранятся остатки от возка и саней Строгановых: на коже, почти ободранной, тисненые изображения козерогов, львов и т. п. Подвал церкви состоит из отдельных палат разной величины, совершенно темных, соединенных узкими проходами, с кольцами и засовами, служивших, видимо, и темницами, и казнохранилищем.

²⁶ По преданию, Микита Качалов — один из убийц царевича Димитрия, сына Ивана Грозного.

Солевычегодский собор, на берегу пустынной, далекой Вычегды, окруженный малонаселенными лесными пространствами, нетронутый радетелями мишурного блеска в церковном Благолепии, составляет явление совсем исключительное. Его, высящегося в темени и ветхости годов, следует беречь как зеницу ока, и тем обиднее было проведать, что несколько времени тому назад совершенно частному человеку проданы были три из древних икон собора. Так ли это — и кто дал на это право? Вот это двойное святотатство!

Если в соборе внутренность его безусловно подавляет собою его обновленные побеленные внешние очертания, то с мужским, Введенским монастырем, основанным в 1568 году и имеющим только четырех монахов, совершенно наоборот. Внутри кажется он и пуст, и бел, и негармоничен, и иконы-то его почти все без риз и оглавий, но зато наружность одна из типичнейших и лучших, дошедших до нас в полной неприкосновенности. Это как бы огромный не то куб, не то четырехугольная башня, в четыре яруса окон. Пять куполов высятся над нею, а маленькая, гораздо позднее пристроенная, колоколенка робко жметя вниз, не достигая их почтенной вышины. Эта кубическая, по-видимому, бесформенная масса оживлена тем, что имеет дробные карнизы и балюстрады, что она опоясана сверху и снизу по обходу невысокими, плоскими кокошниками, что посередине четырех фасов наверху, на выступах, поднимаются, будто висят ни воздухе, небольшие воротца-фронтончики покоятся на витых колонках; что по нижним частям строения виднеются колонки коринфские и что, наконец, здание не обелено и прочная кирпичная кладка, потемневшая от времени, дает ему тот спокойный, понятный колорит, который присущ древности и которого никакая краска не заменит. К несчастью, здание это не ремонтируется: портик его весь в трещинах и уже погнул не совсем прочные железные связи, его поддерживающие до невозможности; пройти под ним, казалось, небезопасно: ступеньки покосились, потрескались, и в расщелинах плит растет трава и обсеменяется мох.

Посетив Введенский монастырь, Великий Князь прошел пешком в соседнюю с ним церковь Бориса и Глеба; от той церкви, в которую в 1570 году царь Иоанн пожертвовал, два колокола, их боле нет и следа: нынешняя церковь кон-

ца XVIII века. В недалекой от нее Воскресенской церкви висит «Вспокоенный колокол», тоже пожертвованный Иоанном. Предание гласит, будто это знаменитый вечевой колокол и пред ссылкой сюда был, по приказанию царя, высечен. В народе существует вера в целебную силу таинственного колокола: больного ребенка держат под ним и звонят два-три раза; колокол достаточно велик, чтобы звуком своим произвести в положенном под него ребенке некоторую реакцию. Толкуют, что и веревка от языка этого колокола способна удалить бесплодие женщины.

Вослед за церквями Великим Князем посещены были мужское и женское училища, причем Его Высочество выдал двум лучшим ученикам присужденные им награды. Учеников в училище 48, учениц 58; посещена была богадельня, призревающая 8 женщин и 1 мужчину.

Устроенная в здании тюремного замка выставка местных произведений третья по пути Великого Князя к северному поморью, служила хорошим дополнением к тому, что мы уже видели. Если в Рыбинске на бирже красовались всевозможные сорта хлебов, то здесь образчиков их было уже очень немного. Из местных произведений обратили на себя внимание глиняные горшки ценой в 1 коп.; ведра стоят здесь 10 коп.; много работается различных плетений из сосновых корней; из бересты сплетают здесь ширмы, стулья, диваны; для курьеза сплетен был даже самовар со всеми принадлежностями, ценой 1 руб. серебром. Были выставлены образцы филигранной работы; живая россомаха сидела в клетке, и этот тигр здешних лесов, правда, очень еще молодой, оказался настолько кроток, что его даже гладили; скипидар, смола, сало занимали подобающее им место в ряду местных произведений, к числу которых должно отнести и кремневые ружья, до сего дня здесь производимые и стоящие 7 руб.; на последних нумерах выставки стояли две замечательные 150-летние сосны в 2 аршина вышины и в 1½ дюйма в основании и 100-летняя — почти наполовину ниже. Количество слоев их можно разглядеть и счесть только в лупу; образчики подобных сосен попадают на здешних вековечных болотах нередко; это примеры неудавшейся пригнетенной жизни.

Служебные посещения Его Высочества были следующие. Осмотрев с раннего утра казарму, испробовав пищу, Великий

Котлас. Его Высочество возвращается на пароход

Князь произвел уставное учение местной команде, построенной для этого на казарменном плацу в полуротном составе. В управлении уездного воинского начальника потребованы были алфавиты о запасных, уволенных из войск и зачисленных прямо с места в призыв...

Из Сольвычегодска выехали мы во 2-м часу дня. Маленький городок, хранящий в себе один из лучших храмов русских, городок, имеющий всего только три каменные дома, из которых бесспорно красивейший с колоннами и фронтоном — тюрьма, высыпал весь, с массой пришлого люда, к пристани. День был необычайно жарок; солнце палило. Спустившись по Вычегде, Великий Князь посетил стоящий при впадении ее в Двину Котлас, который, по некоторым высказанным мнениям, мог бы быть конечным пунктом проектируемого Волго-Двинского пути. Его Высочество тут, как и в Дымкове, ввиду особого их интереса, осмотрел берег. Посещены были обе церкви Котласа, и вслед за тем, переехав на противулежащий берег Двины, мы присутствовали при рыбной ловле, причем пойманы были всякие представители местной рыбы, кроме стерляди и налима. Тут

тоже был народ и импровизировал на сыпучих песках песни и хороводы. Здесь же, по окончании рыбной ловли, откланялись Его Высочеству начальники Вологодской губернии и 18-й местной бригады и представились начальники Архангельской губернии Пашенко и 2-й местной бригады генерал-майор Граве.

Часа чрез два пути, в 9 часов вечера, налетел сильный совершенно неожиданный шквал, и термометр упал сразу до 4°. Поверхность Двины подернулась пестрою порывистою зыбью, запрыгали по волнам зайчики и низко-низко пригнулись к воде прибрежные ивняки, похлестывая своими острыми, длинными листьями по беспокойным водам.

По древнему Заволочью

Северная Двина от Сольвычегодска до Холмогор. Мифическое и историческое. Долгая борьба. Сийский монастырь. Его исчезнувшие древности. Преступные подмалевки. Воспоминания о Филарете Никитиче Романове.

Довольно однообразный путь по Двине невольно обращал мысль к прошедшему, к очень далеким временам, и некоторые исторические воспоминания о Двинской стране будут нелишними.

Центральные части Двины, по которой мы плыли и где — как это ни странно — не встретили ни одного города до самых Холмогор, уже восемь веков тому назад были далеко не молчаливы. Тут, в этих беспредельных равнинах так называемого Заволочья, с XI века воевали новгородцы, будучи и ратниками, и купцами, и друзьями, и грабителями одновременно. Почему называлась эта страна Заволочьем?

Название идет, вероятно, от слова «волок», т. е. такого места между двух рек или озер, где ладьи должны были переволакиваться; другие думают, что кличка дана вследствие того, что страна была точно «обволочена» лесами и туманами. Первое — вернее, второе — поэтичнее.

Совсем не ошибочно будет сказать, что север наш, так странно дремлющий теперь, оживился гораздо ранее центра; если он опоздал против нашего юга, чтоб явиться на историческое поприще, то внимание на него было обращено давным-давно и отовсюду. Кто не знаком с именем древней, сгинувшей Биармии, с описанием страны Гипербореев по Геродоту, Тациту, Нестору? Это здесь, подле тех мест, где мы едем, жили мифические гиперборейцы, за бесконечными равнинами, за лукоморьем. Тацит описывает эту страну как страну охоты и говорит характерные слова: «безопасные от людей, безопасные от богов, люди этих стран достигли самого

трудного — отсутствия желаний». Легенда сообщает, будто рай земной находился за северными горами, и что новгородцы «видали его». Город Ункрад византийских источников скорее всего Холмогоры. Нечто близкое ко всему сказанному сообщают сказания скандинавские. Фантазия изображала эти страны достоянием ужасов и чародейств. Несомненно, что еще в IX веке приходили в Биармию и Кириаландию норманны; норманн Отер объездил Белое море и привез королю Альфреду моржовых клыков и кожи. С XI века начинают или продолжают воевать в Заволочье новгородцы; в 1078 году погибает здесь в походе князь новгородский Глеб Святославич; в 1187 году имеются сведенья о том, что здесь, в этой новгородской полости, было восстание и новгородская рать перебита. Восставала чудь, восставали финны. Теснимые отовсюду норманнами, славянами, а потом и татарами, они углублялись все более и более в дебри и трущобы нашего северо-востока. Имеется свидетельство, что в XIII столетии норманны видели на берегах Двины богатую ярмарку и истукана Иомалы; подле Холмогор указывают подходящее место; истукан стоял будто бы на кладбище; однажды, когда стражи спали, норманны забрали деньги, лежавшие пред истуканом в чаше, и хотели снять с него ожерелья, но поднялся неожиданный звон, стража проснулась, и норманны, люди воинственные, убрались в целости.

Несомненно, что именно в Холмогорах чудь имела свой центр, как вес на Белоозере, мера в Ростове, мурома в Муроме. Верно также и то, что чудь прибалтийская участвовала в призвании варягов заодно со славянами и кривичами.

В XIII веке в Заволочье образовались обширные владения богатых бояр новгородских; чудь все более и более русела, и местная жизнь принимала формы чрезвычайно оригинальные. Центр был в Холмогорах, но и вся страна не лишена была ни жизни, ни развития. Заволочье для Новгорода было приблизительно тем, чем является Индия для англичан — источником непомерного богатства. Бояре новгородские имели тут обширные владения. Больше всех принадлежало знаменитым Борецким: они имели возможность подарить Соловецкому монастырю всю Кемскую волость и Сумской посад; Марфой Борецкою богато одарены также монастыри Соловецкий и Никольский. На Ваге владели бояре Степано-

вы; богаты были Своеземцевы; на Мезени — Окладниковы; Строгановы владели и в Коле, и на Новой Земле. У Никольского монастыря, находящегося в 90 верстах от Архангельска, выброшены были бурей тела двух утонувших сыновей Марфы Борецкой — Феликса и Антона, объезжавших свои владения. Монастырь этот был razорен норвежцами в 1419 году; Марфа восстановила его и одарила.

Весьма и весьма характерно, что бок о бок с боярами новгородскими жили и владельцы землями в Заволочье — бояре местные, двинские. Откуда они? Бояре эти были так чужды Новгороду, что новгородская вольница, не щадившая, правда, и своих, жгла и грабила их, не встречая отпора. С XIV века эти набеги ушкуйников, благодаря которым, собственно говоря, так непомерно расширилась новгородская земля, сделались очень частыми и губительными. Бояре новгородские, со своей стороны, тоже теснили бояр двинских, и вот мало-помалу начинает тянуть этих последних к недавно окрепнувшей Москве, и Москва очень хорошо поняла, чем и как осилит она Новгород, и протянула этим местным боярам руку.

Было время, что Новгород не допускал того, чтобы великокняжеские люди владели в Заволочье землями; при великом князе Андрее Александровиче великокняжеские ватаги допускались к Белому морю только для ловли рыбы на самого князя. Новгородцам было нелюбо возникновение князей Суздальских; но опасность для них стала очевидною только тогда, когда заговорила Москва.

Неудачно ходил на двинскую землю Иван Данилович Калита в 1337 году. Удачнее пошел на ушкуйников Дмитрий Иоаннович в 1369 году: новгородцы заплатили ему дани 8000 рублей, из них на долю Заволочья пало 5000 рублей, что наглядно свидетельствует о богатстве страны в те далекие годы. Попытка Василия Дмитриевича присоединить Заволочье в 1394 году была тоже неудачна. В 1397 году послан был Андрей Альбертов к двинским боярам, предлагая им «зататься за Великого Князя и крестное целование Новгороду сложить», но это кончилось ничем. Борьба продолжилась и при Василий Темном. При Иоанне III, 27-го июня 1475 года, произошел между московскою ратью в 4000 человек, под начальством Образца и Тютчева,

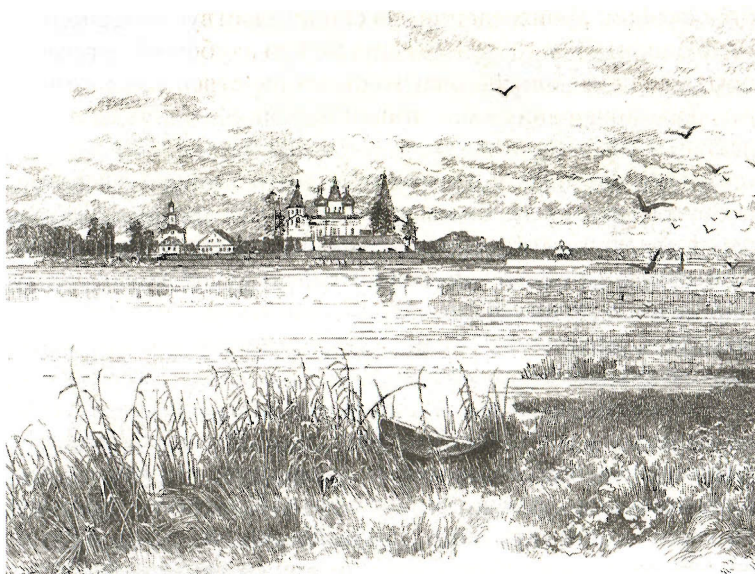
и ратью новгородскою, в 12 000 человек, бой на реке Шиленге. Битва длилась от 3-х часов утра до захождения солнца; двиняне, как и следовало ожидать, изменили новгородцам, московская рать победила и по этому поводу «заволочан посекоша и двинян исекоша». В 1478 году царь объявил, что отныне все двиняне — московские и начали с уничтожения барщины.

Дань с Заволочья в 5000 рублей, о которой было упомянуто, представляла по тому времени ценность громадную: бедная страна дать ее не могла. Заволочье было действительно богато зверями, птицей, рыбой, но главным образом как торговый путь, связывавший Европу с Азией. Во времена новгородские главный торг шел в Лампожне, в 18 верстах к северу от Мезени, а отнюдь не в Холмогорах, которые выступили гораздо позднее с тем, чтобы своевременно уступить место Архангельску. Хорошо торговали тут также закамским серебром, соколами и соболями.

Берега Двины, по которой мы спускались, довольно однообразны, местами холмисты, покрыты большею частью лесом, но есть много полей и села часты. Отсюда начиная, близясь к Белому морю, Двина шалит в своих песках, переставливает берега, образует временные озерки, промой, обвалы, оплывы, поднимает и сносит острова, а весной, при таянии снегов, становится не уже Волги и несет громадные, сокрушительные массы воды. Села здесь как будто менее богаты, чем по Сухоне. Церкви их беднее, приземистее тех, что мы встречали на Сухоне, и между ними много деревянных, часто стареньких, типичных, не лишенных своеобразности. Глядя на эти церковки, можно подумать о бедности края, но выставка, виденная нами, и сведения о местной производительности говорят другое: она только и ждет рельсового пути. Было около 6 часов вечера, 12 июня, когда пароход наш причалил к берегу в 5 верстах от селения Сия, на том самом месте, где в 1858 году император Александра II, сделав долгую дорогу сухим путем, сел, направляясь в Архангельск, на пароход; гранитная колонна сохраняет память об этом, высясь на самом краю очень высокого песчаного берега. Сев в тарантасы, мы въехали в расцвеченную флагами и полную народом Сию, и первым домом влево от дороги была казарма местной Сийской команды с особым этап-

ным домом. Обойдя выстроенную тут команду, Его Высочество посетил все ее помещения, кухни, столовую, этапный дом, цейгхаус, канцелярию и квартиру начальника команды. Знакомясь с обстановкой, Великий Князь направился далее в Сийский монастырь, находящийся от Сии в 9 верстах. Путь шел лесом, почтовою дорогою, направляющеюся к Петербургу, сыпучими песками, так что даже пять лошадей и те с трудом тащили ничем не загруженные тарантасы. Монастырь глянул очень приветливо в густой зелени лесов, над водною поверхностью озера; это озеро было не единственное, встреченное нами. Местность ровная, но, благодаря воде и лесам, красивая.

Сийский монастырь имеет немаловажное значение в истории нашего царствующего дома: Филарет Никитич, будущий патриарх Московский, долгое время томился в нем, в суровом незаслуженном заточении. Причина — Годунов. История гласит, что первая жена Ивана Грозного, Анастасия, была из рода Романовых; известно также, что Борис Годунов задумал уничтожить этот опасный ему род и всех сыновей Никиты Романовича, брата царицы Анастасии, разослал в тяжкие заключения: один был удушен в ссылке, двое других посланы в Пелым, Василий скоро умер, а Михаила Никитича держали в земляной тюрьме в Ныробской волости, в окрестностях Чердыни, где и до сих пор показывают его тяжелые цепи. «Более всех братьев, — говорит Костомаров, — выказывался дарованиями и умом Федор Никитич. Он отличался приветливым обращением, был любознателен, научился даже по-латыни. Никто лучше его не умел ездить верхом, не было в Москве красивее и щеголеватее мужчины; современник голландец говорит, что если портной, сделав кому-нибудь платье и примерив, хотел похвалить, то говорил своему заказчику: «Теперь ты совершенный Федор Никитич». Этот-то именно Федор Никитич был насильно пострижен в Сийском монастыре под именем Филарета: он рыдал во время обряда пострижения; при нем годуновским соглядатаем был пристав Воейков. Жена постриженника, Марфа, была тоже пострижена и заключена в Егорьевский погост Толвуйской волости, в Заонежье. Детей их оставили у тетки. С воцарением Лжедмитрия инок Филарет возведен был в сан Ростовского митрополита и, по

Вид на Сийский монастырь

убиению самозванца до избрания Гермогена, ездил за мощами царевича Дмитрия в Углич. По словам Авраамия Палицына, «Филарет был разумен, не склонялся ни направо, ни налево». История посольства его к Сигизмунду Польскому известна. Его пленение — заслуга перед Русской землей. В 1619 году следовало его возвращение в Россию, патриаршество и благотворное, но твердое влияние на сына молодого тогда царя Федора.

В Сийском монастыре имеется портрет этого бывшего инока, будущего патриарха Московского; он висит в помещении настоятеля, но на нем значится 1769 год, следовательно, это копия. Благодаря трудам археографической комиссии, книгохранилище монастыря приведено в известность. В числе рукописей находилось замечательное произведение великого князя Иоанна Иоанновича²⁷, писанное в 1579 году: это «Служба Преподобному Чудотворцу Антонию». Оригинал, по словам настоятеля, утрачен, а имеется очень хорошая,

²⁷ Имеется в виду царевич Иван (1554–1581), сын Ивана Васильевича Грозного.

четкая копия; произведение это свидетельствует, по словам лиц, ознакомившихся с этою службой, о глубокой начитанности и проникновенно благочестием царственного автора. «Аз, любовью подвигаем, — пишет царевич, — написах и две песни».

Монастырь, не бедный и сегодня, имел когда-то 3500 душ крестьян; особенно много жертвовал на него Иоанн IV на поминование убитого им сына. В монастыре почивают под спудом мощи Святого Антония. Показывают и чудовищную кость, принадлежавшую будто бы какой-то колоссальной щуке, ходившей в монастырском озере и пожиравшей людей; это, несомненно, громадный, окаменелый позвонок какого-либо допотопного чудовища. Окрестности монастыря очень красивы; говорят, что император Александр I проездом в 1819 году, выйдя из коляски на ближней горе, долго любовался замечательным видом. Толкуют, будто вокруг не мене 90 озер. Монастырское предание, отчасти сомнительное, говорят также, что в Сийском монастыре, на пути своем к столице, юный беглец Ломоносов был в течение некоторого времени не то пономарем, не то псаломщиком.

Когда Великий Князь подъехал к монастырю, то был встречен всем монашеством с хоругвями и архимандритом Савватием во главе, блиставшими на солнце яркими, новенькими ризами. В церкви был отслушан молебен. Его Высочество приложился к мощам Преподобного Антония и подробно осматривал церковь и немногие древние вещи, в ней хранящиеся.

Если где-либо время и люди не пощадили древности, так это именно в Сийском монастыре. XVI век остался только отчасти в прочных, нерушимых стенах — все остальное ново, подкрашено, испорчено, погибло. Церковь о пяти куполах, из которых главный снаружи имеет очень оригинальный вид колокольчика, остальные четыре — луковичные; цельнее другого сохранилась невысокая, очень широкая в основании колокольня. Мощи Преподобного Антония почивают близ алтаря, с правой стороны, под такую же новенькую, вычурную сенью, как и весь блистающий позолотой по ярко-зеленому фону иконостас. Если сказать, что видеть подобное уничтожение древности обидно — это будет мало: это положительно преступно! Особенно ярко должно было сказаться

это чувство в нас, только что посетивших почтенную древность Сольвычегодского собора. Едва ли ошибемся, если скажем, что все лики древних икон монастырских подмалеваны, и, право, не знаешь, что хуже: итальянизированные лоснящиеся новенькие образа иконостаса или эти замаскированные краской и лаком очертания неузнаваемых древних икон? В алтаре висит сохранившаяся каким-то чудом старая сень старого престола времени Алексея Михайловича; она висит потому, что лишена четырех опор, когда-то поддерживавших ее, но как хороша она в своем забытии, в полумраке своих невозобновленных досужим маляром красок и безо всякой режущей глаза позолоты!

Не вернуть также и погибшей келейки, в которой жил когда-то Филарет Никитич, о которой мы расспрашивали. Будем верить тому, что она сгорела; факт тот, что на месте ее воздвигнуто какое-то жилое помещение. Из числа предметов, имеющих большую художественную ценность, следует упомянутое Евангелие, писанное в 1693 году иноком Паисием или только приобретенное им и называемое Априкос. Оно писано полууставом и снабжено на каждой странице замечательно типичными рисунками и орнаментами. Им нет числа, и само Евангелие толщиной фута в полтора, если не больше. Древнее других книг монастырских другое Евангелие, писанное на пергамент в 1339 года.

В монастыре в настоящее время 15 монахов; всех живущих в нем около 50 человек. Жилище архимандрита выходит на самое озеро. Посетив архимандрита, Его Высочество вернулся тою же лесною пыльною дорогою к пароходу, и мы двинулись в дальнейший путь вечером, часов в 10. Накапывал дождь, и туман заволакивал берега. Ночевали мы на пароходе, на якоре, в виду Орлецов; тут был когда-то опасный водоворот, о котором сохранилась поговорка: «орлецкая водовороть над всеми водоворотями водоворот»; в настоящее время поговорка лжет, но волна струится тут очень быстро, как бы торопится пронестись к морю отдохнуть.

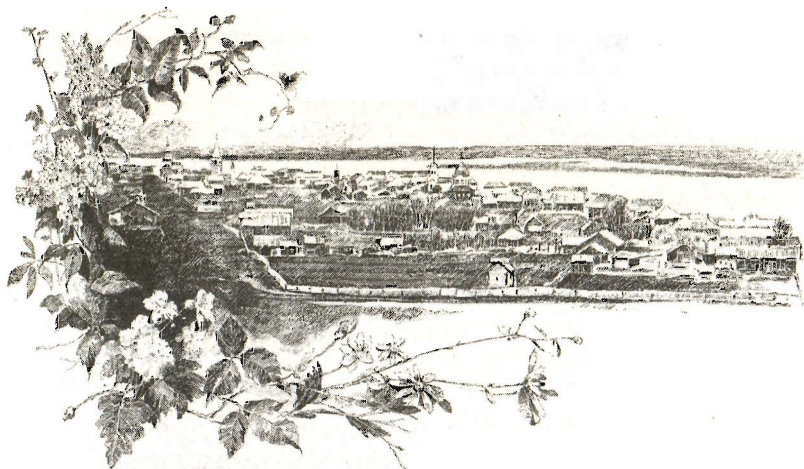
Холмогоры

Вавчуга. Петр I и Баженин. Историческое. Прежнее значение Холмогор. Собор. Успенский монастырь. Судьбы правительницы Анны Леопольдовны. Выставка. Холмогорский скот. Поездка в Денисовку. Ломоносов. Ломоносовское училище. Костяное дело.

Усть-Пинега при дальнейшем следовании парохода служила 13 июня местом остановки; мы еще раз присутствовали при ловле рыбы. Невдали от нас только что пристал к тому же берегу пароход, шедший из Архангельска и тянувший две крытые баржи с народом. Таким способом, за плату по 75 коп. до Великого Устюга, возвращаются с севера богомольцы и сплавщики леса; на двух баржах, встреченных нами, было около 2000 народу; нам говорили, что иной раз перевозятся сразу до 5000 человек, и трудно понять, как они там размещаются, чем кормятся, как дышат? Пароход с баржами не замедлил отвалить снова, ссадив тех, кому было нужно и приняв новых пассажиров; с высоких палуб несло «ура».

Здесь рыбы так много, что невод, заброшенный по тому же месту три раза, дал нам несколько пудов рыбы самой разнообразной: язи, сиги, щуки, окуни, нелема, лещ и даже морская камбала, заходящая сюда из Архангельска, все это блистало перед нами в разноцветных колерах своих чешуек; каждая из рыб, согласно норову своему, подчинялась, так или иначе, печальной судьбе своей; сердитая щука неистово прыгала по лежащим пластинами камбалам; кроткая нелема даже и не двигалась. Семги мы не выловили. Периодически семга ловится здесь массами, по 25 пудов на невод, и солят ее на месте.

Следующая остановка предполагалась в исторически важной Вавчуге, родине нашего северного кораблестроения. Около 2-х часов пополудни остановились мы пред нею.

Холмогоры. Общий вид

За 12 верст до Холмогор, на возвышенном правом берегу Двины раскинулось небольшое село Вавчуга, издавна принадлежавшее посадским людям Бажениным. Они первые начали отправлять лес за границу с построенного ими завода: Петр I, осмотрев их завод, был очень этим доволен и дал Бажениным жалованную грамоту. В 1700 году просили они царя разрешить им корабельное дело, что и было сделано, и им дана еще другая грамота, с освобождением всех работающих на верфи от земских служб. В 1702 году были приготовлены ими два фрегата, и при третьем посещении Петром I Архангельска он, заехав в Вавчугу, сам спустил эти два фрегата, назвав их «Святой Дух» и «Курьер», и дал Важенину звание корабельного мастера: со временем Важенины стали богатыми людьми; даже и сегодня, если у кого в архангельском крае освещение в доме, то по поговорке: «у него словно Важенин в гостях».

С падением кораблестроения и торговли в Архангельске Вавчужская верфь, разделяя судьбу его, тоже упала и сделалась ничтожною. Г. Максимов, посетив Вавчугу в 1858 году, видел портрет Петра I, подаренный им Важенину, вырезанный самим царем на кизиле; на голове царя лавровый венок. Где этот портрет в настоящее время — неизвестно. Следует сообщить также, что в одно из посещений Петром I Вавчуги чуть не произошло нечто очень трагическое. Царь, обладав-

ший, как известно, великою физическою силой, и вспоминая, вероятно, как остановил он в Амстердаме крылья ветряной мельницы, пообещал сделать то же самое и с водяным лесопильным колесом. Общий испуг за царя был велик: Петр, исполняя, однако, обещание, подошел к колесу, и оно действительно остановилось. После узнали, как это произошло: Важенин слышал намерение царя и дал приказ вовремя остановить колесо. Петр расцеловал хозяина, давшего ему возможность исполнить обещанное и остаться все-таки невредимым. На колокольне местной церкви, говорит предание, Петр I, бывало, звонил в колокола для потехи своей государственной милости.

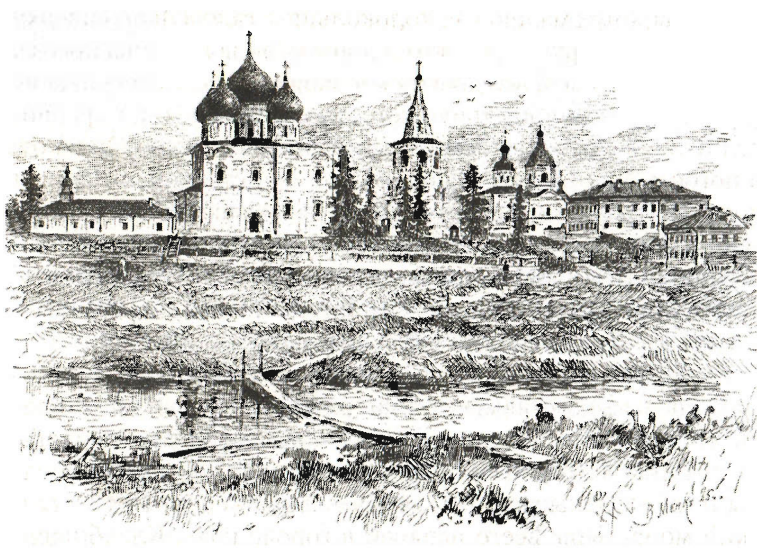
Село Вавчуга очень невелико и стоит на довольно высоком берегу. Его Высочество сошел с парохода, поднялся на берег и прошел небольшою котловиной к озеру, отделенному от Двины шлюзом лесопильного завода Телегина. От прежнего времени мало что осталось; на месте, где стоял дом Важениных, строят какой-то совершенно новый дом; о верфях нет и помину, и только каменные части церковки с небольшим куполом на кубическом основании да маленькая колоколенка с деревянной галерейкой может быть выдали Великого Петра.

Против самой Вавчуги впадает в Двину речка Курополка, на которой раскинулись Холмогоры; но она так мелка, что мы спустились по Двине дальше и, дав крюку верст тридцать вместо восьми, у церкви Спаса, взяв местного лоцмана, направились совсем к югу в речку Холмогорку. Лугов, на которых пасется холмогорский скот здешних крестьян, очень много, потому что заливных островов видимо-невидимо. На карте, лежащей на столе в рубке парохода, Двина в этом месте, между Вавчугой и Холмогорами, будто раздулась, образовав целые гроздья островов, поделенные многими рукавами; воды было так много, что река Холмогорка и та казалась шириной с Малую Неву. Перед тем, чтобы свернуть в Холмогорку, проехали мы мимо одной из древнейших деревянных церквей, — это Илья Пророк в селе Ильинском, называемом так же Чукчерма. На кубическом основании поднимается девять луковицеобразных куполов, из которых средний повыше; со стороны паперти и алтарной части по одному большому луковицеобразному плоско-

му кокошнику; маленькая колокольня, с галерейкой наверху и шатровым верхом, стоит отдельно; купола и крыша крыты, кажется, гонтом, и вся древняя церковка смотрит серенькою, глубоко почтенною старушкой. Сходную с нею по древности церковь Николы видели мы верст пять ниже Орлецов, в погосте Паниловском; только при ней старая деревянная колокольня уже «убрана», как тут выражаются, и на месте ее стоит новая, заурядная, каменная. Эти «убирания» церквей, свидетелей древности, очень печальны именно потому, что даже рисунков от них не остается и они погибают бесследно, будто никогда не существовали.

Холмогоры выясняются издали на совершенно плоском, невысоком берегу. Ближе всех к пароходу, подходящему с севера, заметна деревянная кладбищенская церковь, от которой до города добрых версты две; затем вдали видны темно-зеленые купола собора, церковь Троицкая, Успенский монастырь: всего церквей в городе пять. Кладбищенская церковь поднимается над нынешним высоким уровнем воды сажени на три: колокольня ее тоже 3 сажени вышины, и вот с этой-то шестисаженной вышины, с галереи колокольни, весной 1884 года в наводнение спасен был писарем местной воинской команды сторож. Можно представить себе стихийную силу весенних вод, заливших эти места и катившихся до высоты колокольни? Сторож оставался без пищи около 3-х дней, и медаль «за спасение погибавших», данная писарю, красуется на нем не напрасно: он на челноке подъехал к сторожу и свез его на берег. Подле самой церкви вбиты со стороны течения реки бревна, глядящие на вас как-то странно, не то забором, не то остатками не совсем прибранного старого здания, — это сваи, назначенные защищать церковь от ледохода, своевременно грозящего ей на трехсаженной высоте от сегодняшнего высокого уровня воды.

Пристань была устроена подле Троицкой церкви, приблизительно в среди Холмогор, раскинувшихся в одну улицу на полутораверстное расстояние вдоль реки. Это, собственно говоря, не город, а не особенно большое село центральной России: в нем около 1000 жителей; луга и болота проходят в самый город, и холмогорскому скоту совершенно выгодно лежать даже на улице. Вправо от пристани тянулись полуразрушенные, накренившиеся лачуги; нам объяснили,

Холмогоры. Собор и Успенский монастырь

что это местный гостиный двор. Пристань была усеяна народом, и подле нее стояли небольшие пароходики, пришедшие сюда из Архангельска.

Его Высочество, сойдя на берег, при криках «ура» и махании шапок, сел в небольшие одноконные дрожки и направился прямо в собор; все сопутствовавшие Его Высочеству разместились по очень своеобразным, в одну лошадь, долгушкам!²⁸

Оригинальность Холмогор сказывается даже в том, что собор его, оконченный строением в 1691 году, и лежащий подле него Успенский монастырь составляют два последние крайние здания вытянутого в одну улицу города. Один из историков города, Крестинин, описывая гористые будто бы окрестности, объясняет происхождение имени Холмогоры так: «Толе прекрасны виды естества, без сумнения, подали причину назвать так описуемое селение речением, сложенным из гор и холмов». Надо иметь сильную фантазию, чтобы признать местность Холмогор гористою. Надо иметь не менее сильную фантазию, чтобы признать за Холмогорами

²⁸ Длинный конный экипаж, линейка.

долгое, почтенное историческое былое, чтобы поверить возможности того, что здесь был когда-то культурный центр всего Заволочья и еще в московский период времени до самого Петра сосредоточивалось административное и торговое значение края. Если где историческое былое совсем незаметно, так это здесь, в Холмогорах.

Когда-то на месте Холмогор, более тысячи лет назад, стоял другой совсем позабытый город, столица древней Биармии. Это было старое чудское место. Упомянутый шведскими хрониками истукан Иомалы высился, вероятно, на островке, называемом сегодня Ельники. В десяти верстах отсюда есть остров, имя которого любопытно в филологическом отношении, он зовется Чубала — «Чудь-была». Во времена новгородские Холмогоры были уже центром. Заволочья, в то время, когда на том месте, где теперь находится Архангельск, стоял только один-одинехонек уединенный монастырь. Исследователь судеб Заволочья, Соколов, дает нынешним Холмогорам такую характеристику: окрестности хороши, но сам город невзрачен: «почерневшая, ветхая наружность идет к городу, как к старой летописи ее пятна и лоскутки». А летопись эта действительно очень древняя.

Посады холмогорские, как и посады в самом Новгороде, были почти за все время существовали Холмогор независимы один от другого. В XIV веке переселились сюда новгородские посадники, жившие до того, как кажется, в пяти верстах отсюда, в Матигорах. По присоединении Заволочья к Москве в 1478 году царем Иоанном III Холмогоры избраны были окончательно административным центром, и скоро о самостоятельных боярах двинских, а тем более новгородских не было ни слуху ни духу. В 1557 году, по ходатайству местных людей, наместников заменили выборные головы, но после начала торговых сношений с Англией в 1587 году выборные головы оказались непригодны, и на Двину посылаются царем воеводы, все более люди именитые, и жили они в самых Холмогорах.

Нельзя не упомянуть о том, что в 1806 году над царскими чиновниками произведена была здесь народная расправа. Граждане, в помощь томившейся тогда в безначальем Москве снарядили для посылки в нее ратников. Дьяк

воеводы Гуся, Елчанин, попользовался собранными деньгами, как кажется, не без участия воеводы. 10 января дьяка, после короткого суда, утопили в реке, а воеводу три дня держали под стражей, затем освободили, и он правил снова, как ни в чем не бывало. В 1613 году поляки, в числе 7000 человек, подходили к Холмогорам, но безуспешно, и должны были разбежаться и в большинстве погибли в пустырях и дебрях. Наместники и тиуны царские получали жалование большое; так от посадских людей возникшего Архангельска в 1623 году шло в казну только 39 рублей, а наместнику холмогорскому — 35. Правительство прибегало иногда к незамещению, чтобы пользоваться теми и другими деньгами одновременно, и города управлялись сами собою без управителей.

В 1686 году посады холмогорские существовали все еще каждый для себя; они имели тогда 5 верст в окружности, тогда как теперешние Холмогоры имеют только 1½ верст длины. Немного позже, в 1692 году, вдоль крепостной ограды Холмогор высилось 12 башен, было четверо ворот и глубокий ров, следы которого отчасти еще видны; стрельцы явились сюда в 1621 году; в 1646 году их было 1000 человек.

Возникновение Архангельска было причиной того, что мало-помалу торговый люд, в особенности иностранный, стал покидать Холмогоры и переселяться к морю; воеводы оставались тут до 1702 года. Петр I по пути в Архангельск был в Холмогорах три раза; по его повелению в 1692 году присланы были сюда голландские производители рогатого скота, образовавшие знаменитую холмогорскую породу, коровы которой дают 2–3 ведра молока в день. В 1819 году посетил город император Александр I, по повелению которого начали разводить английский скот, но этот не акклиматизировался. Холмогоры посетил в 1870 году великий князь Александр Александрович.

Нельзя не упомянуть, что в 1744 году, в каменный архиерейский дом, нынешний Успенский монастырь, неожиданно привезен был «секретный» арестант. Тайна продолжалась 36 лет, и только по истечении этого времени узнали люди, что Холмогоры служили местом заключения бывшей правительницы Анны Леопольдовны, супруга ее принца Антона-Ульриха и двух детей их. Позже родились тут еще

два принца; в 1746 году скончалась в родах принцесса Анна Леопольдовна, а в 1776 году — муж ее Антон-Ульрих. Императрица Екатерина II повелела отправить сирот в Данию, что и было исполнено в 1781 году, также тайно, ночью, как это было сделано с прибытием покойных родителей их. Тело принцессы-матери отправлено в Петербург, «после учинения над умершим телом анатомии и положи в спирт»: она покоится в Александро-Невской лавре, причем на отпевании величалась «Благоверною принцессой»; тело супруга ее, скончавшегося 30 лет позже, опущено в землю в Холмогорах на кладбище, внутри ограды арестантского дома, но где именно — неизвестно.

В соборе Его Высочество отслушал многолетие. Размеры собора грандиозны; четыре центральные столба, все своды и пять куполов тщательно выбелены, и темным пятном кажется высокий на синем фоне пятиярусный иконостас и очень немногие иконы, рассеянные по церкви. Иконы иконостаса, отличающегося простотой обрамления, конца XVII века; подчистка и лакировка хозяйничали и здесь в достаточной степени. У левой стены от входа покоятся в ряд архангельские архиереи, которые и по сегодня предаются земле здесь; над могилами их стоят деревянные гробы, над каждым портрет, между которыми бросается в глаза безбородое изображение Афанасия, борода которого — по словам сказания — была вырвана Никитой Пустосвятом.

Успенский монастырь, тоже посещенный Великим Князем, находится подле собора; в нем 120 монахинь; состоящих в ведении игуменьи Серафимы. В помещении, которое занимала некогда несчастная семья принца Антона-Ульриха, живет сестра казначея; это небольшая, но светлая комната, с унылым, однообразным безжизненным видом на реку.

К приезду Его Высочества устроена была на городской площадке выставка местного скота, и надо отдать справедливость, все 15 коров и бык были красивы, вполне соответствуя знаменитости породы. Цена хорошей коровы 150–200 руб.; удой — 20 крынок, по три стакана в каждой. Цена бутылки молока в продаже — 2 коп. фунт мяса 6–8 коп. Тут же, подле коров, на столах красовались местные масло и сыры. Виднелись на отдельном столе костяные изде-

Женщины с Курострова

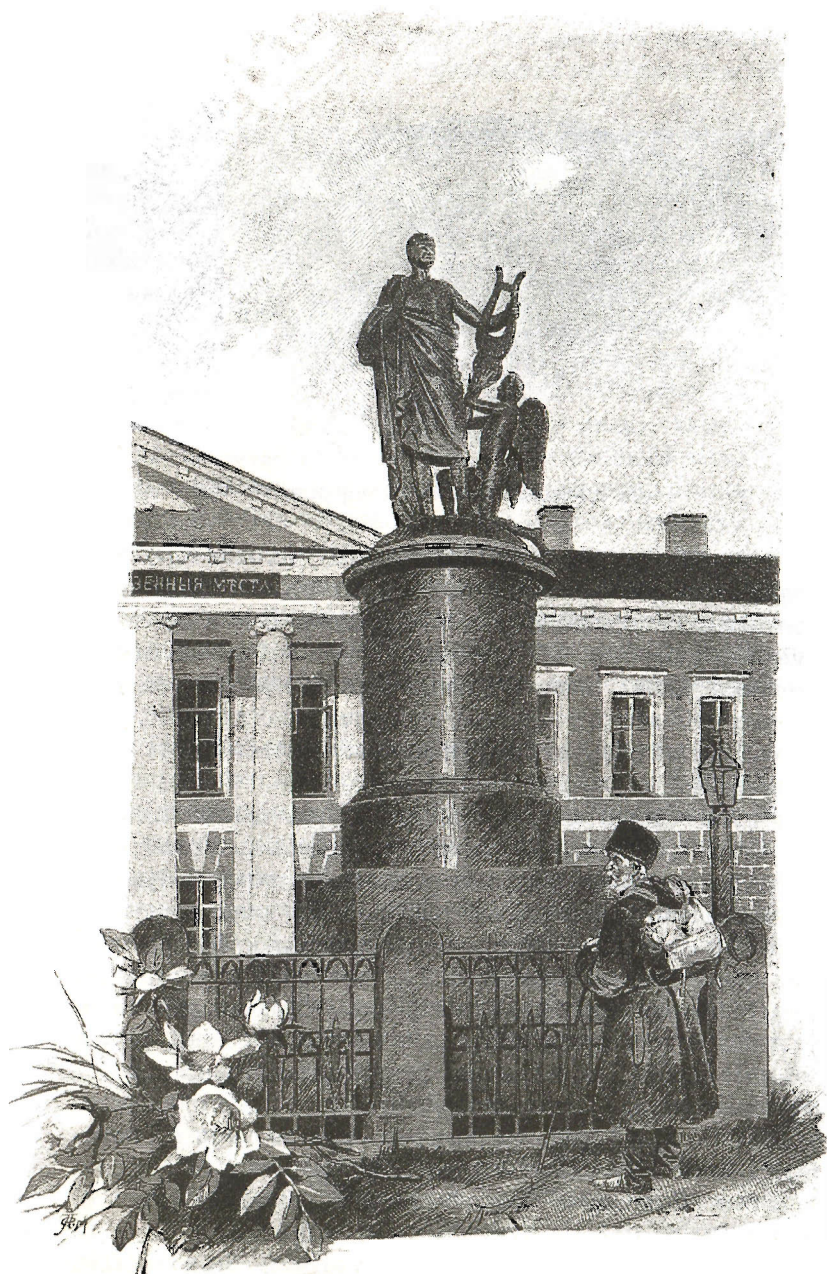
лия. Вслед за выставкой посещена была местная больница и богадельня.

К вечеру Его Высочество переправился на карбасе на другой берег Холмогорки, с тем чтобы проехать оттуда на лошадях версты три расстояния до Денисовки. Денисовка одна из многих (кажется — 40) деревень большого острова

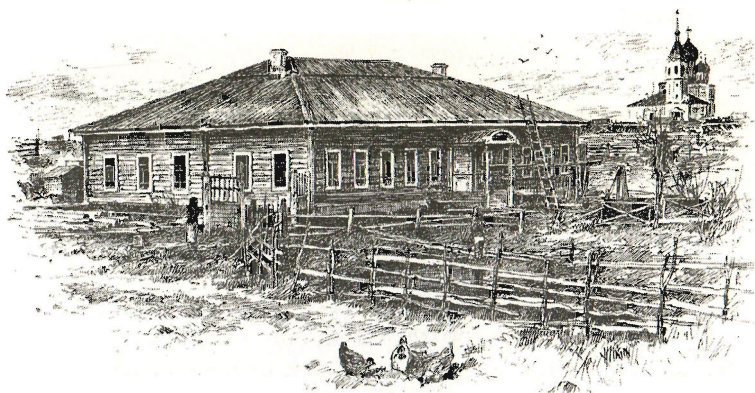
Курострова, покрытого лугами и полями. Ломоносовых в Денисовке больше нет, а в Архангельске есть потомки его по сестриной линии, купцы Ершовы.

На подвижных островах двинских поднялась и выросла подвижная колоссальная фигура Ломоносова; он родился в 1711, умер в 1765 году, следовательно, человеком далеко не старым. Мы только вчера проехали Сию, проедем Архангельск, Соловки, посетим Колу, места, в которых не раз бывал Ломоносов, когда он помогал отцу своему помору в промыслах и ходил на шняках.

Бурливы как волны Северного моря были судьбы Ломоносова; по образцу прибрежных скал, окаймляющих Мурман, сложились его мощные, упрямые воззрения; мальчишка-помор, еще подростком побывал он и в расколе, широко раскинувшемся по тогдашнему северу, так как отец его, Василий Дорофеев, был раскольник; в Москве собирались постричь его во священство для проповеди в языческой Карелии; Марбург, Фрейберг, женитьба на немке, бегство от долгов, Шувалов, дружба с ним, академия, преувеличение буйства и его неприятные последствия, дело мести всяких ничтожностей вроде профессоров Винцгейма и Трускотта и рядом с этим серьезнейшие научные работы, исследования, ученые записки, оды, множество самых последовательных усилий и трудов по всем отраслям знаний и, наконец, начало русской литературы... не правда ли, как это мало для крепыша-помора в недолгую, едва только полвека длившуюся жизнь?! Ломоносов несомненно самый северный, самый полярный из всех гениальных крепышей, из всех талантов мира, и он наш, он русский, родился в соседстве Холмогор. 3 октября 1868 года в деревне Денисовке последовало торжественное открытие Ломоносовского училища на добрую память, пользу и назидание потомкам. В Архангельске поставлен Ломоносову памятник. Мужички толкуют, будто «человек этот рукою тучи отводил, против Божьего веления шел; Бог-от камнем ему нос перешиб, потому, значит, Ломоносовым прозывается». Так говорит о слышанном на месте г. Михайлов. Говорит он также, что приходят к памятнику и такие люди, что молятся на него и зажигают вдоль ограды свечи, сбиваясь с толку изображением крылатого гения, ангела.

Архангельск. Памятник Ломоносову

Денисовка. Ломоносовское училище

Великий Князь посетил в Денисовке училище «Ломоносовское», открытое в 1868 году; здание его невелико, одноэтажное, в десять окон, и стоит в садике. В нем приходящих 45 мальчиков и 20 девочек. О самом Ломоносове на месте его родины ничто решительно не напоминает, если не считать небольшого прудика, в который, как говорят, отец его сажал пойманную рыбу; прудишко маленький, зеленеющий.

В связи с именем Ломоносова или, правильнее, с именем зятя его Головина находится, говорят, ныне захилевший промысел холмогорских костяных поделок. Не столько в Холмогорах, сколько в волостях, с легкой руки Головина, пошло это дело. Это известные шкатулочки, безделушки, футлярчики и пр., приготовляемые из костей, остающихся за употреблением говядины, равно как из «моржовых клыков»; они состоят из более или менее drobных костяных арабесок, сквозь которые блестит разноцветная фольга. Делают также костяные ножи, вилки, ложки, шахматы, иголеники; кто не знает в продаже оленей, запряженных в самоедские санки? У некоторых из местных техников есть так называемые секреты, то есть особые способы приготовления, например, цепочек, состоящих из колечек, продетых одно в другое.

Г. Максимов правильно заметил, что давно бы надо было помочь костяникам, ознакомив их с порядочными рисунка-

ми. На маленькой выставке, устроенной для Великого Князя, видели мы очень незначительное количество костяных поделок.

Предание гласит, что будто бы в первый приезд Петра I жители Холмогор прятались от него, и он назвал их «заугольниками»; прятались они потому, что боялись царя, так как были потомками беглых новгородцев. В приезд Великого Князя, напротив, вот, они высыпали на улицу и направлялись туда, куда направлялся и он. Местная воинская команда Холмогор ожидала прибытия своего главнокомандующего в развернутом строю впереди казарм. Сделав команде в полуротном составе уставное учинение, Великий Князь смотрел затем гимнастику. Всеми людьми до последнего, из числа которых были 21 новобранец, ловко и правильно проделаны нелегкие упражнения. После смотра Его Высочество обошел казармы, цейхгауз, столовые, кухни и посетил командную канцелярию, где интересовался изменениями, вызванными в делопроизводстве подчинением команды архангельскому уездному воинскому начальнику, выдающему отчетность по призыву отпускных, срочными донесениями и, наконец, состоянием командного архива.

Ночевали мы у Белой Горы и 14 июня, часу в десятом утра, увидели купола и колокольни столицы севера — Архангельска; для крестьян нашего севера Архангельск попросту «город», поморы зовут его не иначе как «Архангельским городом».

Архангельск

Общий вид города. Древнейшая судьба его. Периодические обновления. Хорошее будущее. История судостроения. Отношение к Архангельску Петра I. Собор. Соломбала. Льняной и смоляной буяны. Крановщики. Цифровые данные о торговле. Выставка. Отъезд на шхуне «Норденильд». Ее былое.

Часов около десяти, пасмурным утром, придвигался наш пароход к средоточию нашего севера, к Архангельску. Из храмов ближе прочих виднелся Архангельский монастырь с его пятью темными, почти черными вздутыми куполами; далее по берегу выдвигался собор с пятью зелеными главами, покрытыми золотыми звездами. Заметнее других складов были льняной и смоляной буяны. Двина делает тут изгиб вправо, и поэтому всей замечательной длины города, тянущегося, как и Холмогоры, только en grand²⁹, вдоль берега, сразу не оглядишь: Троицкая, главная улица его, идет на семь верст. Вдоль вытянутых подле берега судов и поморских классических шхун, впервые встреченных нами подле барок, паузков и пароходов, дали мы лево руля и стали приближаться к пристани. Гудело «ура!» с берега, гудело с рей и вантов. Влево от нас глянул весь поросший зеленью исторический Моисеев остров, Заостровье, Кегостров, с их церквями; глянула вдали не менее историческая Соломбала со своим собором; мы прошли подлив двух стоявших на якоре казенных паровых шхун «Вакан» и «Полярная Звезда», имена которых знакомы всему побережью Ледовитого океана, и, наконец, остановились. Пристань была устроена у самой таможни, одного из громаднейших казенных зданий, имеющего два высокие, полукруглые купола, здания, свидетельствующего величиной своею о том, что оно было рассчитано на гораздо более широкую, на грандиозную деятель-

²⁹ В большом (фр.).

ность порта. На пристани виднелись представители местных административных властей, города, купечества, дамы; гудели колокола всех церквей, начиная с ближайшей и древнейшей — Михаила Архангела. Его Высочество, сойдя на берег и сев в коляску, с трудом проехал к собору. На паперти встречен он был преосвященным Нафанаилом и длинным рядом городского духовенства, и под звуки духовного пения проследовал в собор.

Собор освящен в 1805 году. Это один из самых светлых соборов: он в три света, окнами снабжены его стены и все пять куполов, и в этом-то обилии лучей высится один из красивейших по отделке и выдержке характера резной, золоченый иконостас. Он в строжайшем стиле Возрождения. Четыре совершенно открытые центральные столба собора и все стены исписаны очень светлыми фресками работы «двух художников академии художеств чином XIV класса». Очень характерны в соборе стояния с обеих сторон его по две полукруглых, на колоннах, под сенью божницы; в одной из них, ближайшей к алтарю, с правой стороны, высится тот крест, который был собственноручно сделан Петром Великим в благодарность за избавление его от бури близ Унских Рогов. Полукруглый, драпированный темно-малиновым бархатом выступ имеется и над царскими вратами. Нижняя церковь собора, тоже посещенная Его Высочеством, очень низка; иконостас ее богат, но украшения немного грузны. Из собора Великий Князь проследовал в дом начальника губернии, где принимал представлявшихся.

Архангельск, несомненно, город будущего; к нему тянут водные пути России, к нему пойдет железная дорога по очень простой причине: Северное море — наше море, которое нам запереть не могут, а мы без открытого, незапираемого моря существовать не можем и не должны. К нему должны тянуться не только северные окраины, к нему должна тянуться Россия.

Архангельск несет свое имя от стоявшего на его месте до основания города монастыря Чуда Архангела Михаила, чуда, изображенного фреской на его соборе: злые люди хотели затопить Божий Дом и направили на него реку, но, призванный молитвой праведника, Архангел Михаил отклонил реку.

Имя острова Соломбала, на котором воочию совершались все судьбы города, производится от финского «соломба», означающего болотистое место.

Кругом Архангельска, непосредственно подле города, даже в его проулучки забегают и поныне и расстилаются тундроватые, безотрадные болота. Если в Соломбале и по двинским берегам местность немного поднята, то это немецкою землей, привозившеюся сюда в виде балласта и сложенною за долгое время громадными массами.

История Архангельска как города начинается с XVI века; он основан Федором Иоанновичем в 1584 году и праздновал в предпрошлом году свою 300-летнюю годовщину; история Архангельска как порта начинается с конца XVII века, и тут именно становится она очень любопытною.

Мало городов в России, и таких, собственно говоря, нет, которые, подобно Архангельску, имели бы такие законченные, завершившиеся периоды существования. Он быстро возник, быстро расцветал, еще быстрее падал, опять расцветал, опять падал и опять расцветет. Местности, неспособные на развитие, к подобной пульсации жизни неспособны.

300 лет тому назад место, на котором стоит Архангельск, было пустынным, мало возвышенным, глинистым берегом над очень глубокою и довольно узкою Двиной; Моисеев остров был втрое больше теперешнего; на его мысу стоял одинокий монастырь Чуда Архангела Михаила. В 1419 году все иноки этого монастыря были умерщвлены норвежцами, а монастырь сожжен и отстроился внове с трудом. В 1553 году познакомились мы с англичанами. Отыскивая путь в Китай чрез Ледовитый океан, они отправили на поиски три корабля, из которых два погибли у мурманского берега, а третий занесло к устью Двины, к монастырю, одиноко на нем стоявшему. Корабль этот привез нам ставшего вследствие этого знаменитым Ченслера, скоро вслед за тем отправленного в Москву, где его снарядили в путь обратно с милостями царя Иоанна IV Васильевича и в сопровождении нашего посла, вологжанина Иосифа Непея. Льготы англичанам предоставлены были большие, и торговля началась. Архангельска все еще не существовало.

Архангельск. Прибытие к пристани

Заметим, впрочем, что это несуществование Архангельска подлежит некоторому сомнению, потому что 32 года спустя после предполагаемого его возникновения тобольские воеводы свидетельствовали: «А от Архангельска города ход к Мангазее (лежащей на реке Енисее) близко поспевают в полпята недели». Справедливо замечают, что такого торного пути в глубь Сибири, в такой короткий период времени, как 32 года, не могло бы существовать, если бы Архангельск вел свое начало только со времени прибытия англичан.

Если не делать никакого заключения из слов тобольских воевод, то надобно верить тому, что в 1584 году совершенно неожиданно к одинокому монастырю приплыли царские воеводы и заложили деревянную крепостцу — Новые Холмогоры. Торговые люди селились подле крепостцы только во время навигации, приезжая сюда из богатых Холмогор, составлявших административный и торговый центр края. В 1637 году случился пожар, монастырь перенесен выше по реке, в Нячеры, и очистил таким образом место для быстро возникавшего города; говорят, будто план гостиного двора был сделан самим царем Алексеем Михайловичем.

Судьбы Архангельска — судьбы нашего северного судостроения и торговли; весь он жил и будет жить ими.

Архангельск. Вид набережной близ собора

Судостроение на Белом море бесконечно старше Архангельска, говорит историк Архангельского порта, Огородников; оно идет от начала плаванья по Белому морю соловецких монахов, около 1440 года; в 1548 году монахи уже имели свои верфи. Впрочем, для промыслов на взморье приходили сюда новгородцы еще в IX веке, до Рюрика, но самостоятельное значение получило наше пользование морем только со времени возникновения Архангельска. Он будто подготовился и окреп как раз ко времени появления Петра I. В 1693 году в городке было уже 29 торговых домов иностранного купечества и приходило до 40 кораблей. Было с чего начать. Когда Петр I посетил его впервые, 29 июля 1693 года, у одной из городских пристаней стояла яхта «Св. Петр», построенная для поездки царя в Соловки, вероятно, братьями Бажениными, имевшими свою верфь в Вавчуге, посещенной нами вчера. В 1696 году царь дал Важениным разрешение строить корабли. Кроме их верфи в то время существовали еще и другие: Бармина, Амосова и Пругавина. Купеческое судостроение, следовательно, древнее военного, начавшегося, как известно, в Воронеже в 1696 году.

Три раза посетил Петр I Архангельск — в 1693, в 1694 и в 1702 годах. Царь, увидев впервые море, к которому так упорно, так страстно стремился и значение которого

провидел, немедленно принялся за дело, со всею энергией, ему свойственной, принялся, так сказать, своими руками. На Соломбальской верфи закипела работа. В платье простого шкипера ежедневно посещал он верфи, биржу и ярмарку: негоциант Форколье объяснил ему — в чем Петр, конечно, не нуждался, — что «буде у русских свои корабли да ездят они сами, барыш доставался бы им». Приказано было изготовить немедленно два купеческих судна, и одно из них, нагруженное русским грузом, царь отправил за границу при себе.

Во второй раз, нетерпеливый в однажды начатом деле, прибыл царь в Архангельск на следующей же год. 20 мая вступил на Двину первый выстроенный у нас царский корабль, названный «Святой Павел»; царь сам подрубил его подпоры. 12 июля прибыл построенный в Голландии фрегат, названный «Святое Пророчество», и царь сам провел его двинским фарватером к городу. Отправившись в Соловки на поклонение святыне, Петр I вынес страшную бурю подле Унских Рогов; он и все плившие с ним уже причастились, ожидая смерти, но лоцман Антип Тимофеев сумел провести судно в Унские Рога. Крест с надписью, поставленный по этому случаю Петром на берегу, видели мы в Архангельском кафедральном соборе.

В августе, по возвращении из Соловок, царь велел нагнать русским товаром «Св. Павел» и отправил его за границу под русским флагом, впервые родившимся тогда на свет и составленным из трех голландских цветов, только в обратном порядке. К 1701 году на Архангельской верфи было построено шесть кораблей. Кто не видел, хотя бы на картинках, эти неуклюжие, некрасивые первообразы кораблестроения того времени? Все они были сосновые, имели три палубы, называвшиеся «жителями»; люки назывались «творилами», а флаги были чудовищно громадны; так, например, кормовой имел 13 аршин длины и 9 полотнищ ширины. Личная торговля царя с заграницей, так называемые «царские торги», продолжалась с 1694 по 1718 год. Царские корабли давались также иностранцам на откуп, но под условием, чтоб экипаж на всех был русский.

В третий раз посетил Петр I Архангельск в 1702 году и прибыл с царевичем Алексеем. У царя был тогда уже

Архангельск. Крест у Унских рогов в соборе

целый флот. На 13 кораблях с 4000 преображенцев вышел он в море в расчете встретить шведов. Он их не встретил, зато совершил свой сказочный Нюхацкий поход от Белого моря на Повенец. Согласно одному из преданий, в один из приездов Петра в Архангельск зародилось будто бы и имя селения — Соломбала. Царь увидел жнецов в поле и захотел дать им бал: снопы служили столами и скамейками, и это был настоящий «соломенный бал». Это поэтичнее, чем финское «болотистое место», но исторически безусловно неверно.

Вот некоторые любопытные данные за Петровское время, касающиеся Архангельска. В 1694 году прибыло 50 кораблей, в 1700-м — 64, 1702-м — 149, 1708-м — 208, 1715-м — 233. В 1711 году ценность привоза и вывоза дошла до полутора миллиона рублей. Заметим, что между иностранными кораблями были такие, что носили очень странные названия: «Молодая любовь», «Золоченая Мельница», «Серый Заяц», «Белый Теленок».

Строение собственно военных судов на Соломбальской верфи началось только в 1708 году; в 1710-м вышли в море три фрегата, но неудачно. Военные корабли были, пожалуй, еще некрасивее купеческих: тяжелые, седловатые, с пузатозакрепленными парусами, они имели чрезвычайно высокую корму; на корме этой шли снаружи галереи с аляповатыми изображениями, и над ними высились три чудовищно-огромные фонаря; в довершение всего на щеках виднелись статуи.

Насколько любил Петр и холил Архангельск вначале, настолько же безжалостен стал он к нему, когда возникло другое его детище, при другом, более ласковом море — Петербург.

Указом 1722 года запрещено привозить к Архангельску товаров больше, чем потребно собственно для губернии; после этого указа к городу пришло только 26 иностранных кораблей. Вслед за немилостью царя сказалась немилостью и природа: в 1723 году занесло песком устье Двины, и суда, подходившие прежде к самому Архангельску, начали останавливаться у Соломбалы. С 1715 года строение военных судов прекратилось совершенно, но с 1733 года возобновлено; начали готовить экспедицию «Обскую»;

23 июня 1735 года спущен корабле «Город Архангельск», а за ним другие.

Особенной удачи кораблям, детищам второго расцвета Архангельска, не было. Эскадры 1742 и 1743 годов доказали наглядно, что судостроение наше страдало органическими недостатками. Корабли построены были слабо, чрезмерно нагружены артиллерией, при спуске выгибались, давали течь, не имели остойчивости и даже опрокидывались, да и самое дерево ставили нередко гнилое: в мачтах попадалось по 15 дюймов гнили в диаметре. Характерно, что когда состоялся суд за гибель «Варахаила», то обер-аудитором назначен был некто Клингстен, желавший уклониться от этого назначения, «за незнанием русского языка и морской службы», как он рапортовал. Контора над портом этих пустых резонов не уважила. Оригинальности тогдашних порядков соответствовал костюм офицеров: на них были белые кафтаны и светло-зеленые камзолы и штаны. Матросы, встречая начальство, кричали в те дни не «ура!», а «гузе! гузе!». В морском уставе второй половины прошлого века определено с точностью кому и сколько раз кричать «гузе»!

Уравнение прав Архангельска с Петербургом, в отмену Петровского указа 1722 года, последовавшее в 1762 году, снова подняло дух предприимчивости архангелогородцев: завелось снова 40 торговых домов и вывоз достиг 10 миллионов; но золотым временем для города, «американскими годами» его, были 1809–1814, когда континентальная система закрыла англичанам все порты и они под американским флагом стали ходить в Архангельск. Беломорский купеческий флот, способный на дальнейшее плаванье, имел тогда до 300 судов.

Со времени Отечественной войны стало быстро совершенствоваться и архангельское военное судостроение, под руководством замечательных строителей-самоучек, следовавших один за другим: Курочкин, Ершов и Загуляев. Когда император Александр I посетил Архангельск в 1819 году, в гавани стояло до 150 судов, и милостью Государя архангельское купечество избавлено было от гильдейских пошлин на 20 лет. Первый пароход заложен был в Архангельске в 1824 году. Затем, с 1852 года, строение кораблей прекрати-

лось, начато сооружение винтовых двигателей, и первым был спущен «Полкан», а в 1856 году отсюда отправлены в Балтику 6 клиперов.

Последнее двадцатипятилетие, в силу многих обстоятельств, оказалось губительно для Архангельска. Улучшение водяных сообщений внутри империи к Петербургу и направление к нему железных дорог повлияли, так сказать, косвенно; но начало и развитие броненосного судостроения, перенесшее постройку судов к другим центрам, оказало влияние непосредственное. Неудачный спуск в 1860 году громадного фрегата «Пересвет» послужил последним поводом к Высочайшему повелению, состоявшемуся в 1862 году, об упразднении в Архангельске главного порта, — тринадцать лет спустя после закрытия порта на Охотском море; в 1866 году два последние эллинга пошли с молотка.

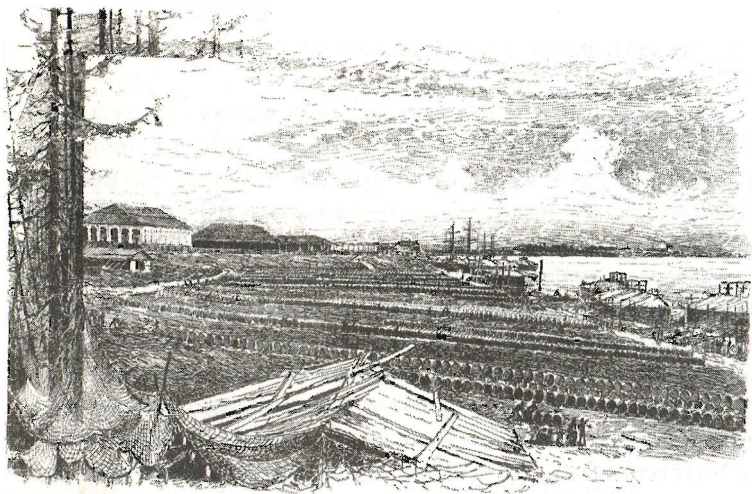
Быстро расцветал Архангельск, быстро и падал. Теперь несомненно предстоит ему большая будущность; Соломбала, как купеческий порт, развивается; к 1870 году, за 6 лет, отпуск возрос с 6 на 11½ миллионов, в 1880 г. отпуск был в 10½ миллионов, в 1883 г. он уменьшился до 7 400 000 руб. Кораблей приходит до 700, в том числе 40 пароходов, и все это несмотря на неудобства плавания в Ледовитом океане, на все недостатки Северной Двины и на то, что чинить суда в Архангельске негде. Волго-Двинская железная дорога, первая мысль о которой была высказана еще в 1864 году, будет первою и ближайшею причиной нового расцвета.

Мы сказали, что еще в 1723 году занесло устье Двины песком. Она вливается в море четырьмя устьями. В настоящее время в ней три мели или так называемые бара: два ниже Архангельска, один почти в самом городе. Они имеют до 13 аршин глубины, не более, что при постоянном возрастании осадки морских судов и увеличение их емкости служит большою помехой, так как вызывает двойную перегрузку, увеличивающую ценность товаров. Фрахта до Англии от Онеги и Сорок, где перегрузки нет, на 5–7 шиллингов дешевле, что от Архангельска, и в общей сложности купечество наше теряет в названных перегрузках до 220 000 руб. в год. Министерство путей сообщения предполагает углубить бар у Мудьюгского острова землечерпанием, а мель у Моисеева острова уничтожить водостеснительными сооружениями.

С 1860 года существует Северо-Двинская компания пароходства, имеющая до пятнадцати пароходов и поддерживающая сообщение с центром России.

Если, как мы заметили, размеры таможни свидетельствуют о том, чем был Архангельский порт, то посещение Соломбалы, морской казармы и тех мест, на которых стояли верфи и эллинги, подтверждают это еще яснее. На Соломбале Великий Князь посетил прежде всего собор, оконченный постройкой в 1776 году; он тоже в три света, но имеет безусловно белые стены, и иконы сосредоточиваются исключительно на иконостасе и его зеленом фоне. В Соломбальском соборе, как в Архангельской и во многих церквях двинского побережья, над входною во храм дверью, внутри церкви, против алтаря имеется галерея. Морские казармы — это мастодонт между всеми казармами. В них в двух корпусах помещаются: одно из самых обширных арестантских отделений — около 700 человек, архангельская флотская рота, морской госпиталь, офицерский морской клуб и многое другое, и, несмотря на это, значительная часть зданий пуста. В офицерском клубе хранятся модели наших старых судов: «Ингерманланда», «Нептунуса», «Твери», «Славы России» и др. Из окон казарм видны пустые места, находившиеся подле верфей и эллингов, заваленные мусором и порастающие травой. При посещении Соломбалы Великий Князь осмотрел также казарму пограничной стражи и ездил на стоявшие против нее клипер «Забияка» и паровые шхуны «Полярная Звезда» и «Бакан». Гром салютов с военных судов раскатился далеко по низменным берегам и островам Двины вслед за посещением Великого Князя.

За время своего пребывания в Архангельске Его Высочество посетил целый ряд благотворительных и образовательных учреждений: Константиновский детский приют, городской Детский приют, приют Святого Петра, Алексеевскую богадельню, женское епархиальное училище, лечебницу императора Александра II и архангельскую мужскую гимназию. В епархиальном училище коротенькие приветственные речи Великому Князю были сказаны на зырянском и карельском языках двумя девочками и тут же заявлено ходатайство об учреждении стипендии

Смоляной буян

Великокняжеского имени, едва ли не первой подобной. В приюте Святого Петра представились Его Высочеству многие дамы, благотворящие не только на словах, но и на деле; количество образовательных учреждений увеличится церковно-приходским училищем, основываемым головой ремесленного общества Кочневым в память посещения Его Высочества: училище будет носить имя Владимирского.

Вне города, вверх по течению Двины, лежат обширные льняной и смоляной буяны, хранящие периодически огромные запасы этих важных отпускных грузов. Любопытно было посмотреть на уцелевшее учреждение Петровского времени, на браковщиков, вызванных к жизни указом 2 июня 1700 года, и увидеть их в действии при отправлении обязанностей, при разделении товаров по сортам: «доброе к доброй, среднее к средней и меньшее к меньшей статье». Основанием браковке товаров при Архангельском порте послужили подлоги, замечавшиеся в русских товарах, отправлявшихся за границу; браковщики появились только в 1713 году, по доносу англичан и по просьбе русских купцов. Браковщики нанимали нужное им количество помощников, для льна — вязальщиков, деливших

на десятки, имевшие десятских, из людей «добрых и знающих свое дело». В общих чертах все это сохранилось и до настоящего времени.

Браковка льна на буяне производится в длинном деревянном строении 4-мя браковщиками, 60-ю десятниками и 288 рабочими. Начинается она с осмотра «пробоек»: это нечто вроде льняных снопов, причем браковщики, захватывая между колунами связку лена, пробирают ее руками, будто расчесывая всю решительно; так же поступают и с худшими сортами, с куделью или очесом, и разобранные по сортам пробойки переносятся на «машины», стягиваются, связываются в «бунты» около 17 пудов весом, и к ним прикладывается пломба. Пломбе этой вполне доверяют за границей. Лен приходит сюда главным образом из Вологодской и Вятской губернии, сбывается в Англию, Францию, Америку, отчасти в Германию Бельгию и Голландию. Вывезено было льна:

В 1875 году	594 000 пуд.	на 2 600 000 руб.
1884	267 000	1 200 000

Упадок этот объясняется несовершенством внутренних сообщений, направляющихся к Архангельску; еще недавно было тут девять крупных торговых домов льном, теперь их только два: Грибанов-Фонтейнес и Линдес. Дурное влияние, оказываемое этим упадком на крестьянское хозяйство смежных губерний, понятно само собою.

Его Высочество подробно осматривал буян и производство браковки и внимательно вслушивался в объяснения, знакомясь с положением этой важной для Архангельска отрасли торговли. То же самое было и в недалеком смоляном буяне. Бочки со смолой и пеком лежали на земле, открыто, длинными правильными рядами, и надо было поистине удивляться искусству браковщика, следовавшего от бочки к бочке и моментально определявшего, всунув в смолу небольшую деревянную ложку «щуп» и повернув ее, один из пяти сортов; на бочке «водянке», то есть с примесью воды, выцарапывался крест. Пеку только два сорта, и браковщик, ломая плиточку, определяет его достоинство по взлому и по вкусу; на буяне два браковщика, русский и иностран-

ный, и 60 рабочих. Товар приходит в Архангельск из уездов Холмогорского, Пинежского и Шенкурского и из Вологодской губернии, уездов Сольвычегодского и Вельского. Очень много пеку направляется в Италию и Испанию для переделки в канифоль для смычков. Количество смолы, вывозимой из Архангельского порта за последнее десятилетие, почти неизменно; в 1884 году отправлено 114 000 пудов, на сумму 600 000 рублей.

Вот любопытная табличка о поступлениях в Архангельской таможне:

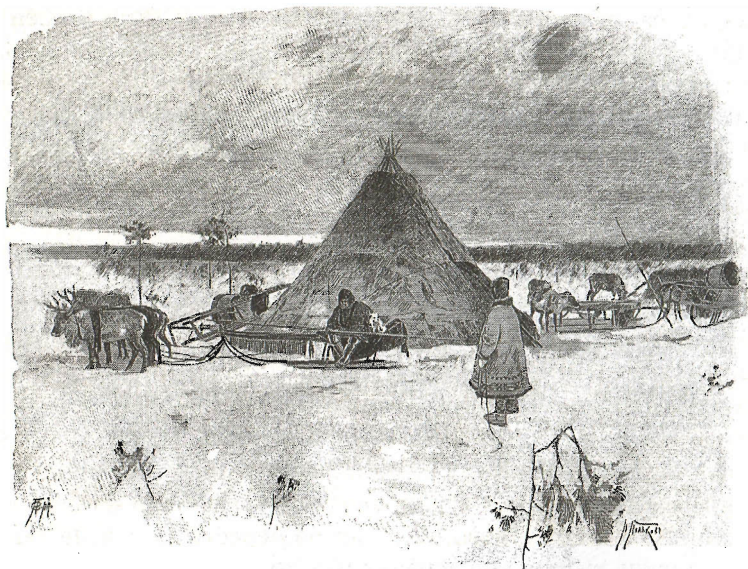
	<i>1875 года</i>	<i>1884 года</i>
Пошлин с привозных товаров	127 000 р.	55 000 р.
Вывезено из Архангельского порта	8 600 000	7 200 000
Привезено в Архангельский порт	803 000	859 000
В приходе иностранных пароходов и кораблей	484	305
Судов русских пограничному и каботажному плаванию	957	580

По средней десятилетней сложности привоз товаров из-за границы простирается до 772 000 руб., вывоз на 8 949 000 руб. Главнейшие товары привоза: чай, кофе, оливковое масло, вино, поваренная соль, петролей³⁰, свинец, железо, машины, рыба соленая, сушеная и вяленая; главнейшие товары вывоза: лен, пакля, лесной материал, смола, овес, муки, крупа, мясо, щетина и рогожи. Привоз к нам соли и рыбы — явление совершенно ненормальное, требующее лечения. Совершенно характерное торговое значение Архангельска выражается и в присутствии многих иностранных консулов; пестрые, часто богатые, не русские мундиры их придают собранию представителей местных властей, администрации и сословий совершенно самостоятельный вид, не имеющий места в других губернских городах. Особое, важное значение Архангельска для нашего севера сказывается по осени, в сентябре, на Маргаритинской ярмарке. Тут идет тогда снабжение припасами и материалами на всю нашу долгую зиму; тут устанавливаются годовые цены добычи всех поморских промыслов; тут видится тогда вся пестрядь нашего северного населения:

³⁰ Нефть.

карел, самоед, лопарь, помор, — каждый со своими особенностями. За последние годы, и об этом следует упомянуть, сделаны были нашими поморами Хохлиным, Митрофановым и другими попытки вывозить грузы из Архангельска прямо в Англию на собственных судах; попытки увенчались успехом, и нельзя не пожелать им дальнейшего, более широкого развития.

С большим интересом осматривал Его Высочество выставку, устроенную к его приезду в биржевой зале, помещающейся в здании таможни, и служившую очень хорошим дополнением нескольких выставок, уже виденных нами. Очень хорош и полон был орнитологический отдел промысловой и вообще местной птицы, морского звероловства, рыбной и лесной охоты, с образчиками и моделями силков, западней и тому подобного; любопытны были изделия из дерева, котелок с цельною, вырезанною из дерева из одного куска цепью, изделия из бересты, местные ткани, пряжи, зырянские деревянные замки, замши и кожи из оленьих шкур, образчики трескового жира и смолы; в совершенном загоне, на полу, помещались образчики зерна, красовавшиеся так царственно, так самостоятельно на выставке Рыбинской биржи; характерен был можжевельниковый ствол в 4–5 дюймов в диаметре и несколько образчиков женских головных уборов, почелков и повойников. За ткацким станком, в богатом местном одеянии, сидела за работой женщина, и против нее девочка ткала на «ставине» золотую тесьму. Были тут и вещи исторического интереса: два стеклянные кубка и пивная кружка, принадлежавшие принцу Антону-Ульриху, и старое деревянное кресло Филарета Никитича Романова — из Сийского монастыря. Продуктом не местным, но очень характерным были два рога, длиной около сажени, одного из страшилищ океанской пучины подле Шпицбергена, рыбы-однорога, прямые, но завитые винтом; рога были срезаны на Новой Земле с прибитых волнами мертвых экземпляров. В заключение следует сказать, что на выставке, в садике, имелся самоедский чум, со всем его обширным населением целых четырех поколений, от грудного младенца начиная, включительно до деда и бабушки; посредине чума горел костер, наполняя его своим едким дымом; одетые с ног до головы в оленьи шкуры, с приме-

Самоедская кочевка в тундре

сю других мехов, самоеды эти говорили очень порядочно по-русски; все они замечательно низки ростом; волосы в бородках и усах мужчин могут быть сосчитаны. Богатство края сказалось в этой выставке весьма наглядно и служило как бы объяснением того внимания, с которым отнесся Великий Князь к Дымкову и Котласу, как к исходным пунктам Волго-Двинской дороги.

Служебные осмотры заняли у Его Высочества достаточно времени. В управлении уездного воинского начальника Великий Князь поверил ведение отчетности о запасных. Отчетность эта здесь сложнее, так как она сосредоточивает сведения о запасных, проживающих не только в Архангельском, но и во всех прочих уездах губернии. Взяв на выдержку два уезда, Его Высочество проследил правильность выполнения алфавита по данным, содержащимся в книгах об ожидаемых, о прибыли и убыли, ознакомился с порядком хранения отчетных и призывных листов, послужных списков и приемных формуляров и с приемами составления месячной отчетности о запасных, а также с действиями управления по созыву ополчения и в относительно уволен-

ных во временный отпуск по болезням. В заключение Великий Князь поинтересовался проектом приказа по управлению об открытии действий сборного пункта и состоянием военно-статистических сведений. Рано утром, 15 июня, был осмотрен местный лазарет, помещающийся в деревянных казармах инженерного ведомства, и обойдены все палаты. Затем состоялся смотр местному батальону, заключающийся в батальонном и ротном учении, причем батальон был пропущен церемониальным маршем, шагом и бегом. Батальон выжидал Великого Князя развернутым строем на поле, близ казарм. Благодаря современному составу, батальон представлял весьма почтенную боевую силу. В довершение смотра произведено было батальонное тактическое ученье, вполне подтвердившее истину, что если роты хороши, то хорош и батальон: несмотря на то, что роты были сведены к смотру только в третий раз, батальон учился осмысленно, без суеты, при сохранении тишины, внимания и порядка; недоставало лишь некоторой уверенности, приобретаемой более тесной спайкой рот. Поблагодарив батальон, Великий Князь осмотрел казармы, где обошел офицерское собрание, помещение рот, кухни, столовые и склады.

В 6-м часу вечера Его Высочество должен был покинуть Архангельск на пароходе «Норденшильд», имеющем весьма любопытное прошедшее, и направиться за бар, где ожидал нас «Забияка», разведя пары, для немедленного следования в Соловецкий монастырь. От пристани, усыпанной народом, при пожеланиях доброго пути, выражавшихся единодушными кликами, при звоне колоколов Великий Князь оставил Архангельск на паровой шхуне Сибирякова «Норденшильд». «Забияка», посещенный нами утром и сидящий значительно глубже, должен был воспользоваться приливом, чтобы заблаговременно выйти в море. Великого Князя провожало городское общество на пароход «Купец», на котором проехали мы всю Сухону и Двину. Мы шли по Маймаксе, одному из рукавов Двины. «Норденшильд», как судно, построенное специально для полярных плаваний, само по себе представляло значительный интерес: оно невелико, но имеет много не только поперечных, но и продольных связей, способных противостоять напору льдов; нос его стальной, чтобы служить тараном; множество бочек, размещенных

Выставка. Семья самоедов

повсюду, свидетельствовали о запасах пресной воды, которые берутся на судно в полярное плавание. В 1879 году этот маленький «Норденшильд» совершил долгий путь Суэцким каналом и Индийским океаном навстречу «Веге», на которой «Норденшильд» через Ледовитый океан прошел в Берингов пролив. Встречи этой не состоялось, потому что в Японии «Норденшильд» сел на мель, на которой и простоял целые шесть месяцев; волны разбили все его каюты, и снятый с мели англичанами, он должен был отстроиться заново. В 1883 году «Норденшильд» около Вайгача нашел экипаж «Варны» и «Луизу». Он был совершенно готов и теперь к выходу в полярное море, но боится идти, потому что вследствие поздней весны и северных ветров Новая Земля должна быть окружена льдами. Мы пересели на «Забияку» ввиду Мудьюгского маяка, очень близко к плавучему; навстречу Его Высочеству выехала лодка с Мудьюгской спасательной станции. Этих станций на Белом море три: Мудьюгская, Летнегорская и Анзерская на Соловецких островах;

в кроне того на зимнее время устраиваются зимние станции: подле Архангельска, в Соломбале, на Кегостров и в Холмогорах — Коскогорская, приносящая несомненную пользу при вскрытии и закрытии рек, сопровождающихся здесь опасными неистовствами водной стихии, поднимающейся выше уровня на три и более сажени.

Таблица устаревших мер и весов

1 верста	=	1,06 км
1 фут	=	304,8 мм
1 сажень	=	2,13 м
1 вершок	=	44,45 мм
1 аршин	=	0,71 м
1 дюйм	=	25,4 мм
1 пуд	=	16,38 кг
1 тонна	=	61,05 пуда
1 фунт	=	0,41 кг
1 килограмм	=	2,44 фунта
1 лот	=	12,79 г
1 грамм	=	0,23 золотника
1 ведро	=	12,29 л
1 килолитр	=	81,3 ведра
1 штоф	=	1,23 л
1 литр	=	0,081 ведра
1 бутылка	=	0,61 л
1 литр	=	0,64 бут.

Литературно-художественное издание

СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович

ПО СЕВЕРУ РОССИИ

Ответственный редактор *О. Старикова*
Компьютерная верстка: *Г. Сенина*

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

ПО СЕВЕРУ РОССИИ

Впервые после более чем столетнего перерыва публикуются путевые записки замечательного русского поэта Константина Случевского (1837–1904). «По Северу России» — уникальная по материалу и широте охвата картина северного региона пореформенной России. В книгу включены дневники двух поездок, совершенных в свите великого князя Владимира Александровича (1847–1909) в 1884 и 1885 годах.

Книга будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-94282-536-2

9 785942 825362

ОГИ

ПУТЕШЕСТВИЯ